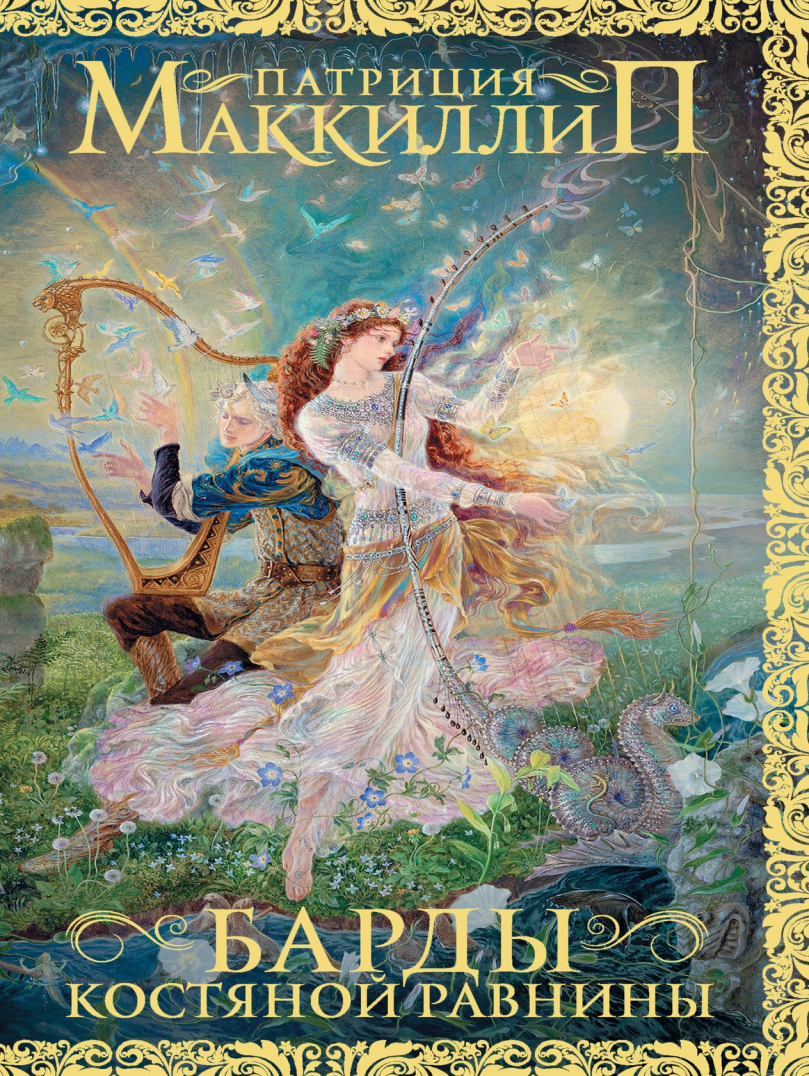
ПАТРИЦИЯ МАККИЛЛИП



БАРДЫ КОСТЯНОЙ РАВНИНЫ

Барды Костяной равнины
Патриция Маккиллип

Аннотация
Патриция Маккиллип. Барды Костяной равнины
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая

Аннотация

Заканчивая знаменитую Школу-на-Холме, каждый выпускник должен написать квалификационную научную работу. Фелан Кле выбрал темой для своей Костяную равнину – предмет непрекращающихся споров на протяжении вот уже девяти веков. Даже в школе, гордящейся духом истинного древнего искусства, равнина эта с ее тремя испытаниями, тремя сокровищами и тремя карами давно уже считается мифом. Исследования приводят Фелана к изучению жизни Найрна – легендарного Блуждающего Барда, Непрощенного, жившего и творившего во времена основания Школы. Но как связаны с ним отец Фелана и таинственный арфист, пришедший с севера? И какую силу способны разбудить лучшие музыканты всех земель, собравшись на состязание, победитель которого будет призван Первым Бардом королевства?

Патриция Маккиллип
Барды Костяной равнины

Patricia McKillip
THE BARDS OF BONE PLAIN
Печатается с разрешения автора и литературных агентств *Baror International, Inc.* и *Nova Littera SIA*.
В оформлении обложки использована иллюстрация *Кинуко Крафт*
© 2010 by Patricia A. McKillip
Cover illustration Copyright © 2010 by Kinuko Y. Craft
© Д. А. Старков, 2017, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

Маккиллип — это первое имя, которое приходит на ум, когда меня спрашивают, кого я читаю сам и кого мог бы порекомендовать прочитать другим.

Питер С. Бигл

Некоторых авторов мы читаем из-за их персонажей и сюжетов, других — из-за красоты их языка. Пэт Маккиллип я читаю по обеим причинам.

Чарльз Де Линт

Прочитав много лет назад восхитительного «Мастера загадок», я не пропускал ни одной книги, написанной Патрицией Маккиллип. Чего и вам советую.

Гарт Никс

Глава первая

Отца Фелан отыскал у реки. Было тишайшее раннее утро. Волны прилива мягко плескались у подножья одного из огромных, изъеденных временем стоячих камней, возвышавшихся по обе стороны реки в таком беспорядке, что некоторые говорили, будто по ночам, когда луна на исходе, эти камни приходят в движение и бродят с места на место сами собой. Такова была одна из легенд, связанных с этими камнями. Вторая же сидела в пьяной полудреме за грудой обломков стены, устало рухнувшей на границе воды и суши.

– Я видел, как шли они на войну —
Камни Бека, камни Тарана,
Отважные камни Стирла.
Я пережил гнев их и ярость.
Я повесть о них вам принес.
Кто я?

Ответ на это Фелан знал: вне всяких сомнений, глубокий, прерывистый голос с ноткой беззаботной насмешки, отточенной так тонко, что того и гляди порежет, принадлежал Ионе Кле.

Беззвучно вздохнув, Фелан двинулся на голос вдоль груды битого кирпича. Грязь под ногами чавкала на каждом шагу. Над рекой Стирл навис густой туман, долина безмолвствовала. Если бы не голос отца, Фелан вполне мог бы решить, будто в тумане нет ни души, и весь мир вернулся к началу времен.

— Кто здесь?

— Будто тебе дело есть, — откликнулся Фелан.

Из-за кучи негромко хмыкнули.

— О, Фелан. Прекрасно. Я издержался до последнего гроша.

Вскарабкавшись наверх, Фелан уселся на гребень груды обломков. Подошвы измазанных грязью сапог уперлись в камень вровень с головой отца. Иона поднял взгляд и криво улыбнулся сыну. Его приятное, изможденное, заросшее колючей щетиной лицо было бледно, веки воспалены, в длинных темных волосах запуталась скорлупа птичьих яиц, раковины улиток, мокрые перышки, отливающая перламутром рыбья чешуя. Домотканый плащ с капюшоном, должно быть, украденный где-то в скитаниях, выглядел так, будто отец проспал в нем на прибрежной гальке, омываемый всеми приливами и отливами, не один день.

— У меня для тебя новость, — сказал Фелан.

— Как ты меня отыскал? — с любопытством спросил отец. — Ты всякий раз меня находишь!

— Может, по запаху… — Фелан выдернул из волос Ионы прутик и с хрустом разломил его надвое. — Никогда об этом не задумывался. Если уж приходится искать тебя, я предпочитаю покончить с этим как можно скорее.

— Денег она мне не передавала?

— Нет. Она хочет видеть тебя дома.

Отец закатил глаза и вопросительно сощурился, но Фелан только пожал плечами.

— Даже не спрашивай, зачем.

— Но зачем?

— А почему бы нет? У тебя есть дом. Выпить и дома можно.

Услышав его последние слова, Иона пошарил вокруг, нащупал горлышко разбитой бутылки, недовольно крякнул и отшвырнул его прочь.

— Не вижу надобности подвергать твою мать таким испытаниям.

— Так зачем же…

— Зачем я ей понадобился? Это так уж важно? — видя, что Фелан не собирается отвечать, отец потянулся к нему, поймал его грязный сапог и встряхнул. — Ты же знаешь зачем. Скажи!

— Нет, — непреклонно ответил Фелан.

— Ладно, а деньги у тебя есть?

Фелан не отвечал. Он отодвинулся от отца, перекинул ноги через гребень рухнувшей стены, склонился вперед и нахохлился, как сидевшие вдоль берега чайки. Сероглазый, светловолосый, он и с виду напоминал одну из них. Подобно им, он устремил взгляд на воду в ожидании ряби, знака, указания пути. Вода говорила, негромко журчала, пенилась среди никчемного мусора, что вынесла на берег и разложила в грязи, будто бесценные сокровища. Пробуждавшийся бриз всколыхнул камыши. Вскоре он развеет туман, сотрет границы этого крохотного потаенного островка безвременья… Под его дуновением сквозь серую пелену уже отчетливо, явственно проступали очертания ближайшего из стоячих камней — тупого сливочно-желтого зуба в три человеческих роста высотой.

Фелан забормотал, почти не слыша собственного голоса:

— Я вижу приливы и вижу отливы. Меня знают птицы. Пришел я сюда с севера, из земли Но. Ищи меня у кромки моря. Я тут и там с тех времен, как положено слову начало. Кто я?

Отец фыркнул сквозь стиснутые зубы — воз-

можно, сплюнув прилипшую к губе чешуйку, возможно, отпустив нечленораздельное замечание.

— Отвечай, — коротко сказал он.

Фелан беззвучно рассмеялся в непроницаемое лицо раннего утра.

— Сам отвечай, — негромко выдохнул он. — Скажи, кто ты. Скажи, как мне понять, зачем ты здесь — зачем сидишь в грязи и мусоре у берега реки на рассвете, среди безлюдных развалин?

Он подождал — без особых, впрочем, надежд. Туман ветшал, нити его редели, открывая взгляду проблески света, плывущую брюхом вверх дохлую рыбу, плоский бок еще одного стоячего камня, когда-то, в минувшие столетия, сошедшего с места и двинувшегося через реку. Вскоре утренний бриз развеял все надежды получить ответ. Фелан поднялся на ноги.

— Мне пора.

Иона вновь поднял на него взгляд. Глаза отца сузились, сверкнули от внезапной перемены освещения.

— А ведь мне это не понравится, не так ли? То, для чего я нужен ей дома?

— С этим вполне можно примириться, — устало сказал Фелан. — Зато примешь ванну, напол-

нишь карманы…

— А ты так и не скажешь?

— Ты же знаешь: не скажу.

— Одолжи мне…

— Нет.

Иона вновь улегся на спину и мелодичным, приятным голосом затянул, будто литанию:

— Упрямый, свиномордый, строптивый, жестокосердный, безжалостный, беспощадный…

— Знаю, знаю, — Фелан встал и спрыгнул вниз. — В жизни не сомневался, что я — твой сын. Ладно, там увидимся.

— Где? — спросила куча камней.

Повернувшись к ней спиной, Фелан пересек заросшую сорной травой дорогу и едва не свалился в последнее прозрение отца.

«Из-за этой отцовской мании в городе скоро шагу некуда будет ступить», — мрачно подумал Фелан, едва удержав равновесие на краю ямы. Бросив взгляд вниз, в полумрак, он развернулся и двинулся по пустоши к мосту через Стирл.

На полпути через реку он выступил из промозглой мути тумана, серой воды и камня на простор изумительно яркого света.

Длинный открытый паромобиль, кативший навстречу, крякнул на Фелана клаксоном и вы-

пустил в воздух струю пара. Увидев за рулем принцессу, Фелан помахал ей, но машина тут же исчезла в полосах тумана позади, увозя бригаду археологов к месту загадочного отцовского проекта. Оставалось только надеяться, что Иона не подвернется им под колеса. Другого движения по этому мосту — мосту к руинам воспоминаний, в царство заросших травой призраков далекого прошлого, давно исчезнувшего из памяти живых — не наблюдалось. Чем мог привлечь отца этот унылый клочок земли в сердце большого города? Этого Фелан и вообразить себе не мог.

Столица королевства, необозримый Кайрай, сверкавший под солнцем буйной радугой всевозможных оттенков мрамора, краски и кирпича, занимал собою половину огромной равнины по обе стороны реки Стирл. Вдоль пирса выстроились шеренгой торговые корабли — паруса убраны, машины безмолвны, грузчики деловито снуют по трапам вверх-вниз. Другие суда, следуя за отливом, двигались вниз по Стирлу к морю, поднимали паруса — яркие, неповторимые, будто крылья бабочек. Рыбацкие лодки, элегантные барки, быстрые юркие рыночные ялики скользили по речной глади от берега к берегу. На вершине единственного в городе холма высилась древняя

школа — толстостенное здание, обнимавшее полуразрушенную башню, тянувшуюся вверх темно-серым мазком на фоне ярких стен более поздних столетий. Туда-то Фелан и направлялся.

По ту сторону моста начинались шумные людные улицы, и здесь он сел в трамвай-конку, идущий до школы на холме.

Мантию, книги и записи он держал в одном из дубовых шкафчиков, тянувшихся рядком вдоль стен профессорской — просторной комнаты в монументальном серо-розовом здании, выстроенном на деньги и названном в честь отца, Ионы Кле. Несколько прочих учеников-преподавателей тоже облачались в мантии, зевая и ворча по поводу раннего часа. Все они, как и Фелан, почти закончили годы учебы — им оставалось лишь овладеть последним предметом, прочесть один-два учебных курса да написать итоговую исследовательскую статью, после чего они смогут выйти в свет и назвать себя бардами. Их мантии, надеваемые поверх одежды, все еще были ученическими — зелеными с золотом. Однако, как мэтрам на практике, им дозволялось носить мантии небрежно, нараспашку, выставляя напоказ кожу, домотканые рубахи, шелка и парчу — порой засаленные и потрепанные не меньше,

чем их владельцы.

Роясь в бумагах и книгах, Фелан услышал собственное имя и рассеянно оглянулся.

— Ты уже выбрал тему итоговой работы? — спросил подошедший юноша. Он был превосходным музыкантом, потрясающе старательным и прилежным во всем, кроме того, что не относилось к музыке. — Я ненавижу историю. Ненавижу чтение. А превыше всего ненавижу писать. Просто в голову не приходит мысли, ради которой я смог бы дни напролет сидеть за столом с пером в руке и выводить бесконечные фразы, которых не прочтет никто, кроме одного-двух мэтров — и то лишь по обязанности. О чем будешь писать ты? Ты уже выбрал?

Фелан пожал плечами.

— О чем-нибудь простеньком. Лишь бы с учебой покончить.

— А о чем это — о простеньком? — умоляюще спросил юноша. — Скажи же!

— О стоячих камнях.

— О камнях Кайрая? — вмешался в разговор еще один из коллег. — Уже было. Как минимум раз в десятилетие за последние пять сотен лет. Что о них можно сказать нового?

— Как знать. Да и кому до этого дело? И, кстати,

Кайрай ни при чем. Я исследую стоячие камни Костяной равнины.

Мрачная девица, учившая начинающих нотной грамоте, застонала.

— Дважды в десятилетие за последние пять сотен лет.

— Прямо как отец, — улыбнулся Фелан. — Он сказал в точности то же самое, услышав, о чем я собираюсь писать. Но это проще всего: самое трудное уже сделано до меня, и думать над статьей не понадобится.

— Так ты еще и не начинал? — догадалась девица.

Фелан покачал головой. Последовала недолгая пауза.

— Как такое возможно? — резко спросила девица. — Такой поразительный дар — и так мало амбиций…

Зажав под мышкой бумаги и книги, Фелан запер шкафчик, одарил девицу очаровательной насмешливой улыбкой и отвернулся. Стоило ли объяснять, что вся его жизнь вплоть до сего момента шла по указке отца?

Фелан давно оставил попытки понять Иону. Довольно было и того, что отец решил его судьбу еще в пять лет, без всякой жалости отдав в Шко-

лу-на-Холме, пообещав сыну свободу и богатство, если тот осилит многолетний учебный курс до конца. И вот, после всех этих лет, до конца осталась какая-то пара шагов: прочесть еще один скучный учебный курс да написать итоговую работу. Сто раз он был на грани ухода из этой школы — и сто раз предпочел остаться. И всякий раз самой убедительной из причин — куда более привлекательной и веской, чем все отцовские посулы — оказывалась мысль о том, что, поступая, как велит Иона, он сумеет разгадать хитросплетения отцовского сознания и наконец-то научится понимать его.

Однако некоторое время назад, как это ни горько, пришлось признать поражение. Теперь Фелану хотелось только одного: в последний раз выйти из Школы-на-Холме на улицы Кайрая и никогда больше туда не возвращаться.

Согласно традиции его уроки проходили в дубовой роще на вершине холма (по крайней мере в те дни, когда не было дождя). По мнению школьного эконома, в роще сменилось уже пять поколений дубов. Взглянув через лужайку, Фелан увидел, что ученики уже расселись под деревьями и ждут. Огромные золотистые ветви, способные притягивать молнии, с громом ломавшие их, укрывали

землю густой паутиной теней — казалось, ученики, сидящие в траве, запутались в ней, сами того не ведая. Ветви, оброненные парой старейших дубов и ради создания нужного колорита не тронутые садовниками, покоились на земле, точно огромные заплесневелые кости.

Ученики в возрасте от двенадцати до пятнадцати миновали половину пути к окончанию нелегкой учебы. Все они сонно моргали, глядя на Фелана, уже вспомнившего, что он так и не успел позавтракать. Никто, включая учителя, не раскрывал книг и не пользовался пером и бумагой: этот урок шел по старинке, здесь требовалось упражнять память.

— Хорошо, — сказал Фелан, войдя в круг и опустившись в густую траву. — Доброе утро. Кто помнит, что мы пытаемся запомнить?

— «Загадки Корнита и Корната», — поспешил ответить круглолицый двенадцатилетний Джосс Куин.

— О чем они?

— О двух бардах, состязавшихся, чтоб поглядеть, кто из них станет придворным бардом короля Брете…

На этом Джосс замер с раскрытым ртом. Нить подхватила дочь королевского мажордома,

Сабрина Пентон, опрятная, уверенная в себе девочка.

— Каждый пытался угадать тайное имя другого, задавая вопросы.

— Сколько вопросов?

— Сотня, — выдохнул старший из учеников, неугомонный Фрезер Вердж. — Тысяча. Как же это нужно было исполнять, чтобы все вокруг не уснули, упав лицом в тарелки?

— Это была игра, — сказал Фелан, сделав паузу, чтоб подавить зевок. — А также урок истории. Вспомните порядок начальных букв каждой строки. Они составляют схему, помогающую памяти. Начнем. По кругу, по одной строке каждый, — он обвел учеников взглядом в поисках тех, кто прячет глаза; самым неуверенным выглядел худенький белоголовый Валериан. — Валериан, ты первый.

Мальчик выдал свою строку без запинки. Строки затрещали, загудели по кругу, как шестерни часов. Мысли Фелана обратились вспять, к раннему утру. Конечно, отец послушается супругу и вернется домой, но кто знает, каким путем? Предстоявшее отцу празднование дня рождения определенно не сулило ему никакой радости. Что ж, по крайней мере, день рождения не его…

Внезапно слуха Фелана достиг шорох ветра в листве дубов и отдаленный шум города. Часы остановились, гул шестерней стих. Окинув быстрым взглядом круг учеников, он отыскал мечтательное лицо того, на кого в ожидании смотрели все остальные.

— Фрезер!

Мальчишка моргнул, возвращаясь с небес на землю.

— Прошу прощения. Я задумался.

— Мы ждем следующей строки.

Что там дальше? Может, «пэ»? Или «тэ»? Фелан и сам не мог вспомнить.

— «Вэ», — тихо шепнула Фрезеру Сабрина.

Память тут же распахнула двери, озарив лучом света и учителя, и ученика.

— Вверх ли стремишься ты в сумраке ночи, — без промедления продекламировал Фрезер, — вниз ли во свете дня?

Фелан сухо кашлянул, но воздержался от иных замечаний и перевел взгляд на темноволосую, румяную, как земляничка, Эстасию — следующую в кругу. Та немедля подхватила ритм:

— Уж не лоза ль ты, что обвивает пышный терновый куст?

— Для тех, кто успешно завершит многолетнюю

учебу в нашей школе, — поспешно заговорил Фелан, едва ученики, запинаясь и мямля, добрались до последней загадки, — ответы станут очевидны. Чем больше вы будете знать о подобной древней поэзии, тем лучше поймете, что корень всей поэзии, и, таким образом, всех загадок, ведет к Трем Испытаниям Костяной равнины. Каковые есть?..

— Вьющаяся башня, — быстро сказал Фрезер, пытаясь загладить допущенную оплошность.

— И?..

— Неисчерпаемый котел, — ответил, блеснув очками, костлявый, длиннорукий, длинноногий Хинтон.

— И?..

— Вещий камень, — ответил лентяй Алерон, довольно смышленый, но неизменно предпочитавший вопросы попроще.

— Да. Итак, кто же из бардов в истории Бельдена прошел все три испытания?

Вновь наступила тишина. Сухой дубовый лист, подхваченный весенним ветром, бешено затрепетал, сорвался с ветки и полетел прочь.

Молчание затянулось.

— Вас со всех сторон окружают музы, — напомнил Фелан ученикам. — Советники, помогающие запоминать и творить. Солнце, ветер, земля, вода,

камень, дерево. Все они говорят языком бардов. Языком поэзии.

Дубовый лист летел над травой к кольцу стоячих камней на вершине взгорка у реки, кружась в танце, начавшемся задолго до того, как Бельден обрел свое имя.

— А где именно, — внезапно спросил Фрезер, — находится Костяная равнина? Может быть, прямо у нас под ногами?

— Возможно, — ответил Фелан, цитируя собственное исследование. — Однозначных и недвусмысленных указаний на некое определенное место не найдено до сих пор. Вероятнее всего, она существовала только в мире поэзии. А может, преобразилась в стихи из некоего реального, вполне прозаического события, которое имел возможность пережить смертный бард. Как известно, говорящих камней и котлов с неисчерпаемым запасом жаркого вне пределов поэзии не существует. Так помнишь ли ты барда, прошедшего все испытания?

Фрезер покачал головой.

— Найрн? — наугад предположил он.

— Нет. Не Найрн. Найрн был великим бардом, но не сумел выдержать и простейшего из испытаний — Искушения неисчерпаемым котлом. То

есть испытания чего? Кто ответит?

— Испытания любви, великодушия и вдохновения, — ответила Сабрина.

— И таким образом обрел бессмертие, но утратил вдохновение. Не тот пример, коему стоит последовать.

— Так где же он? — спросил Фрезер.

— Кто?

— Найрн. Вы сказали, он обрел бессмертие.

Во вновь наступившей тишине учитель пристально взглянул в возбужденное, растерянное, по-волчьи скуластое лицо ученика в обрамлении длинных золотистых волос.

— Куда сегодня девался твой разум? — с легким удивлением сказал Фелан. — Похоже, заплутал вместе с Найрном в тумане поэзии. Между строк. Да, некогда Найрн действительно существовал, что подтверждается историческими документами, но неумолимые законы устного творчества, требующие жертв, преобразили его из истории в поэзию.

— Но…

— В поучительную сказку.

Но Фрезер не сдавался.

— О чем? Я совсем запутался. Зачем слагать поучительную сказку об иллюзиях, если Костяная

равнина иллюзорна? А если нет, то где искать ту башню, что предлагает одно из трех — умереть, лишиться разума или стать поэтом? Я хочу сделаться бардом. Величайшим из бардов, каких когда-либо знал Бельден. Должен ли я для этого войти в эту башню? В эту метафору?

— Нет, — со всей серьезностью ответил Фелан, сдерживая рвущийся наружу смех. — Таких требований наша школа не предъявляет. Равно как и их величества короли Бельдена. Если хочешь, можешь поискать эту башню. Или эту метафору. Однако в данный момент я предпочел бы услышать ответ на свой вопрос.

Но Фрезер лишь молча глядел на него, упрямо сжав губы. Фелан обвел взглядом остальных.

— Кто ответит?

— Бард Сили? — робко предположил тихий, выросший в деревне Валериан.

— Интересная мысль, но нет. Он, в благоразумии своем, даже и не пытался. — Фелан помолчал, выжидая. — Никто не может сказать? Вы же прекрасно это знаете. В вашем распоряжении вся история и вся поэзия, необходимая, чтобы найти ответ. Раскройте же эту тайну к нашей следующей встрече. Все перед вами — и ткань, и нить. Найдите ее и следуйте ей.

Ученики встали и разошлись — все, кроме Фрезера. Повернувшись, чтобы идти, Фелан едва не споткнулся о него.

— У меня еще вопрос, — упрямо сказал мальчишка.

Фелан слегка пожал плечами и снова опустился в траву. Непомерные амбиции Фрезера просто-таки пугали, и Фелан, чьи амбиции не простирались далее завтрака, возблагодарил судьбу, счастливо уберегшую его от подобной одержимости.

— Посмотрим, смогу ли я ответить.

— Я в этой школе семь лет. С тех пор, как мне исполнилось восемь. Вы — почти мэтр, и, значит, уже должны это знать. Сколько лет нужно учиться, чтобы нам наконец раскрыли секреты искусства бардов?

Фелан раскрыл рот, не сразу найдясь с ответом.

— Э-э… Какие секреты?

— Вы же знаете, — убежденно выпалил Фрезер. — Те, что там. В каждом из древних преданий, между строк каждой баллады. Волшебство. Сила, кроющаяся в словах. Скрывающаяся за ними. Уж вы-то должны знать, о чем я. Мне нужно овладеть ею. Когда же меня этому научат?

Фелан молчал, изумленно глядя на него.

— Понятия не имею, — наконец ответил он. — Меня никто не учил ничему подобному.

— Ясно, — не отводя упрямого взгляда от учителя, сказал Фрезер. — Я еще не дорос…

— Нет-нет…

— Вы завершили учебу. Все говорят, вы — гений. Можете отправиться, куда захотите, и вас охотно примут при любом дворе. Вас выучили всему на свете. Если уж не можете сказать, значит, не можете. Значит, еще рано. Я подожду.

Казалось, он так и останется ждать здесь, под дубом, и с места не сдвинется, пока кто-нибудь не придет просветить его. Фелан сдался первым. Он поднялся и немного помолчал, глядя в юное лицо, исполненное дикого, звериного упорства.

— Если подобные секреты и существуют, — в конце концов сказал он, — мне о них никто не рассказывал. Возможно, их, как и ту самую башню, нужно искать самому. Возможно, раскрыть их под силу только тому, кто осознал, что они существуют. Я же лишен способности видеть их. Потому-то никто и не учил меня подобным вещам.

Еще несколько мгновений Фрезер сидел неподвижно. Лицо его мало-помалу разгладилось,

недоверие во взгляде сменилось искоркой изумления — он удивлялся и Фелану, и себе самому.

— Может, и так, — неуверенно согласился он, поднимаясь на ноги. — Я думал, уж если кто-нибудь знает, так это вы.

Напоследок окинув Фелана озадаченным взглядом, он наконец ушел. Нимало не смущенный, Фелан направился в профессорскую трапезную — подкрепиться перед тем, как просидеть несколько часов в архивах библиотеки в поисках способа сказать то же самое, что говорили до него дважды в десятилетие за последние пять сотен лет, только иными словами.

В голове зазвучали глумливые замечания Ионы — включая те, которых тот и не высказывал. Проигнорировав их все, как и многие прочие, Фелан вошел в древнейшее из школьных зданий, под сень полуразрушенной башни. Настало время разжиться чем-нибудь на завтрак.

Глава вторая

Благодаря сотням стихов, баллад и былин, созданным поэтами за тысячу лет, все мы знаем Найрна — Найрна Бродягу, Дурачка, Проклятого, Непрощенного, Неприкаянного — весьма и весьма коротко. Нам известны его приключения, его любовь, его поражение, его отчаянье. Самые интимные из его страстей и мук исследованы до мельчайших подробностей. Упоминания о нем можно встретить в любом наугад взятом столетии, и всякий раз его вид, одежда и нрав шагают в ногу со временем. Даже сейчас, вдохновляя поэтов на новые сказания о своей любви и утрате, о своих нескончаемых поисках смерти, он говорит голосом нашего современника. Его испытания становятся нашими и одновременно остаются чужими: все мы стремимся избежать его судьбы столь же искренне, сколь восхищаемся ею.

Однако о человеке, сокрытом за поэтическим образом, за стихами и музыкой, о том, чья тень дотянулась до наших дней через тысячу и даже более лет, мы знаем поразительно мало.

Впервые он упоминается в архивах деревни

Хартсхорн как сын крестьянина, рожденный в суровых дебрях северного Бельдена, известных в те времена под названием Приграничья, в царствование Анстана, последнего из королей той страны. Таким образом, его рождение документально подтверждено. Исследуя период от его рождения до следующей подтвержденной документами жизненной вехи, мы можем полагаться лишь на более поздние баллады, в коих он получает детское прозвище «Свинопевец» за изумительный голос, который он часто упражнял, ухаживая за отцовским стадом свиней. Согласно более грубой версии, предлагаемой «Балладой о Найрне Неприкаянном», старшие братья нередко забрасывали его свиным дерьмом за обыкновение сидеть на ограде загона для свиней и петь, забывая о работе по хозяйству. Как воспринимали свиньи его талант, его удивительный голос и выдающуюся память? Этого не зафиксировано нигде — нигде вне рамок поэзии. В раннем возрасте (и, по-видимому, не без веских причин) он исчезает из деревенской жизни и уходит в фольклор, чтобы вновь объявиться в истории около дюжины лет спустя, в таверне на краю Северного моря, откуда был забран на военную службу в качестве полкового барда и отправился в сражение, навсегда

покончившее с владычеством короля Анстана. То была Битва при Уэльде.

Темен его волос, а глаз темней того,
Слаще сливок с медом его голос.
О, его очарованье! О, его дразнящий зов!
Он и у луны бы выманил улыбку.

Неизвестный автор.
Из «Баллады о Свинопевце»

Найрн был младшим из семи сыновей. Нелегкая им всем досталась доля — едва ли не ногтями выскребать пропитание из скупой каменистой почвы среди гор южных Приграничий. Танцевать он выучился с малолетства: прочь от этой ноги, от этого локтя, от этой мясистой ручищи, от бесшабашных копыт, от клюва злобного гуся… После его рождения мать уселась у кухонного очага и словно приросла к нему навсегда. От нее-то Найрн и слышал первые в жизни песни, когда обезумевший дом пустел, и он наконец-то мог расслышать хоть что-то, кроме воплей, хохота и грохота тяжелых башмаков братьев да хриплых, отрывистых окриков отца, на время обрывавших их галдеж, точно удар обухом топора о дно железного котла. Найрн тогда был

столь мал, что слушал песни матери, припав к ее груди. Ее высокий чистый голос сплетал слово и звук воедино, в нечто такое, чего нельзя увидеть, пощупать, попробовать на вкус, а можно только почувствовать сердцем.

Позже, когда Найрн выучился различать слова в сказках и пить из кружки, матери не стало, и он остался один в буйной толпе огромных, нескладных братцев, будто котенок в стаде коров — знай уворачивайся от хвостов да копыт! Готовить еду и латать одежду для всей оравы явилась женщина, круглая, как полная луна, с большущими, сильными — такими же, как у братьев — руками. Порой она тоже пела. Ее громкий сиплый голос был полон тайн, странных огоньков и теней, будто летняя ночь. Ее пение завораживало, Найрн замирал без движения, без звука, с головы до пят обращаясь в слух, вбирая ее секреты всем телом. Видя это, она смеялась и нередко совала в его грязную ручонку что-нибудь съестное. А еще она отвешивала оплеухи братцам, хихикавшим над ним, и при этом ее крепкий кулак не всегда оказывался пуст. Пришлось и им учиться плясать, уворачиваясь от мясницких ножей и увесистых половников. Однажды, вот так же околдованный, Найрн вдруг раскрыл рот, и из горла его вырва-

лась на волю собственная песня.

Расплата оказалась хуже, чем в тот раз, когда братья застали его ночью посреди скотного двора за попытками выловить из лужи луну. Гораздо хуже, чем когда его застигали за попытками разговаривать с воронами или барабанить по маслобойке деревянными башмаками матери. На этот раз ему пришлось стоять в навозе посреди загона и петь свиньям, пока братцы бились об заклад, какая из свиней первой собьет его с ног. Тут ему мало-помалу начало приходить в голову, что братцы видят мир как-то не так. И со слухом у них не очень. А вот свиньям, похоже, нравилось его пение. Они столпились вокруг, негромко похрюкивая, а братья гоготали так, что даже не заметили отца, выскочившего из дому взглянуть, что здесь за шум, пока он не подошел сзади и не сбросил с ограды загона в навоз всех, до кого смог дотянуться. Упал и Найрн, сбитый с ног и втоптанный в навозную жижу переполошившимися свиньями. Отец поднял его, вонючего, задыхающегося, за ворот и швырнул в корыто с водой.

— Пора тебе делом заняться, Свинопевец, — без церемоний сказал он Найрну. — Можешь петь свиньям все, что хочешь. Теперь они — твоя забота.

Так и случилось. И года не прошло, как его голос, звеневший из-за кустов и из дубовых рощ, начал привлекать внимание прохожих крестьян, а однажды привлек даже бродячего менестреля. Он-то и показал Найрну инструменты, что носил на поясе и на ремне, перекинутом через плечо.

— Ступай за луной, — посоветовал он мальчику. — Пой ей, и она озарит твой путь. На свете ведь есть места, куда ты мог бы пойти учиться. Или ты этого не знал?

Найрн, лишившийся дара речи, зачарованный звуками, исходящими из какой-то деревяшки да грубых жил столь же легко и просто, как его собственный голос из груди, ответить не смог. Тогда менестрель улыбнулся, вывел переливчатую трель на самой маленькой из своих свирелей и подал ее Найрну.

— Может, и не знал. Попробуй эту. Птицам понравится.

Затем, когда Найрн отыскал в свирели все ноты и научился выпускать их наружу так же легко, как собственный голос, на дороге показался фургончик. Внутри любезно болтали меж собою под ярким солнцем кастрюльки, сковороды, молоточки да клещи. Проезжий медник натянул поводья, остановив мула, и заглянул за дубы.

— Должно быть, ты и есть тот самый, кого люди зовут Свинопевцем, — сказал он худосочному чумазому мальчишке, игравшему на свирели в окружении роющихся в земле свиней. — Позволь мне послушать тебя.

Раньше Найрна никто об этом не просил. Удивленный, он на миг утратил голос, но тут же обрел его вновь и возвысил, запев первую из тех баллад, что пела ему мать. Дослушав ее до конца, медник швырнул в него чем-то. Привычный к таким вещам, Найрн увернулся. Колеса фургона покатились дальше, а Найрн увидел под ногами, среди дубовых листьев, отблеск света и поднял его.

Долго разглядывал он небольшой металлический кругляш с лицом на одной стороне и какими-то следами куриных лап на другой. В жизни отца такие штучки появлялись так же часто, как голубая луна[1], и исчезали так же быстро, но вот он сидит под дубом, держа в ладони свою собственную, полученную всего лишь за любимое дело!

Играя на свирели, он отвел свиней домой и ушел прочь из деревни, навстречу своей судьбе.

---

[1] Примечания: 1

Голубая луна — третье полнолуние в сезон, на который пришлось четыре полнолуния вместо трех. «Однажды при голубой луне» — английское выражение, означающее «крайне редко, либо никогда».

Год за годом он странствовал и забрел так далеко на север, как только мог. Вздумай он продолжать путь, пришлось бы прыгать в море и жить среди шелки[2]. Где-то посреди долгого путешествия от убогого отцовского двора в южных Приграничьях к суровому морю, поющему голосами русалок и огромных китов, он и вырос. Тощий бездомный мальчишка, чей чистый голос мог бы заставить железную мотыгу гудеть в унисон, остался позади. Дюжину с лишком лет странствий он добывал пропитание, перебиваясь случайными заработками, воруя (если приходилось), пуская в ход обаяние (если подворачивался случай), отыскивал и осваивал новые инструменты, и слушал — постоянно слушал. Его шаг удлинился, лицо повзрослело, голос обрел глубину и силу, глаза и уши превратились в широкие двери, сквозь которые в голову сплошным потоком текли чудеса, а мозг трудился, как целый рой пчел, запоминая их все.

Пройдя по песку самого дальнего северного берега, он оставил позади цепочку следов, ставших за годы странствий намного шире, и остановился у воды. Набежавшая волна лизнула носки его

---

[2] Примечания: 2

Шелки (селки) — мифический морской народ из шотландского и ирландского фольклора, люди-тюлени.

сандалий и покатилась назад, оставляя на нежном золотом песке причудливое кружево пены. Он сбросил заплечный мешок, арфу, одежды и, голый, побежал следом за ее убегающей песнью.

Какое-то время спустя, вынырнув из мутной воды, он услышал вдали отголоски еще одной песни. То пели люди.

Одевшись, он пошел на звук.

Шум доносился из ветхой лачуги у берега моря: полдюжины крестьян и рыбаков, гремя по столу оловянными кружками, тянули балладу, которой он никогда не слыхал. Он легко подыграл им на свирели, а еще через несколько песен взял в руки арфу. За это он был вознагражден первой в тот день пищей — элем, сыром и порцией жаркого из какой-то соленой, полной песка скользкой гадости, которую с великим трудом пришлось выскребать со дна миски, чтобы съесть до последней крошки.

Одноглазый трактирщик, расщедрившись, придвинул к нему еще порцию.

— Устрицы. Они жемчужины растят, — невразумительно пояснил он. — А ты, парень, откуда будешь?

— С юга, — ответил Найрн с набитым ртом.

— Издалека? — буркнул один из косматых лю-

дей за его спиной. — Издалека — с юга-то?

Почувствовав неладное, Найрн обернулся, кротко взглянул на него и ответил:

— Я просто бродил по свету. Никогда не покидал Приграничий. Где музыку слышу, туда и иду. Вот и сюда меня привела ваша песня.

Услышав это, все прыснули со смеху и вновь наполнили свои кружки и кружку Найрна за компанию.

— Старая песня, — сказал один. — Меня ей бабка выучила. И отец тоже пел ее, когда чинил сети. Значит, что творится к югу от Приграничий, ты не видал? — увидев выражение лица Найрна, он ненадолго умолк. — А, может, и не слыхал?

Найрн покачал головой.

— А что там?

— Война.

Найрн вновь покачал головой. О войнах он знал только из старых песен. Но вдруг, под скрип дощатой двери на ветру, под бесконечный буйный рокот прибоя снаружи, под треск огня внутри, каменные стены убогой лачуги показались ему хрупкими, будто яичная скорлупа. Оказывается, помимо огня, ветра и волн, следовало бояться чего-то еще. И этого чего-то может вовремя не заметить даже он, исшагавший все Приграни-

чья… Найрн слегка вздрогнул. Глядя на него, собравшиеся вокруг одного из двух обшарпанных трактирных столов закивали.

— Лучше тебе, парень, затаиться. Король будет собирать воинов для защиты Приграничий даже здесь, на дальнем севере.

— Я же менестрель. И нож ношу лишь затем, чтобы освежевать зайца на ужин или вырезать новую дудку для волынки. Не более.

— Ты сильный, здоровый мужчина о двух ногах, чтоб маршировать, о двух ушах, чтобы слышать приказы, и пальцев у тебя довольно, чтоб удержать меч или лук. Такие-то им и нужны.

— А что такое «волынка»? — спросил кто-то.

Найрн вынул инструмент из заплечного мешка.

— Я слышал ее на холмах запада. Ее звуками там созывают кланы со склонов окрестных долин. Напевы могут быть разными, но звук любого из них способен сорвать с ястреба все перья до одного.

Он заиграл. Минуты не прошло, как все застонали, моля о пощаде. Он пригрозил продолжать до тех пор, пока они не споют ему еще. К концу вечера все сидели, привалившись друг к другу, и тихо подпевали его арфе. К Найрну, устроив-

шемуся у огня и мечтательно подыгрывавшему пению темных волн, запутавшихся в лунных лучах, подошел трактирщик.

— Оставайся, — негромко предложил он. — Наверху, под стрехой, есть комнатка, где спала дочь, пока не вышла замуж. Я буду тебя кормить и монетку подбрасывать, когда смогу. И жаркого из устриц — сколько душа примет. Все лучше, чем бродяжить по королевству — в такие-то времена.

— Хорошо, — согласился Найрн. — Останусь на время.

«Время» оказалось короче, чем хотелось бы, но много приятнее, чем ожидалось — особенно после того, как Найрн познакомился с дочерью трактирщика, увидел ее глаза, серебристо-зеленые, как листья ив, услышал ее необычайно звучный грудной смех. Она пришла рано поутру и начала готовить пищу на день — хлеб, кастрюли похлебки и жаркого, баранину на вертеле. В ответ на темный, глубокий, полный желания взгляд она отвесила Найрну оплеуху, но миг спустя расхохоталась. Несколько дней после этого она поглядывала на него, когда думала, что он не заметит, но он чувствовал ее взгляды — короткие, любопытные, точно стук хрупкого клювика, пробивающегося наружу сквозь скорлупу яйца.

Однажды утром она явилась в предрассветный час и скользнула к нему под одеяло, на соломенный тюфяк на чердаке.

— Сам-то пошел в море с утренним отливом, — шепнула она. — А отец спит глухим ухом кверху. Только не прими это за что-то большее, чем оно есть на самом деле.

— Нет, — беззвучно выдохнул Найрн, пускаясь в новый путь, которому не было видно конца. — Конечно. Конечно, нет.

По вечерам он играл в трактире, дни же безраздельно принадлежали ему. Днем он странствовал по голым прибрежным пустошам в поисках крохотных каменных хижин, где жили пастухи и рыбаки, выпрашивал песни у беззубых стариков, гревшихся у очага, слушал ребенка, игравшего с плавником и ракушками, и мать, певшую, качая ногой колыбель и сбивая масло. Древние песни звучали в этих краях: его чуткое, ненасытное ухо улавливало в немудреных стихах отголоски преданий глубокой старины. Порой беззубые старцы с затуманенным взором, жмущиеся к теплу очагов, рассказывали Найрну легенды о волшебстве и силе. Все это истинная правда, уверяли они. Все это было на самом деле — давным-давно, в незапамятные времена… Дети учили его считалкам,

девочки постарше показывали приворотные амулеты — связки крохотных раковин, высушенных цветов, прядей волос, перевязанных разноцветной пряжей — и рассказывали, где их закапывать и что при этом петь.

— Вот этот зарой в песок в самой середке Ведьминых Зубов. Сам увидишь — темные камни там, на берегу, похожие на клыки.

— А этот отдай в дар Камню Владычицы, когда взойдет полная луна.

— А этот сожги у подножья Камня Короля, на вершине холма напротив Камня Владычицы. Там, вокруг него, целое кострище — говорят, древнее, как сам камень. Сам посуди: сколько народу жгло там приворотные амулеты! Значит, это не просто сказки!

Найрн отыскал эти камни.

Пару раз он чувствовал, что они, эти огромные выщербленные осколки древних эпох, глубоко вогнанные в землю неведомой несгибаемой волей, наблюдают за ним. Он играл им, прислонясь к ним спиной, и видел все, что видели они, — восходящее солнце и восходящую луну, морские приливы и отливы. Они взирали на него с высоты, когда молодая мать, придя к нему со спящим младенцем, укладывала дитя в ямку, выстланную

морской травой и плетями земляники, и кормила бродячего менестреля дикой земляникой из собственных губ. Они наблюдали…

Но длилось все это недолго — какие-то жалкие недели. Не успел никто из местных жителей бросить на сладкоголосого бродягу равнодушный взгляд или отозваться о нем без приязни, как в трактире, привлеченный песней, появился новый незнакомец.

Рыбаки, сгрудившиеся вокруг столов, взглянули на него с немалой толикой подозрения, но при нем не было оружия — только арфа в потертом узорчатом чехле тонкой кожи. Его простые одежды и плащ были украшены некогда яркой вышивкой, узкое лицо изборождено морщинами, рыжие волосы с сединой у висков острижены коротко и аккуратно, напоминая лисий мех. Странные глаза, золотые, будто у белой совы, первым делом устремились в сторону арфиста на скамье у очага. Затем незнакомец кивнул собравшимся, и те безмолвно кивнули в ответ, не зная, что и подумать о пришельце, внезапно появившемся в этакой глуши неведомо за какой надобностью.

Однако он тут же заказал эля на всех, и общее мнение о нем переменилось, а языки мало-по-

малу развязались. Говор его оказался странен, во фразах звучала непривычная напевность, но это легко объяснилось, стоило только спросить. Он родился не в Приграничьях, а в небольшом горном королевстве на юго-западе, король коего, как было известно всем, жил на высоком утесе с орлами, дабы присматривать с высоты за своей непокорной знатью.

— Зовут меня Деклан, — сказал он, — и я придворный бард лорда Окни из Гризхолда. Король Гризхолда прислал нам весть, что некий чужеземец вознамерился одолеть пять королевств и взять их под свою руку. Сей варвар, именующий себя королем Оро, поднялся с войском по реке Стирл и бросил вызов королю Стирла, чьи войска собрались на равнине по обе стороны реки. Жестока и ужасна была их битва. Мы слышали, воды Стирла покраснели от крови. Король Стирла сдался на милость победителя, и теперь тот обратил взор к западу от равнины, в сторону Гризхолда. Посему король Гризхолда отправил нескольких рыцарей, а в их числе и лорда Окни, к вашему королю Анстану и его знати, чтобы просить подмоги — оружием и людьми. С захватом равнины Стирл мы отрезаны от других королевств — от Уэверли и от Эстмера, да и сюда, на север, были

вынуждены добираться вдоль суровых западных берегов. Если король Оро захватит и Гризхолд, он не остановится на сем. Он двинется на север, в Приграничья, и нанесет удар, пока позволяет погода.

— А я думал, король варваров уже сцепился с нами, — веско заметил один из рыбаков. — Что сейчас он как раз за холмами на рубежах Приграничий.

— Нет, — покачал головой бард. — Когда мы отправились в путь, он вел войско на Гризхолд. Край тот суров, а знать там непокорна. Быть может, он не падет пред ним так быстро, как равнинное королевство.

— А что же занесло тебя сюда, в такую даль, — спросил другой рыбак, — если твоему лорду Окни нужен король? Королевский двор — он там, на юге.

— Мой господин остановился в ваших западных горах, дабы испросить помощи кланов предгорий. Ну и странная же музыка в тех краях, — добавил он, немного помолчав. Все рассмеялись. — Меня же послал он сюда, на поиски великих и богатых дворов северного побережья, с тем, чтоб смягчить сердца местной знати моей музыкой и склонить их расщедриться, когда он приедет к

ним с просьбами.

Это вызвало новый взрыв смеха, резкого и язвительного.

— Здесь ты мало что найдешь, кроме рыбацких деревень, — пояснил трактирщик.

— О-о…

— Но ты, конечно, явился сюда не один? Да, северяне щедры, но имеют так мало, что не утруждаются запирать двери. Стоит попросить, и они отдадут тебе самое лучшее — миску ухи да тюфяк из прелой соломы. Нет здесь ни войск, ни древней знати, кроме вон тех стоячих камней.

— И все же я пришел не напрасно, — улыбнулся Деклан. — Я слышал волынки горных кланов и охотно послушаю музыку, рожденную здесь, на самом краю света.

Теперь на него смотрели с любопытством — все недоверие исчезло, как не бывало.

— Еще один бродяга, — решил кто-то. — Как Найрн.

— Найрн?

Ему указали на юного арфиста.

— Вот он что угодно сыграет. Все Приграничья исходил и чего только не слышал!

Золотые глаза, блестящие, будто монеты, уставились на Найрна. Под их немигающим,

бесстрастным взглядом Найрну стало не по себе: казалось, его мир покачнулся и раздвинулся в стороны, внезапно открыв перед ним такую картину, о существовании коей он и не подозревал. И это ощущение отдалось в памяти странным эхом: второй раз в жизни он всей душой возжелал того, чему даже не знал названия.

Деклан улыбнулся. Найрн тронул струны арфы, приветствуя его без слов. Пожилой бард шагнул к нему и сел на скамью рядом с ним.

— Сыграй же, — попросил Деклан. — Что-нибудь из песен моря.

Найрн покачал головой и наконец-то обрел голос:

— Сначала ты. Слушать меня здесь уже всем надоело — даже мне самому. Сыграй нам что-нибудь свое.

Собравшиеся согласно загудели. Деклан склонил голову и развязал чехол арфы.

Освобожденная от чехла, арфа тут же пустилась в пляс со светом. Неограненные самоцветные камни, глубоко врезанные в дерево ее резонатора и рамы, засверкали в отблесках пламени, будто русалочьи слезы — зеленые, голубые, красные, янтарные. Слушатели зашевелились, изумленно забормотали, но тут же умолкли: арфист заиграл

медленную, звучную, изящную балладу. Подобного Найрн не слыхал ни разу в жизни. Мелодия оставила в сердце внезапную острую боль: выходит, на свете есть безбрежный океан музыки, которой он прежде не знал и мог никогда не услышать! Он, бродяга, очаровывавший своими песнями свиней, натерший на пятках мозоли тверже дверных филенок, словно бы углядел вдали роскошный замок — высокие стены, яркие флаги, вьющиеся над величавыми башнями. Несомненно, внутри этих стен такая прекрасная, сложная музыка была привычна, как воздух. Но он-то стоял снаружи, не имея права войти и не зная, какими чарами, каким волшебством проложить себе путь к ней. Не игрой же на волынке!

Баллада подошла к концу. За столами молчали, не сводя взглядов с арфиста.

— Жалко, — наконец выдохнул один из рыбаков, имея в виду принцессу, сбежавшую босиком из замка на тайное свидание со своей истинной любовью, но лишь затем, чтобы найти возлюбленного мертвым в укромной беседке, с обручальным кольцом мужа во впадинке под горлом.

Новая пауза.

— Похоже на ту балладу, что поет моя же-

на, — заговорил другой. — Только там не про принцессу, а про морскую деву, и муж ее тоже из рожденных в море, а ее истинная любовь — смертный человек, утонувший в волнах и найденный на песке с черной жемчужиной под горлом.

В глазах Деклана вспыхнул прекрасно знакомый Найрну огонек.

— Пожалуйста, — сказал бард, — спой ее для меня.

— О, нет, — запротестовал говоривший, пытаясь укрыться за спинами друзей. — Как я могу? После тебя-то?

— Я спою с тобой, — не задумываясь, предложил Найрн. — Я ее знаю.

«Видал? — безмолвно сказали Деклану взгляды рыбаков, как только Найрн заиграл. — Наш-то каков! Все знает!»

Ближе к концу песню подхватили все. Грубые, как просоленная морем шерсть, голоса рыбаков что есть сил старались подражать глубокому, сильному, звучному голосу иноземного барда. Деклан слушал молча, сложив руки поверх арфы, поставленной на колено, почти не шевелясь. Быть может, только его дыхание и заставляло арфу едва уловимо покачиваться: камни на ней поблескивали в отсветах пламени, темнели и

вновь вспыхивали искорками, притягивая взгляд Найрна, занятого игрой. Впервые в жизни он обнаружил какой-то прок в тех вещах, что знал лишь из песенных строк — золоте, самоцветах, сокровищах. Рожденный в нищете, он получил свою музыку даром, она стоила ему не дороже, чем воздух или вода. Теперь он понял: на свете есть и другая музыка, другие песни, а может, даже другие инструменты, сокрытые там, куда нет хода тем, кто не имеет золота и не носит драгоценных камней.

Самоцветы — нежно-голубые, как небо, зеленые, как речной мох, огненно-красные — дразнили, притягивали взгляд, как ни старался Найрн выкинуть их из головы. В очередной раз взглянув на них, он встретился взглядом с Декланом, но глаза барда, блеснувшие над самоцветами, оказались безмолвны, непроницаемы, будто стена тумана. Да, в жизни Найрну доводилось красть, но лишь самое необходимое: яйца из курятника, плащ, оставленный сушиться на ветках кустов, пару сандалий, когда ноги выросли так, что башмаки стали тесны. То есть вещи, без которых никак не обойтись. А вот подобного с ним не бывало никогда. Ничего в жизни не желал он так безоглядно, всем сердцем, как завладеть этими

камнями — бесполезными блестящими ленивыми созданиями, не приносящими никому ни малейшей пользы, а попросту выставлявшими напоказ свое богатство и красоту, сверкая на дереве арфы, чей звонкий, нежный голос даже не дрогнул бы, если бы они вдруг исчезли…

Тут Найрн услышал сквозь общий хор негромкий голос Деклана, обращенный к нему:

— Возьми же их. Если сумеешь.

Найрн вновь поднял взгляд на старого барда и вновь увидел его глаза — огромные, немигающие зрачки, блестящие металлом, будто не человеческие глаза, а монеты. Подобно самоцветам, сверкавшим на его арфе, они дразнили, манили к себе, бросали вызов.

Поспешно опустив взгляд, Найрн вложил каждую сыгранную ноту и каждое спетое слово в песнь вожделения и страсти, в балладу во славу музыки, которой никогда прежде не слыхал и, скорее всего, никогда больше не услышит, во славу всех ее несметных сокровищ, укрытых, точно запретная любовь, за стенами без единого окна, внутри неприступных башен.

Тем временем баллада подошла к концу, но Найрн едва смог заметить это, всем сердцем горюя о том, чему не суждено сбыться. Пальцы его

замерли, в последний раз коснувшись струн, и он услышал тихий вздох углей и треск хвороста в очаге. Умолкли все, кроме огня, ветра да моря. В конце концов Найрн шевельнулся и вдруг услышал, как что-то зазвенело о каменные плиты пола — раз, и другой, будто там, под ногами, настраивался сам собою какой-то неведомый древний инструмент.

Вновь тихий звон…

Опустив глаза, Найрн увидел, что самоцветы, будто слезы, один за другим катятся вниз с арфы Деклана и падают — падают прямо к его ногам!

Потрясенный, Найрн вскинул взгляд и обнаружил в глазах Деклана довольную, вполне человеческую улыбку. Тут и за столами зашевелились, переводя дух.

— Они идут на зов, — сказал бард. — Возьми их. Ты звал, и они пришли к тебе.

Все тело Найрна от затылка до пят покрылось гусиной кожей: крохотный образ нового мира, открывшегося перед ним, сделался шире, наполнившись бесчисленными вопросами.

— Кто ты такой? — прошептал он первый из них.

— Хороший вопрос.

Склонившись, бард собрал самоцветы и вло-

жил их в руку Найрна. Трактирщик откашлялся и потянулся за глиняным кувшином, чтобы вновь наполнить их кружки.

Вдруг дверь распахнулась, будто под напором ветра. Найрн стиснул самоцветы в горсти так, что пальцам сделалось больно. Вошедших незнакомцев он узнал сразу: мечи, кольчуги, суровые, усталые, безжалостные лица… Будто и не заметив ни окоченевших рыбаков, ни устремленных на них желтых глаз старого барда, они тут же обратили все внимание к Найрну.

— Ты, — велел один из них. — Собирайся. С равнины Стирл на нас движется войско, и королю Анстану нужен походный барабан. И волынка, чтоб созывать кланы, если у тебя она есть.

Один из рыбаков, наконец, заговорил.

— Сдается мне, ты говорил, будто это войско идет на юг, в Гризхолд, — с недоумением сказал он Деклану.

— Что ж, я ошибся, — ответил тот, поднимаясь и убирая арфу в чехол.

К тому времени, как Найрн спустился с чердака со своими пожитками, золотоглазого и след простыл. Старый бард исчез, растворился в ненастной ночи.

Глава третья

По пути через Докерский мост Беатрис, дочь короля, управлявшая неуклюжим, пыхтящим на ходу паромобилем, едва не сбила Иону, возникшего из тумана прямо посреди дороги. Бригада археологов, ощетинившаяся всевозможными инструментами, будто булавочная подушечка булавками, хором вскрикнула. Беатрис изо всех сил вдавила педаль в пол, на мокрой мостовой паромобиль повело юзом, и машина, выпустив клуб пара, остановилась в каких-то дюймах от Ионы. Резиновый молоток, сорвавшийся с чьего-то пояса, продолжил полет, отскочил от капота и, точно по волшебству, приземлился прямо в поднятую ладонь Ионы.

Иона рассмеялся. Беатрис зажмурилась и вновь открыла глаза. С трудом разжав пальцы, стиснувшие руль, она криво улыбнулась дрожащими губами.

— Доброго утра, мэтр Кле.

— Доброго утра, принцесса.

— Простите. Этот туман… С вами все в порядке?

— Конечно. Того, что сможет убить меня, еще не изобрели.

Подойдя к борту паромобиля, он протянул рабочим пойманный молоток. Каррен принял свой инструмент. Щеки его в обрамлении огненно-рыжих волос побагровели, как свекла.

— Прошу прощения, мэтр Кле, — хрипло, по-простонародному растягивая гласные, сказал он. — Мне уж на миг показалось, что все мы остались без работы.

— Не позволите ли подвезти вас туда, куда вам нужно? — спросила Беатрис.

— Меня призывают домой, — с легким сарказмом сказал Иона, — вот только мне никак не приходит на ум, за какой такой надобностью.

— О, да. Мы только что встретили Фелана на мосту.

Принцесса сделала паузу и моргнула — видимо, ей пришла в голову какая-то мысль. Похоже, эта мысль не укрылась от проницательных глаз Ионы, черневших, как небо в новолуние, на фоне изможденного лица, и он без ошибки прочел в ней, что уготовано ему судьбой.

— А вот вы это знаете, — ровно заметил он.

Принцесса кивнула и вновь криво улыбнулась — виновато и в то же время не без озорства.

— Да. Боюсь, это по поводу празднования дня рождения отца, — Беатрис сделала паузу, дожидаясь окончания долгого страдальческого стона. — Может, довезти бригаду до раскопа, вернуться за вами и подбросить вас домой?

Иона провел по лицу ладонями, запустил пальцы в растрепанную шевелюру и вытащил из волос что-то вроде крохотной улитки.

— Благодарю вас, принцесса, — мрачно ответил он. — Уж лучше прогуляюсь. Не исключено, что по пути меня все-таки кто-нибудь переедет.

— Хорошо, мэтр Кле, — ответила она, переключая передачу. — Тогда увидимся на празднике.

Въехав в туман, она безошибочно отыскала дорогу к нужной яме среди безлюдной разоренной земли.

Иону Кле Беатрис знала всю свою жизнь. Музей, построенный им для найденных по всему городу диковин, с самого детства приводил ее в восхищение. Кайрайские древности, отреставрированные, отчищенные, снабженные ярлыками, бережно хранившиеся под стеклом неярко освещенных витрин, случайные предметы старины, точно след из хлебных крошек, вели ее в сказку — такую старую, что ее позабыли даже барды на холме. «Чей это кубок дутого стекла? — гада-

ла она. — Чей бисерный пояс? Чей маленький медведь резной кости?» Конечно, у всех этих давно исчезнувших людей имелись имена, все они оставляли следы на земле и точно так же, как она сама, смотрели на звезды и любовались ими. Все это, вкупе с диковинным увлечением ямами, подземными ходами, забытыми дверями, обшарпанными, заросшими травой калитками и изрытыми колеями проулками, поиском и исследованием маленьких тайн, не замечаемых никем другим, в конце концов превратилось в дело всей ее жизни. Изучением всего этого она и решила заняться отныне и впредь. Король, также захваченный откопанной Ионой историей, не находил причин запрещать дочери заниматься тем, что ей нравится. Трое старших детей в качестве потенциальных наследников позволяли допускать в требованиях к младшей дочери некоторую небрежность. Мать, в свою очередь, пришла к туманному заключению, что Беатрис прекратит лазать по ямам и рыться в грязи, стоит ей только по-настоящему полюбить.

Согласно собственным подсчетам, она влюблялась уже не раз и не два, но все это до сего дня не мешало ей, облачившись в жилет с множеством карманов под инструменты, следовать за брига-

дой копателей вниз, по дощатому трапу, на дно очередной причуды Ионы. Огромные обгорелые стены нависли над их головами со всех сторон, взирая на незваных гостей сквозь редеющий туман пустыми глазами выбитых окон. Все они вряд ли могли быть древнее пары сотен лет, но Беатрис догадывалась: то, что может скрываться здесь, под наслоениями прошлого, должно иметь связь с камнями куда более древними — с монолитами среди развалин, тоже взиравшими на нее свысока.

Пока что в этом раскопе не обнаружилось почти ничего, кроме обломков водопроводных труб. С отливом вода отступила так далеко, что помпы не потребовались. Каррен на пару с гибким и жилистым Адрианом принялись осторожно рыхлить землю лопатами, а Беатрис с миниатюрной блондинкой Идой и голубоглазым Кэмпионом, взявшись за более тонкие инструменты — совки и кисточки, начали просеивать разрыхленный грунт в поисках сокровищ. Просеянную землю ссыпали в корзины и поднимали наверх при помощи лебедки. До сих пор Иде удалось найти только простенькое серебряное колечко, вероятно, смытое когда-то в трубу, а Адриан откопал толстую кость, опознанную Карреном как бычью.

Беатрис с Кэмпионом двигались вдоль странной линии — вероятно, кирпичной каминной полки, а пока что лишь неясного выступа в стене, покрытого слежавшейся землей. Величайшей из находок Каррена оказалась россыпь осколков раковин трубачей — скорее остатки чьего-то обеда, чем свидетельство проникновения морской жизни в глубину равнины.

— Отчего именно здесь? — в один прекрасный миг задумался Каррен.

Весь потный после подъема наверх очередной корзины, он остановился передохнуть у подножия трапа, безучастно глядя вокруг. Ответа он и не ждал: поразительный и неизменно необъяснимый пророческий дар Ионы давным-давно сделался легендой.

Однако сейчас Беатрис решила, что вопрос вполне справедлив.

— Вокруг нас пять стоячих камней, — сказала она, смахивая с выступа очередную порцию земли прямо себе в лицо. — Мы — в самом центре.

— Они ведь бродят по ночам, — возразил Кэмпион. — Разве нет? Завтра встанут где-то еще. А мы так и останемся здесь, откапывать старые канализационные трубы.

— Не бесплатно же, — пожал плечами Адри-

ан. — Вдобавок прославимся, если найдем золото, которое он подбросил сюда, чтоб поднять цены на здешнюю землю.

— Чтоб их поднять, никакого золота не нужно, — хмыкнул Каррен. — Они упали так низко, что хватит одного слуха. Одного этого слова.

— Какого? «Слух»?

— «Золото».

Они почти не слушали друг друга — просто перебрасывались словами, чтоб скоротать время. Судя по ярко-голубому небу наверху и лучам света, падавшим вниз через край раскопа, был почти полдень. Вскоре Беатрис предстояло ехать домой и превращаться в принцессу по случаю пятьдесят седьмого дня рождения отца. «А ведь там будет и Иона», — вспомнилось ей.

— Я спрошу его, — пообещала она. — Увижу на дне рождения отца и спрошу.

Молчание, воцарившееся вокруг, эту внезапную остановку движений и мыслей, можно было узнать сразу: все вспомнили, что среди них принцесса, переодевшаяся в парусиновый комбинезон, убравшая кудри под соломенную шляпу, с черными каемками грязи под ногтями. Все они учились вместе, и товарищи привыкли к ней много лет назад. Одно лишь сочетание несов-

местимых с виду деталей — Беатрис и их общий работодатель вместе, в замке, на празднике в честь дня рождения короля — еще могло застать их врасплох.

— А он ответит, как по-твоему? — заговорил Каррен, нарушив общее молчание. — Может, он и сам не знает. Что он такое ищет на дне всех этих ям по всему Кайраю? — «Или на дне бутылки». Конечно, этого он не добавил, однако эти слова услышали все. — Поговори и с Феланом заодно. Может, у него есть догадки.

Устало отвернувшись от выступа, Беатрис улыбнулась товарищам.

— Он никогда не говорил об этом. А я не знаю ни одного из них так близко, чтобы приставать с вопросами. Иона нам платит, мы находим разные разности. Рано или поздно.

Кэмпион улыбнулся в ответ, и это значило, что Беатрис вновь стала одной из них.

— Неизбежно находим, — вздохнул он. — Находим настоящие чудеса. Но этого никогда не случается, если прежде как следует не пожалуешься на жизнь.

Общее настроение значительно поднялось после того, как лопата Каррена извлекла из земли медный диск. Находка, размером в половину

его широкой ладони, позеленела от времени. На одной из ее сторон был отчеканен истертый профиль, а на другой — нечто, больше всего похожее на обломанные палочки. Небольшое ушко, присоединенное к диску над неведомо чьей головой, указывало на то, что некогда этот диск висел на цепочке или на кожаном шнурке. Все сгрудились вокруг Каррена, бережно сметавшего с диска комочки земли.

— Мэтр Кле будет в восторге, — выдохнула Ида. — Ох, Каррен, ну и счастливчик же ты!

— Чье это лицо? — задумался вслух Кэмпион. — Ни на одну из монет, что я видел, не похоже. Что это? Корона?

— Может быть, и монета, — с сомнением сказал Адриан. — Вот эти отметины могут означать стоимость. Но, судя по всему, он предназначался для ношения на груди.

— Руны, — проговорила Беатрис. Казалось, время в залитом солнцем раскопе остановилось при встрече с этим посланием из далекого прошлого. — Вот эти палочки…

— Нацарапано, как курица лапой, — заявил Каррен, как человек, близко знакомый с курами, перевернув диск и выставив на свет неглубокие бороздки.

— Ранняя письменность. Иногда — тайнопись, — сказала Беатрис, осторожно, будто опасаясь разбудить ее, коснувшись одной из палочек. — Интересно, что здесь написано.

— Это — любовное послание, — предположила Ида. — Вот это — портрет влюбленного. А здесь написано…

— Мое сердце — твое навеки, — продекламировал Адриан. — Приходи в дубовую рощу за кукурузным полем, и позволь доказать, как сильна моя любовь.

— И все это — в трех палочках, — удивился Каррен, вновь переворачивая диск вверх профилем.

Все вновь пригляделись к лицу, вычеканенному в меди.

— Нет, — решил Кэмпион, — не залог любви. Взгляните, какой чудной подбородок.

— Любовь слепа, — возразила Ида.

— Только не моя.

— Кэмпион, как ты романтичен, — пробормотала Беатрис. — И все же. Что-то здесь…

— Может, это не человек? — предложил свою догадку Каррен. — Может, птица? Вот это очень похоже на клюв, и это объясняет странный подбородок. То есть, его отсутствие.

— Да, только волос не объясняет.

— А волосы ли это?

— Думаешь, развевающийся хохолок?

— Это капюшон, — внезапно сказала Беатрис. — Подбородок скрыт под ним. Я видела этот профиль в музее мэтра Кле… — все выжидающе уставились на нее. — Вот только где?

— Спроси его, — просто сказал Каррен. — Сегодня же и спроси. Возьми эту штуку с собой…

— Нет, Каррен. Ты его нашел, тебе и демонстрировать…

— Не я, а лопата, — ухмыльнулся Каррен. — Все равно нам же всем интересно, а как знать, когда Иона вновь появится перед нами из того тумана, в котором будет блуждать, — с этими словами он вложил диск в ладонь Беатрис. — Конечно, ты можешь упомянуть мое имя.

Беатрис сунула диск в карман комбинезона и вскоре, переехав мост, высадила остальных дожидаться трамваев — кроме нее, управляться с машиной все равно никто не умел. Доехав до замка, она вверила паромобиль ревностному и бдительному попечению придворного шофера, когда-то учившего ее водить.

Выстроенный близ берега Стирла, через пару столетий после открытия Школы-на-Холме, замок Певерелл, названный в честь древней

династии правителей Бельдена, был поначалу крепостью с толстыми стенами, узкими окнами и множеством башен. Бельденские земли были собраны воедино зубами, ногтями, мечом и стрелой после того, как нежданный завоеватель по имени Оро, сбившийся с пути в поисках совсем другой земли, бросил якоря в тумане над устьем Стирла и вывел свое войско на берег. Его бард, Деклан, странствовавший по этим землям плечом к плечу с королем, увековечивая память о его славных победах со всеми приличествующими эпитетами и рифмами, просто влюбился в эту равнину. Оставив свой пост при дворе, он вернулся сюда и поселился в древней сторожевой башне на вершине холма, в окружении дубов и стоячих камней. Вскоре к башне начали стекаться будущие барды, желавшие перенять хоть толику его великого мастерства. Так появилась на свет Школа-на-Холме, выстроенная, чтобы давать кров ученикам и учителям в суровые зимы равнины. Меж тем правители Бельдена не спешили осесть на одном месте. Они кочевали по всему королевству, от одного двора к другому, периодически опустошая казну хозяев, дабы те не могли пустить эти деньги на снаряжение войска. Наконец в королевстве настал мир, и Ирион,

седьмой из правивших Бельденом Певереллов, присмотрел место для собственного двора и выстроил замок у Стирла.

Тот изначальный замок давным-давно исчез под множеством наслоений изменчивой моды. Беатрис еще в детстве облазила его сверху донизу. Слуги вскоре привыкли сталкиваться с принцессой где угодно — в прачечной, за осмотром водопроводных труб; в кладовых дворецкого, куда ее привела линия древней стены; в винном погребе, с перемазанным личиком и паутиной в волосах, в попытках отыскать за рядами бочек забытый дверной проем… Отец, король Люциан, поощрял интерес дочери, отыскивая для нее в библиотеке старые книги и карты, показывая потайные коридоры и подземелья, заложенные кирпичом и перестроенные под водопровод и канализацию. Во время официальных придворных торжеств она частенько находила его за беседами с мрачным человеком по имени Иона Кле, безупречным во всем, но неизменно выглядевшим так, будто он только что окунул голову в ведро с холодной водой. Их слова, блестящие таинственные отсылки к истории, к старинным балладам, к прошлому столь давнему, что и не вообразить, неизменно приводили ее обратно в

отцовскую библиотеку. Неизвестно отчего — возможно, благодаря кстати заданному вопросу, или описанию малоизвестной детали, открытой ею самой, — ее мало-помалу начали охотно принимать в разговор.

«И вот, — с удивлением подумала Беатрис, вынув из кармана диск, чтобы горничная не унесла его вместе с грязной одеждой в стирку, — теперь я работаю на Иону Кле».

Вымытая в душе, причесанная, одетая, по собственному выражению, «марципаном» — в платье слащавых пастельных тонов, она снова сунула диск в карман. Тонкая юбка кремового шелка тут же обвисла, будто в карман опустили пушечное ядро. Диск пришлось вынуть, и фрейлина Беатрис с сомнением уставилась на него.

— Может, на ленту? — предложила Беатрис.

— Принцесса Беатрис, это обязательно?

— Да, обязательно. Иначе он отправится обратно в карман.

— Нет, это совершенно недопустимо.

Вынув из шкатулки с драгоценностями Беатрис тонкую золотую цепочку, фрейлина продела ее в ушко диска и застегнула на шее принцессы. Диск без какого-либо изящества повис прямо над нитью жемчуга. Обе — высокая, поджарая

Беатрис со спокойными кобальтово-синими глазами на слегка присыпанном веснушками лице в обрамлении золотисто-русых волос и гибкая, изящная леди Энн Невэр, зеленоглазая обладательница роскошных блестящих черных волос и безупречного чувства стиля — вновь критически оглядели его.

— Нельзя ли спрятать его в туфельку? — с болью в голосе спросила фрейлина. — Он действительно ужасен.

— Ничего, — рассмеялась в ответ Беатрис. — Отец будет в восторге!

Однако у матери диск не вызвал ни малейшего восторга. Королева Гарриет, стоявшая рядом с королем и принимавшая гостей, не веря своим глазам, взглянула на него и смежила веки, чтобы не видеть ни диска, ни непутевой дочери. Да, Беатрис и сама понимала, что позеленевшая медь имеет явный оттенок плесени, а диск, висевший прямо над жемчужным ожерельем, вдобавок, был повернут наружу стороной с «куриными следами». Легкое и пышное платье для дневных приемов также сочеталось с ним не самым выгодным образом. Но королю до всего этого не было никакого дела.

— С днем рождения, отец, — сказала Беатрис,

целуя его в щеку.

— Что это такое? — спросил он, не отрывая глаз от диска.

— Понятия не имею. Каррен откопал эту штуку сегодня утром.

— Надеюсь, это твой подарок к моему дню рождения?

— С радостью бы, но, думаю, этот жест должен сделать мэтр Кле.

— Его еще нет, — пробормотал король, поворачивая диск другой стороной. — Он не узнает.

Королева многозначительно кашлянула, указав взглядом на длинную очередь поздравителей, столь эффективно остановленную Беатрис. Принцесса поспешила освободить путь и присоединилась к группе родственников с приглашенными ими гостями, супругами и детьми.

— Привет, Беа! — Гарольд, старший сын и наследник престола, подал ей бокал шампанского с подноса проходившего мимо слуги. Он был высок, широк в кости и рыжеволос — живое напоминание о первобытных Певереллах, как выражался отец. — Снова раскапывала город? И даже носишь откопанное, как я погляжу? — он поднял бокал, салютуя последней из своих пассий, стоявшей об руку с ним. — Вы знакомы с леди Примулой

Уиллоуби? Моя сестра, принцесса Беатрис.

— Да, конечно, — хором ответили Беатрис и леди Примула, улыбаясь во весь рот и, несомненно, одновременно недоумевая, где они могли встречаться. От леди Примулы с яблочно-розовыми щеками и шелковистыми волосами цвета кукурузы угрожающе веяло свежим сельским воздухом, в то время как Беатрис, всю жизнь не вылезавшая из-под земли, вряд ли смогла бы найти дорогу за город.

От размышлений их отвлек младший сын Шарлотты, старшей сестры Беатрис, резко плюхнувшийся на пол и на четвереньках устремившийся прочь, лавируя между ног гостей.

— Марк! — вскричала Шарлотта, бросаясь за ним. — Иди, поцелуй тетю Беатрис.

Подхватив сына, она ловко бросила его на руки Беатрис, где он тут же принялся грызть медный диск.

— О, нет! Марк! — без всякого толку застонала Шарлотта.

Она пошла в мать: светлые волосы, кожа цвета слоновой кости, широкие скулы и голубые глаза под сенью густых ресниц. Глотнув шампанского, она пригляделась к тому, что сын сунул в рот.

— Какая гадость. Что это, Беа?

— Не знаю, — ответила Беатрис. — Только сегодня откопали.

— Экстравагантный медальон. Ты не будешь возражать, если Марк его погрызет?

— Что ж, он пролежал в яме под какими-то канализационными трубами не один десяток лет, — любезно ответила Беатрис. — Думаю, ему уже мало что может повредить.

Глаза Шарлотты едва не вылезли вон из орбит. Отставив шампанское, она выхватила у Беатрис своего отпрыска и тут же зажмурилась от внезапного оглушительного рева над самым ухом. Допив из своего бокала остаток игристого вина, которое не успел расплескать Марк, Беатрис огляделась в поисках Ионы Кле.

Зал быстро заполнялся гостями. На галерее под потолком негромко играли музыканты, чистое эхо нежных звуков флейты и скрипки витало средь древних стен. От парадного зала короля Ириона, где его рыцари за ужином швыряли обглоданные кости охотничьим псам, остался только простор да огромный, охраняемый парой драконов каменный камин, свободно вмещавший кряжи столетних дубов. За минувшие столетия стены зала претерпели множество различных трансформаций. Теперь они были

обшиты деревом, окрашены и увешаны тяжелыми рамами с портретами, пожалуй, всех до единого предков королевской семьи. Прошлое взирало со стен на настоящее — и вовсе не всегда с интересом и одобрением. Повсюду стояли диваны, кресла, цветы в горшках; гости, стоя вокруг, оживленно переговаривались. Очередь поздравителей укорачивалась, а группы беседующих росли. Над столом в дальнем конце зала возвышался многоярусный торт величиной в половину камина. Целая армия слуг разносила подносы с шампанским и изящными крохотными тарталетками с острыми закусками, пробираясь сквозь толпу таинственными, непостижимыми путями. Рассеянно слушая младшего из братьев, Дэймона, и его нареченную, невероятно болтливую красавицу, обсуждавших свои бесконечные свадебные планы, Беатрис наконец-то увидела в толпе усталое лицо и саркастическую улыбку Ионы. Его жена, очаровательная Софи, вела мужа под руку к концу очереди поздравителей. Рядом, по другую сторону от отца, шел Фелан, с невозмутимым выражением на лице стрелявший глазами по сторонам в поисках пути к бегству. Одна лишь Софи, мимоходом приветствовавшая друзей и знакомых, плыла сквозь толпу с благодушной

рассеянностью.

Оставалось дождаться, когда все поздравят короля. Иона остался рядом с королем, Фелан, углядевший среди гостей кого-то из друзей, с явным облегчением улизнул в сторону, Софи, помахав кому-то, двинулась в другую. Вскоре очередь подошла к концу, король повернулся к Ионе, и Беатрис направилась к ним.

Очевидно, король первым делом спросил, что за необычная вещь украшает шею его дочери: оба заозирались в поисках Беатрис еще до того, как она подошла к ним.

— Принцесса, — с легкой усталостью заговорил Иона, стоило ей оказаться рядом. Он был ужасно бледен и тщательно отмыт. — Я вас едва узнал. Вы выглядите просто очаровательно.

— Думаю, стоит поблагодарить вас, мэтр Кле. Вы — тоже.

— Что вы нашли для меня?

— Это нашел Каррен, — ответила она, нащупывая застежку цепочки. — И попросил меня передать вам.

— Я надеялся, — вмешался король, — что вы решите подарить это мне ко дню рождения, — у короля имелась собственная коллекция предметов старины, многие из коих были подарками

Ионы. — Не сомневайтесь, я оценил бы этот любезный жест по достоинству.

— Мы уже оставили весьма дорогостоящий дар на столе для подарков.

— Но это же просто пустяк, я уверен. Возможно, у вас таких дюжины.

Сняв позеленевший от времени медный диск с цепочки, Беатрис вложила его в руку Ионы. Диск лег на его ладонь рунами кверху. Какой-то миг он молча изучал их, а затем перевернул диск и взглянул на профиль под капюшоном.

Внезапно глаза его округлились, пальцы резко сомкнулись на диске. Запрокинув голову, он расхохотался — громко, открыто, от всей души. На него начали оглядываться. Неподалеку мелькнуло изумленное лицо Фелана.

Разжав пальцы, Кле протянул диск королю.

— Примите это вместе с моими наилучшими пожеланиями. С днем рождения, ваше величество.

— Но что это? — с нетерпением спросил король.

— Что здесь написано? — присоединилась к нему Беатрис.

Иона умолк, будто взвешивая слова на ладони, вместе с диском, но тут же сдался, подкинул диск

в воздух, поймал его и вновь протянул королю.

— Эта загадка доставит вам обоим истинное наслаждение. Все перед вами — и ткань, и нить. Найдите ее и следуйте ей.

— Но… — хором заговорили Беатрис с отцом, однако внезапно возникшая рядом королева привлекла внимание короля к церемониймейстеру, явившемуся с ней.

— Ваше величество, — негромко заговорил он, — сейчас для вас споет приглашенный бард — гостья из Школы-на-Холме. Затем тост в вашу честь поднимет принц Гарольд, затем последует ваша речь. Далее королевский бард исполнит композицию, сложенную по случаю вашего дня рождения, после чего разрежут торт.

— Мы все должны собраться у стола, — добавила королева.

— Хорошо, дорогая.

Взяв диск, король неохотно сунул его в карман и подал ей руку.

— Не отставай, Беатрис.

— Хорошо, мама.

— Мне нужно выпить, — пробормотал позади Иона, стоило ей развернуться и последовать за королевской четой.

Вскоре на галерее для музыкантов гостья из

школы тронула струны арфы, и ее голос, будто звучное, первозданное, неотвязное эхо песен костей равнины, наполнил зал балладой о королях Певереллах — древней, как сам Бельден.

Глава четвертая

Далее, сколь бы невероятным это ни выглядело, история фиксирует присутствие Найрна на церемонии, последовавшей за Битвой при Уэльде, в ходе коей Анстан передал королевский трон Приграничий завоевателю, королю Оро, целеустремленно собиравшему земли пяти королевств в единое государство, названное позднее Бельденом. Присутствовал на этой церемонии и придворный бард Оро, Деклан. Природа его экстраординарных талантов неясна и чаще всего рассматривается не в исторических документах, но в поэтическом творчестве. Как бы то ни было, он неизменно занимал место рядом с королем. Баллады, фрагменты стихов и даже расхожая метафора доносят до нас сквозь века странную легенду: Найрн возвращает Деклану самоцветы, прежде взятые им с арфы старого барда. В некоторых сказаниях он даже швыряет их Деклану в лицо. Каким образом он получил их, также повествует лишь фольклор — особенно фольклор Приграничий. Одни говорят, будто он украл их, другие — что забрал себе при помощи

волшебства, но объяснений, способных удовлетворить историка, не дают ни те, ни другие. После этого Найрн вновь исчезает даже из примечаний к историческим хроникам.

Несколько лет спустя он появляется вновь — в школе бардов, открытой Декланом по окончании завоеваний короля Оро. Сославшись на возраст и долгие годы службы, Деклан оставляет пост придворного барда Оро и возвращается на равнину Стирл, ныне подвластную Оро. Здесь, на невысоком холме, увенчанном древними каменными монолитами и дозорной башней с видом на реку Стирл, он поселился, чтобы провести остаток дней в покое и созерцании. Но покой оказался недолгим: прослышав о его обширных познаниях и непревзойденном мастерстве, в обучение к нему потянулись барды и желающие стать оными из всех уголков пяти покоренных королевств. И здесь, на этом холме, вновь вступает в границы истории Найрн.

Вот бард стоит меж двух владык,
И горек его взгляд.
Раскрыл он длань, под гневный крик
Каменья в грязь летят:
«Возьми добро свое, старик,

Чьи песни – ложь и яд!»

Гарет Ломили Браун.
Из «Битвы при Уэльде»

Изменчивый, как самоцвет с арфы.

Северная поговорка

Битва при Уэльде длилась три дня. К ее началу Найрн, отбивавший походный ритм для войска Анстана, шедшего маршем сквозь западные горы Приграничий, сзывавший горные кланы игрой на волынке, а после барабанным боем гнавший солдат на юго-запад, навстречу врагу, натер новые мозоли поверх старых. Никогда в жизни он не странствовал так быстро и не играл так много. И вот Уэльде — очаровательная широкая речная долина на рубеже Приграничий и равнины Стирл — распростерлась перед ним пушистым ковром сливочно-желтых диких цветов. Такой Найрн увидел ее в начале сражения, поднося к губам длинный, скрученный кольцом обшарпанный рог, вложенный ему в руки с приказом трубить. К концу битвы на поле боя осталась лишь горстка незатоптанных цветов, да и воинов Анстана не больше. Тогда Оро выслал в поле своего барда,

Деклана, дабы тот встретился с посланцем короля и передал ему требование сдаться.

В тоске и ярости Анстан, человек не особо-то музыкальный, ответил тем, что счел последним тщетным жестом презрения. Навстречу придворному барду Оро на вытоптанное, залитое кровью поле боя, где не было ни движения, ни звука, кроме жужжания мух да вороньего грая, был послан грязный, оборванный полковой барабанщик, да еще — пешим.

Деклан выехал вперед на белом коне, одетый в дорогую темную кожу и шелк, с арфой на плече. Он, как обычно, был безоружен. Натянув поводья, он остановил скакуна посреди поля, меж лагерей двух владык, в ожидании чумазого юного менестреля в испачканной кровью рубахе и сандалиях, одна из которых была привязана к ноге веревкой, так как шнурки ее истерлись, истлели в долгом походе. На плече молодого барда все еще висел рог — последний инструмент, на котором он играл, трубя отступление.

Подойдя, Найрн встал перед старым бардом, и оба молча взглянули друг на друга.

— Ты спрашивал, кто я такой, — наконец заговорил Деклан.

Окаменевшие губы на грязно-белой маске лица

дрогнули, обронив несколько слов:

— Да. Спрашивал.

С этим Найрн вновь умолк, меряя Деклана взглядом. Внезапно его суровые вороньи глаза сузились; сквозь горечь в их глубине на миг мелькнуло удивление.

— Ты — шпион Оро, — отрывисто бросил он. — И его бард. Но кто еще? Ведь не моя же песня заставила самоцветы сойти с твоей арфы. Это ты отдал их мне.

Странные глаза блеснули в луче солнца, будто металл.

— Нет, ты взял их сам, — ответил Деклан и поднял взгляд, точно обращая вопрос к небесам. — Неужто вся эта земля ни сном ни духом не ведает о собственном волшебстве?

— Что?

Деклан вскинул руку к небу, отказываясь от ответа:

— На это я отвечу, когда ты сумеешь понять вопрос.

— Прости, но впредь я больше не желаю видеть твоего лица.

— Возможно, у тебя не будет выбора.

Найрн вскинул на него изумленный взгляд, собравшись возразить, но и этого выбора не оста-

вил ему старый бард.

— Раз уж ты завел разговор об этих материях, нужно покончить с ними, — продолжал он. — Король Оро примет от Анстана меч, корону и обет верности завтра на рассвете.

— На рассвете? — беспечно перебил его Найрн. — Отчего ты думаешь, будто король Анстан все еще будет здесь?

— Потому, что я присмотрю за этим, — негромко ответил Деклан, и вновь изумленный Найрн почувствовал, как волосы на его затылке поднимаются дыбом. — В обмен на верность Анстана он сможет оставить себе и своему роду одно поместье в Приграничьях. Что до иных материй — числа дружинников, размеров дани в пользу короля Оро — оставим их королевским советникам. Завтра же король удовольствуется видом Анстана, безоружного и развенчанного, преклонившего колено в грязи перед его шатром. Такова цена мира.

— Я не могу передать этого королю Анстану, — равнодушно сказал Найрн. — Он предаст меня смерти.

— А должен бы оказать тебе почести.

— За что? За то, что я дул в эту обшарпанную кривулину, трубя отступление?

— Он должен бы оказать тебе почести, — повторил Деклан, — за то, что ты был в силах сделать для него.

— Что…

И вновь рука старого барда поднялась, указывая на разорение вокруг. На сей раз в его спокойном, мелодичном голосе звучала странная нотка досады:

— С кем вы, по-твоему, дрались? Все это поле окружено войском короля Оро. И большая его часть всего лишь стояла да смотрела, как вы в тумане бьете друг друга.

При этих словах сердце Найрна сжалось в комок, а кровь отлила от лица. Старый бард развернул коня, однако Найрн успел заметить усталость и отвращение, мелькнувшие на его лице.

— На рассвете, — напомнил он, не оглядываясь. — Перед шатром короля Оро.

— Но ты ведь бард, — взмолился Найрн ему вслед. — Вложи в послание хоть толику поэзии, или к рассвету я окажусь среди мертвых, и вороны выклюют мне глаза.

Деклан обернулся. Лицо его вновь было безмятежно.

— Я слышал, на что ты способен. Найди во всем

этом собственную поэзию.

Ковыляя назад в сумерках, сгущавшихся над полем битвы, не глядя на черные тучи воронья, взвивавшиеся ввысь из-под ног, Найрн сумел облечь требования короля Оро в более лестные выражения. Бессильно обмякший в кресле под пологом шатра, в окружении генералов, Анстан молча выслушал принесенную Найрном весть, прорычал что-то нечленораздельное, обеими руками сорвал с головы корону, швырнул ее наружу и сам двинулся следом, задержавшись на пороге лишь затем, чтобы сказать:

— Собраться перед рассветом. Здесь. Всем до одного.

С этими словами он вышел горевать о своей судьбе под луной. То же сделал и Найрн, двинувшийся в противоположную сторону с арфой, которой не брал в руки много недель. Слышал ли его нежную, печальную музыку тоскующий король, играл ли он одним лишь лицам мертвых, озаренным луной, — об этом Найрн даже не задумывался. Только надеялся, что тугоухий король не примет его за Деклана и не метнет в него кинжал в темноте.

Но в предрассветный час, стоило Найрну явиться к королевскому шатру, Анстан удивил его.

— Прихвати арфу, — без лишних слов велел он. — Я слышал, как в эту ночь ты отдавал последние почести мертвым воинам Приграничья, — окинув взглядом грязного, оборванного барда, он жестом подозвал слугу. — Тебе найдут достойное платье. Переоденься да лицо умой, а то и сам выглядишь полумертвым. Наверняка тому, — буркнул он генералам, — что этот варвар так возвысил своего барда, есть причина. Не то чтоб я ее понимал, но можно хоть сделать вид, что и мы не хуже него.

Позже, стоя на коленях рядом с Анстаном, на раскисшей от утренней росы, истоптанной множеством ног земле перед шатром нового короля и глядя на земляного червя, извивавшегося в комьях грязи, Найрн с горечью думал о том, что сейчас даже этот червяк много выше, чем он. Уголком глаза он увидел, как меч и корона Анстана легли — ниже некуда — в грязь под ногами Оро. Тогда-то он и разжал крепко стиснутый кулак. Самоцветы, скатившись с ладони, вспыхнули в мерзкой слякоти, будто угли.

— Что это? — глубоким, рокочущим басом спросил Оро, высокий, дюжий человек со спутанными рыжими волосами. Его широкий плащ поверх рубахи был застегнут на продолговатые пуго-

вицы, вырезанные из кабаньих бивней, такие же пуговицы красовались на отворотах сапог. Ряд острых кабаньих бивней, отлитых из золота, украшал и венчавшую его голову корону. Слова он подбирал не так уверенно, как Деклан, и в речи его слышался тот же непривычный напев.

— Самоцветы с арфы твоего барда, — отвечал Найрн, слишком удрученный для забот об учтивости (да и кому из королей взбредет в голову ожидать хороших манер от ничтожного червя?). — Я забрал их у него.

На миг над полем воцарилась полная тишина. Даже вороны удержались от замечаний.

К изумлению юного барда, Оро присел перед ним на корточки.

— Взгляни на меня, — велел король, — и вспомни мой титул.

Найрн поднял голову. Глаза короля, цвета лесного ореха, долго удерживали его взгляд, всматриваясь, изучая, пока Найрн не услышал собственный голос:

— Да, милорд.

Оро отвернулся, устремив пронзительный, немигающий взор на Деклана.

— Как он забрал их?

— Они пошли на его зов, милорд.

— Вот как, — выпрямляясь, выдохнул король. — Тебе повезло с бардом, сэр рыцарь.

— Да, — безучастно согласился Анстан, и с горечью уточнил: — Милорд.

— Возможно, даже слишком повезло. Он — оружие, и я присовокуплю его к боевым трофеям. Встань.

— Он — всего лишь полковой бард, — озадаченно возразил Анстан, поднимаясь из грязи.

— Что ж, отныне он тебе ни к чему.

С этими словами Оро отвернулся и взмахнул рукой, приглашая всех в свой шатер.

— Там, откуда я родом, — продолжал он, — барды в высокой цене. И за этого ты получишь достойную плату. Он может вернуться за инструментами и прочими пожитками.

Кивнув паре стражников, он взглянул на Деклана и вопросительно изогнул бровь.

— Справятся, милорд, — кратко ответил Деклан. — Его невежество не знает границ.

— О? Значит, его несчастье обернулось удачей для нас, — он перевел полный любопытства взгляд с Найрна на стражей. — Отправляйтесь с ним.

Его отвели через поле назад. На ходу Найрн смотрел, как кружатся в воздухе черные стаи

ворон, вспугнутых воинами в поисках раненых. Столь же черны были и мысли, кружившие в его голове. В глазах Деклана он потерпел поражение, не сумев справиться с каким-то необычайно важным делом, способным изменить ход вчерашней битвы. Как именно? Этого Найрн не мог и вообразить. Но оттого, что он так жестоко оплошал, Деклан более не ждал от него ничего иного. Сманить своим пением самоцветы с арфы старого барда ему удалось лишь случайно, в порыве невероятно глубокого, страстного вожделения без малейших надежд. Теперь он вновь чувствовал то же самое — он был переполнен отчаянным, лишенным хоть крохи надежды желанием убраться от этой кровавой бойни и от зловещего взгляда Деклана как можно дальше.

Ах, если б он мог змеей уползти прочь среди мертвых тел, улететь, смешавшись со стаей ворон…

В отсутствие иных, лучших мыслей, он оставил стражей рыться в вещах Анстана и прошел в заднюю часть шатра, где, среди бесполезных отныне знаков воинской доблести, были разбросаны его пожитки. Ни походный барабан, ни обшарпанный рог не уместились бы в заплечном мешке. Нехотя бросив их, он взял генеральский меч,

разрезал парусину стены у самого пола, выскользнул наружу позади шатра с арфой, заплечным мешком да чьей-то парой сапог, и быстро прошел прочь мимо утренних костров разбитого войска Анстана. Видя это, мрачные воины молча подняли ему вслед кружки — на удачу. Подобно земляному червю, Найрн упал наземь и пополз, скользя на брюхе среди непогребенных тел, и, скорее поспешно, чем осторожно, достиг густых зарослей вдоль берега реки.

Никто не поскакал за ним и не отволок назад. Однако, стоя у кромки воды, Найрн ощутил на себе чей-то взгляд. Под этим зловещим взглядом волосы по всему телу поднялись дыбом, кожа похолодела, как лед, суставы утратили гибкость. Он оглянулся, вскинул взгляд — и увидел на ветке белую сову, уставившуюся на него сверху вниз огромными золотыми глазами.

Вдруг голову наполнил голос из ниоткуда, одновременно певучий и сильный.

«Ты нашел меня раз, нашел и другой, третьего не миновать».

Крик, вырвавшийся из горла, мог бы и мертвых заставить открыть глаза. Найрн бросился бежать.

Он бежал не день и не два. Казалось, недели,

а то и месяцы миновали, прежде чем он вновь почувствовал себя в безопасности и немного замедлил бег. Он скрылся в южных лесах Приграничий, держась небольших деревушек, самых непритязательных особняков, арендаторских домиков, столь древних, что камни их стен могли бы пустить в землю корни. Грязный, оборванный полковой бард последнего из королей Приграничий везде находил сострадание и почет. Баллады, сложенные им о Битве при Уэльде, открывали перед ним любые двери, давали стол и кров, ибо событие это было столь новым, что лишь немногие в тех тихих, никогда не меняющихся краях понимали: древнего трона северных королей больше нет. Опережая солдат и чиновников короля Оро, Найрн странствовал по самым уединенным уголкам страны, где сотнями лет могли жить древнейшие из слов, сказаний и музыкальных инструментов, а вести о том, что происходит в мире, опаздывали на сезон или два. Здесь Найрн с некоторым запозданием узнал о том, что Оро забрал под свою руку последнее из пяти королевств и дал своим новым землям имя «Бельден».

К тому времени Найрн провел в странствиях теплые времена года, и перезимовал в уютных

усадьбах хуторян и купцов, до сих пор ухитрявшихся избегать внимания нового короля. За стол и кров он, как всегда, расплачивался музыкой, а попутно разыскивал и запоминал незнакомые древние песни. Казалось, время течет незаметно — вот только даже здесь, в глуши и безвременье, у самого края земли, имя и лик короля на монетах все чаще принадлежали не Анстану, а Оро. Впрочем, в местах, столь отдаленных от древних дворов, и в старых-то королях, известных здесь лишь из баллад об их войнах да битвах, нередко путались. За время странствий Найрн почти не замечал изменений на лице мира, где пять королевств превратились в одно, и пять королей сменились одним — Оро. Но вот однажды, под конец лета, не слишком-то заботясь о том, в какой точке мира находится, Найрн миновал отрадные поля и леса восточного Бельдена и вышел на равнину Стирл.

Он тут же узнал эту гладь бескрайнего моря зеленой травы, пошедшую волнами, вскружившуюся водоворотами среди холмиков и взгорков, стоило лишь немного углубиться в нее. Там и сям над равниной высились странного цвета стоячие камни — одни венчали вершины холмов, другие будто маршировали вдоль берега строем, вдруг

обрывавшимся без видимых причин. На иных холмиках росли одинокие деревья — огромные, ветвистые, древние. Равнину рассекала надвое река Стирл, струившаяся к морю откуда-то с северных гор. На ее берегах не жил никто, кроме стоячих камней — неожиданно сливочно-желтых, в то время как и галька в реке, и валуны, торчавшие из травы, были аспидно-серыми, точно сланец.

Прошел день, другой, третий — Найрн оставался на равнине один. Горы и лес превратились в крохотные темные мазки вдали, у горизонта. Днем в мире было не слыхать ни звука, кроме шума ветра, шороха листьев деревьев, под которыми Найрн устраивался отдохнуть, да редкого приветственного клича сокола или трели жаворонка. Ночью огни загорались лишь высоко в небе, слишком далеко, чтоб ожидать от них уюта и крова. Найрн играл звездам — своим единственным слушательницам. Во сне, под камнем или деревом, завернувшись в плащ и подложив под голову заплечный мешок, вдыхая ароматы травы, земли и огромных, изъеденных временем, испятнанных лишайником стоячих камней, он слышал сквозь дрему, как ветер нашептывает ему что-то на языке, древнем, как сами стоя-

чие камни. Порой до него доносились обрывки незнакомых, завораживающих мелодий — быть может, напевов ветра, или речной воды, или стоячих камней, звенящих под длинными пальцами плывущей над равниной луны. Но стоило Найрну проснуться, стоило с трудом разлепить глаза, чтобы хоть мельком увидеть неуловимого музыканта, как музыка стихала, и Найрн убеждался, что вокруг нет ни души, что он один на равнине и сам играет себе во сне.

Однажды ночью Найрн увидел расплывчатые красные отсветы огня над далеким холмом. На следующее утро он двинулся туда и к вечеру вновь увидел свет — горстку красных звездочек, спиралью, словно башенные окна, поднимавшихся вверх. Еще день пути, и он увидел кольцо стоячих камней, венчавшее холм у реки, а внутри кольца — темную каменную башню. Приблизившись к холму, он смог как следует разглядеть ее — сторожевую башню из уложенного спиралью плитняка, оставшуюся с тех незапамятных времен, когда на равнине было что охранять. За узкими окнами, восходящей спиралью опоясывавшими стены, зажигались ночные огни. Они манили к себе, будто свет маяка.

Снизу к башне лепилась новая, еще растущая

каменная кладка. Груды камней, извлеченных из земли и из речного русла, высились среди штабелей бревен. С вершины холма к реке тянулась утоптанная дорожка; среди зеленой травы темнела обнаженная плодородная почва. Видимо, бревна явились сюда из густых северо-западных лесов, принесенные течением, чтобы осесть в этом ничем не примечательном месте. Казалось, здесь не живет никто, кроме полевых мышей да жаворонков, но по пути к дорожке Найрн углядел среди деревьев на берегу и другие каменные стены. «Деревня строится», — с удивлением подумал он. Почему здесь? Это место было таким же безлюдным, уединенным, как и любая другая излучина реки. Однако строительство шло полным ходом. Найрн чуял пряный, сырой запах — знакомый запах вскопанной земли и выполотой травы, донесшийся с полей, садов и огородов, невидимых за рекой. Еще один знакомый запах. Свиньи? Выходит, люди пришли сюда надолго…

Снедаемый любопытством и мучимый голодом (ведь от его запасов хлеба и сыра остались лишь корки да крошки), Найрн ускорил шаг и свернул на тропинку, ведущую к вершине холма.

Пройдя меж двух массивных, нагретых солнцем стоячих камней, он услышал — быть может,

из башни, а может, из недостроенных стен подле нее — чью-то игру на свирели.

Вздох тишины — и к первой свирели присоединился целый хор, нестройный, но вдохновенный. Узнав мелодию марша, одну из многих, что играл сам, шагая к Уэльде сквозь горы с войском Анстана, Найрн остановился, как вкопанный. Там, в Приграничьях, эту народную песню знали все, от мала до велика. Но здесь, на равнине Стирл, она казалась фальшивой нотой, звучала, будто тревожный сигнал. Этой песне следовало оставаться на севере, там, где она родилась, а не странствовать в эти края в памяти того, кто слышал ее (быть может, не раз и не два), пока войско северян с бездумным упрямством шагало навстречу горькому поражению.

Он ел глазами дощатую дверь с овечьим колокольчиком, свисавшим со щеколды, готовый развернуться, спуститься с холма и скрыться в прибрежных зарослях — без явной причины, гонимый лишь старыми мрачными воспоминаниями. Но порыв ветра принес из-за стен недостроенного дома целое облако запахов — аромат жареного мяса, теплого хлеба, горящих смолистых поленьев.

Не в силах противиться этому зову, Найрн по-

следовал на запах.

Запах вел в обход новых стен, притулившихся к башне, окружая большую ее часть, к открытой башенной двери. Заглянув внутрь, Найрн увидел девушку с длинными светлыми кудрями, мешавшую длинной ложкой в котле над древним очагом. Услышав, как Найрн ступил на порог, она обернулась к нему. При виде ее лица у него замерло сердце.

Совершенный овал, отливающий белизной жемчуга и морской пены… Полумесяцы щек… Полные губы, нежно-розовые, будто клубника среди жемчугов… И светло-зеленые глаза. При виде длинноволосого незнакомца с арфой и заплечным мешком, с ввалившимися от голода щеками, взгляд этих глаз сделался одновременно понимающим и настороженным, совсем не подходящим для ее юных лет.

Она заговорила, и сердце Найрна вновь прерывисто, громко застучало в груди. Ее тихий певучий голос звучал, словно неведомый, прекрасный, редкий инструмент. В этот миг перед ним вновь мелькнул образ величавых башен, ярких знамен, роскошных гобеленов, среди которых только и можно услышать подобные голоса, и он понял, отчего во всех своих странствиях ни

разу не встречал такой музыки.

— Возьми с той полки миску, — пропел этот чудесный инструмент. — Сейчас они кончат играть и спустятся. Ты как раз вовремя, чтобы помочь нам закончить крышу. В том кувшине вода, а хлеб… О, я вижу, ты уже отыскал его.

— Спасибо, — прохрипел в ответ Найрн с набитым ртом.

С трудом оторвав взгляд от ее лица, он взглянул на ее руки. «Две песни», — в восторге подумал он при виде длинных, изящных пальцев, слегка потемневших от работы розовых ногтей и вен, голубевших вдоль запястий цвета слоновой кости.

Сделав над собою усилие, он спросил, на деле ничуть не заботясь об этом, а просто пытаясь отвлечься — на сей раз от ее пальцев:

— Что это за место?

— А ты не знаешь?

— Я просто иду через эту равнину. Через бескрайнюю безлюдную ширь, где не с кем и поговорить, кроме тех огромных камней. Несколько ночей назад я увидел свет на холме и пошел на него. А потом унюхал твое жаркое.

Она улыбнулась, и ее бледная кожа натянулась, заиграла на скулах, как шелк.

— Я еще только учусь готовить, — сказала она,

накладывая жаркое в миску. — Мы все здесь делаем, что умеем, а поднимать наверх камни и тесать бревна я не гожусь, — она подала Найрну миску, опустив в нее ложку. — Осторожнее: очень горячо. Увидев твою арфу, я решила, что ты пришел в нашу школу.

Ложка горячей мясной похлебки на время лишила Найрна дара речи, и он сумел лишь вопросительно поднять брови.

— В школу Деклана, — пояснила она.

Он быстро проглотил еду. От жгучей боли голос сделался хриплым.

— Деклана?

— Барда короля Оро. Судя по арфе, ты должен был о нем слышать. Два года назад он оставил свой пост при дворе короля Оро и поселился здесь. Он просто влюблен в эту равнину. Говорит, что ее ветер, листья и камни разговаривают на древнейшем языке в мире, и он может научить нас понимать его. Прежде чем переехать сюда, он играл по всем пяти королевствам — теперь это Бельден — и в одиночестве остался ненадолго. Сначала его отыскали слухи, а затем и мы.

— Но как? — обожженное горло еще давало о себе знать. — Как слух нашел путь через всю эту пустоту?

— Кто знает? Птица сказала лисе, а лиса — мулу медника… Весть разнеслась. Деклан играл моему отцу, лорду Десте, при его дворе в Эстмере, когда мне было пятнадцать, через полгода после того, как братья бились за Эстмер с королем Оро. Услышав, что Деклан на равнине Стирл, я в тот же день оставила дом и отправилась сюда. Отец с братьями пытались удержать меня, но… Таково уж действие его музыки. Я оказалась не первой его ученицей, и после меня пришли еще многие. Зимы здесь беспощадны, а эта башня стала для нас слишком тесной. Вот мы и делаем пристройку.

С лестницы за ее спиной донесся нестройный гул голосов, а за ним — грохот шагов по древним ступеням. Найрн скосил взгляд, и кусок баранины застыл меж его зубов. Первым в кухню вошел худой, рыжий, как лис, старый бард с арфой на плече и пастушеской свирелью в руке. Взглянув на Найрна, он ничуть не удивился.

— Ты не спешил, — заметил он.

Найрн замер, глядя на него, не обращая внимания на пеструю толпу учеников — мужчин и женщин различных лет и положений, протискивавшихся мимо. Казалось, кожа Найрна внезапно сжалась при мысли о том, что эти совиные глаза,

должно быть, видели каждый его шаг по равнине — а может, и на всем его тайном извилистом пути.

— Третьего не миновать, — прошептал он, слыша, как само очарование за его спиной накладывает жаркое ученикам. — Откуда ты знал, что я найду тебя?

— А куда еще, — спросил в ответ Деклан с терпеливой досадой в голосе, — ты мог бы направиться в этих абсолютно невежественных краях?

Вопрос его Найрн понял не сразу. Еще какое-то время потребовалось, чтоб осознать, как же прав был старый бард. Понимание же, насколько Деклан был неправ, явилось слишком, слишком поздно.

Глава пятая

Когда Фелан, постучав в дверь, вошел в пещеру древней кухни, Зоя Рен из Школы-на-Холме, выступавшая на дне рождения короля, готовила отцу завтрак. Не потрудившись обернуться, она оборвала на полуслове скабрезную песню, подхваченную в «Веселом Рампионе» в предутренний час после придворного праздника, и потянулась за новой парой яиц. Она прекрасно знала и ритм, и тон его стука, и даже в какую из дверных досок — в самую, надо сказать, ее середину — он стучит, с тех пор как им обоим исполнилось по пять, и его пальцы барабанили в дверь намного ближе к порогу. Они знали друг друга давным-давно. Вот скрежет дерева о камень — это он придвинул кресло к столу. Искромсанный ножами разделочный стол скрипнул под ударом колена о ножку, стеклянные крышки чайника и масленки вздрогнули. Под глухой стук локтя о столешницу Зоя разбила яйцо, под стук второго яйцо плюхнулось в миску, полную жидких плавучих солнц.

Фелан заговорил.

— Однажды, — предостерег он, — в один пре-

красный день, ты подумаешь, что это я, а это буду не…

— Вздор. Твое появление — будто старая, давным-давно знакомая песня, только без звука, — наконец-то обернувшись к нему, она рассмеялась собственным словам. — Ты понимаешь, о чем я.

— Нет, не понимаю, — он улыбнулся — возможно, при виде ее босых ног, закатанных по локоть рукавов школьной мантии, накинутой поверх вчерашних шелков, и пряди всклокоченных темных волос, норовящей присоединиться к яйцам в миске. — Припозднилась вчера?

Зоя кивнула, на миг задержав на нем взгляд. За улыбкой Фелана крылось что-то неладное. Она повернулась к старой чугунной плите и бросила на разогретую сковороду кусок масла. Ее изящное, тонкое, смуглое лицо не скрывало ничего, играло всеми красками проницательных зеленых глаз и губ, красных, как ягоды остролиста. Бледность Фелана впервые привлекла ее любопытный взгляд, когда она поднялась из кухни трапезной, где готовила мать, наверх и увидела маленького мальчика с волосами цвета гусиного пуха и огромными, серыми, как туман, глазами, молча, с непроницаемой миной сидевшего рядом со своим отцом.

— Я была у Чейза, — сказала она через плечо. — Несколько бардов с севера зашли послушать, что за музыку играют ученики из Школы-на-Холме. И научили нас паре восхитительно вульгарных песен. Вот, только что вернулась. Как твой отец?

— А что?

— У тебя такое выражение лица…

Откинувшись на спинку кресла так, что оно жалобно заскрипело, Фелан довольно равнодушно ответил:

— Вчера, на рассвете, я нашел его в пустошах за Докерским мостом. Это обеспечило ему два-три часа, чтобы отмыться к королевскому празднику. Он сидел в грязи у реки и пел стоячим камням. Удивился, как мне удалось его отыскать, но даже он предсказуем. Я просто искал неподалеку от места его последних раскопок, — он сделал паузу, и в его голосе появились нотки упрямства. — Не знаю, что он ищет. А жаль. Когда-то я думал, что он бродит по Кайраю, копая могилы в поисках собственной смерти. Но вместо этого он неизменно находил сокровища…

Зоя наклонила над сковородой разделочную доску и вывалила в шипящее масло кучу нарезанного лука, колбасок и зубчиков чеснока. Помешивая все это, она медленно сказала:

— Смерть отыскать нетрудно, если действительно этого хочешь, не так ли? Значит, ему нужно что-то другое.

— Все остальное у него есть, — криво улыбнулся Фелан. — Кроме способностей к музыке. Но если он упек меня в эту школу, чтоб возместить свою потрясающую бездарность, какой смысл позволять мне так, запросто, отвернуться от всего, чему научился, бросить все и…

— Никакого, — ответила Зоя, подчеркнув свои слова стуком ложки о сковороду. — Как и в твоем желании все бросить.

Но Фелан оставил ее колкость без ответа.

— Чего ему может не хватать? Все, к чему он ни прикоснется, обращается в золото. Сам король Бельдена называет его другом, несмотря на все его чудачества. И даже мать все еще любит его.

— И ты, — оглянувшись на него, заметила Зоя.

Фелан вскинул руку.

— И все же, чего?

Зоя задумалась, но добавить к давно знакомому, сложившемуся за многие годы перечню домыслов и предположений насчет Ионы ей было нечего. Поэтому она просто добавила к смеси на сковороде соли и еще раз помешала ее, наполнив кухню вихрем ароматов.

— Как прошел твой утренний урок? — спросила она, чтоб вывести обоих из лабиринта догадок. — Никто не уснул?

— Кроме меня. Я начал учить с ними девяносто стихов «Перечня добродетелей». Этого достаточно, чтобы любой залил слезами кайрайские улицы. Но только не Фрезер. Он просто кожей все это впитывает. Все ищет там, между строк, волшебство…

При этом слове глаза Зои помимо ее воли округлились. Уставившись в сковороду, она принялась рассеянно мешать ее содержимое, пока от паров лукового сока не защипало глаза. Он моргнула.

— Волшебство?

— Не знаю, что он мог иметь в виду. Кроме того, что ты сделала вчера на дне рождения короля. Эта песня… Клянусь, она едва не смягчила выражение лица отца! Вот это действительно было волшебство.

— Спасибо, — улыбнулась Зоя.

— Где ты ее отыскала? Как будто из древнего кургана выкопала.

Зоя кивнула, энергично встряхивая перечницей над сковородой.

— Да, она очень старая. Мне показал ее Кеннел.

— Придворный бард? Тот самый Кеннел?

— Да.

— Да ведь он не расстанется с песней, хоть костер под его пятками разведи.

— Просто он меня любит, — жизнерадостно ответила Зоя. — Он говорит, я пою так, как пела бы наша равнина — все ее камни, ветры и кости птиц. Даже не спрашивай, что это значит. Это его слова. А что именно сказал тебе Фрезер?

— Точно не помню. Что-то о секретах. Секретах искусства бардов. Спрашивал, когда его начнут обучать им.

— Странно, — прошептала Зоя. — Может, тебе стоит взять это темой исследования?

— Что именно? Связь поэзии с волшебством?

— Согласно «Плачу по Приграничьям», во время единственного сражения Оро за Приграничья его бард Деклан призвал силой своей поэзии туман, ослепивший войско короля Анстана настолько, что воины не могли узнать своих. Войско Анстана билось само с собой, а воины Оро всего лишь стояли да любовались этим, — Фелан за спиной Зои молчал. — Волшебство заключалось в словах. То есть слова и были волшебством.

— Солидный источник, что и говорить, — сухо сказал Фелан. — Я просто хочу поскорее убраться

из Школы, а не потратить полжизни на поиски туманных упоминаний волшебства бардов. Нет уж, об этом пусть пишет Фрезер.

— А может, и я напишу, — азартно сказала Зоя. Взбив яйца в миске и вылив их в сковороду, она задумалась над странным вопросом. — Интересно, что побудило Фрезера об этом спрашивать.

— Думаю, что-нибудь из прочитанного.

— Да, но что?

— Понятия не имею, — интонация Фелана явно демонстрировала, что он отметал эту тему, как недостойную внимания. — Вероятно, какая-нибудь древняя баллада. Что бы там ни было, если он хочет знать, то докопается. Он достаточно смышлен.

Зоя раскрыла было рот, но тут же вновь уставилась в сковороду и замерла, гадая, что могло заставить ее, совершенно не понимая вопроса, так уцепиться за это слово, и отчего оно, при всей одаренности Фелана, не вызвало в нем никакого отклика.

Услышав шаги спускающегося вниз отца, она потянулась за лопаткой, чтобы перевернуть яичницу. Должно быть, отца выманил из комнаты, отведенной под кабинет эконома, запах, достигший его ноздрей. Владения школьного эко-

нома были древними, как сама школа — четыре комнаты на самом верху винтовой лестницы и допотопная кухня на первом этаже башни, с огромной пастью очага, вмещавшей целого барана на вертеле в те дни, когда одного барана хватало, чтобы накормить всю школу. Башню Зоя любила всем сердцем. Казалось, эти закопченные стены, эти камни, выкопанные в полях и поднятые из русла реки, рассказывают о тех стародавних временах, когда полуразрушенную башню Школы-на-Холме и крохотную деревушку под названием Кайрай окружали лишь травы, поля, да громады стоячих камней, столь древних, что никто и не помнил, когда и как они появились на равнине.

Теперь в старейшем из школьных зданий располагались изысканные комнаты мэтров, соединенные из множества тесных каменных клетушек, на которые была разгорожена школа в ранние времена. Завтраки мэтрам готовились наверху, на безупречно чистой современной кухне, под бдительным оком повара. Когда-то эту должность занимала покойная мать Зои. Еще молодой она учила разным разностям маленькую дочь, чтоб та не путалась под ногами и не мешала кипящей работе. Уже в те дни чистый и сильный

голос малышки Зои, поющей, размешивая муку и масло в мясной подливе, неизменно привлекал внимание мэтров.

Достав из буфета тарелки, Зоя выставила их на стол и наполнила яичницей. Масло — в масленке на столе, фрукты — в вазе, нарезанный хлеб — на доске… Наконец-то можно было присесть. Отец Зои, высокий, худощавый человек с сединой в волосах, неизменно опрятный, как и приличествует эконому, без малейшего удивления поздоровался с Феланом и спросил, как продвигается его исследование. Зоя взглянула на лица обоих — сына, которого не довелось завести ее отцу, и интеллигентного, спокойного, лишенного всякой загадочности отца, которого так хотел бы иметь Фелан. Мысли ее унеслись вдаль. Придворный бард короля пригласил ее спеть еще раз, во время визита брата королевы Гарриет. То был лорд Гризхолд, герцог, правитель гор западного Бельдена, некогда — одного из Пяти Королевств. С герцогом должен был приехать и его новый бард. С ним Зоя еще не встречалась. Прежний придворный бард лорда Гризхолда не смог вовремя вспомнить нужной строки, или взял фальшивую ноту, или еще как-то оплошал, и несколько месяцев назад подал в отставку по

причине преклонных лет. Оставив мрачные скалы Гризхолда, чтоб провести остаток дней в шумной и теплой столице, сейчас он завтракал наверху, в профессорской трапезной.

Обо всем этом Зоя поведала Фелану, пока оба сидели за столом, не спеша начинать новый день.

— Меня пригласили спеть во время официального ужина в честь гостей из Гризхолда. Придешь?

Взгляд Фелана сделался озадаченным.

— Не помню, приглашали ли нас. Надеюсь, что нет.

— Он снова исчез? — негромко спросил Бейли Рен, опустив чашку на стол.

— Испарился, как роса с дикой сливы, сразу после празднования дня рождения короля. Думаю, даже не заглянул домой переодеться. И не представляю, где его сейчас можно найти. Его легче всего отыскать, когда у него кончаются деньги.

Школьный эконом приподнял чашку, опустил взгляд и вновь поставил ее на стол.

— Отчего бы тебе не поискать в школьных счетных книгах?

— Кого? Отца?

— Э-э… Нет, я думал о твоем исследовании.

— Сведения о каких-то легендарных камнях… —

озадаченно протянул Фелан. — Откуда им взяться среди расходов на пиво и латки на сапоге мэтра?

Губы Бейли медленно раздвинулись в легкой улыбке, обрамленной линиями морщин, будто знаками, оставленными на его лице десятилетиями скрупулезных записей.

— Ты удивишься, увидев, какие странные вещи можно найти в этих книгах. Они велись сотни лет, с того самого лета, когда первые ученики начали возводить каменные стены вокруг этой башни.

— Но Костяная равнина… ведь это, вероятнее всего, не более чем поэтический образ. Легенда. Людские грезы, веками передававшиеся от воображения к воображению. Так говорится о ней в большинстве научных статей. Доказательств ее существования в некоем реальном месте нет. Любой стоячий камень в Бельдене в том или ином исследовании связывают с Костяной равниной, и любое доказательство этой связи неизменно сводится к поэзии. То есть возвращает нас к мифам и грезам.

— Вот как? — Бейли отхлебнул остывающий кофе, и Зоя уже не впервые задумалась, что у отца на уме. — Ты говорил, что выбрал эту тему за простоту. Между тем простой она вовсе не кажется.

— Ничего подобного, — возразил Фелан. — Я напишу эту работу с закрытыми глазами, как только придумаю, с чего начать.

Вскоре после этого он ушел в библиотеку. Бейли, налив себе еще кофе, поднялся с чашкой наверх. Окинув взглядом беспорядок на кухне, Зоя решила, что уборка от нее никуда не убежит, и отправилась давать урок пения полудюжине учеников из начинающих.

Чистые переливчатые детские голоса и негромкий мелодичный дискант Зои, взвивавшийся над ними, привлекли слушателей. В проеме распахнутых дверей небольшого класса мелькнула и задержалась тень. Зоя вскинула взгляд на ее владельца — юного златовласого Фрезера. Голубые глаза над острыми волчьими скулами горели огнем нетерпения, жаждали тайн, изумлялись порывам хозяина и переменам в его собственных костях и теле. Очевидно, его привлек ее голос: он слушал, точно завороженный, его огромные затуманившиеся глаза смотрели на нее, не узнавая, как будто она, безымянная, только что поднялась во весь рост прямо из-под половиц.

Дождавшись конца урока и пропустив мимо себя устремившихся наружу учеников, он наконец шевельнулся и заговорил.

— Зоя… — Ее, как и Фелана, отделяла от него расплывчатая граница между учеником и мэтром, нетитулованным, но наделенным властью. — Я думал… Я хотел бы спросить об одной вещи.

— О волшебстве? — догадалась Зоя.

Лицо Фрезера дрогнуло, щеки налились румянцем.

— Я думал, это секрет, — неуверенно возразил он.

— Да, такой секрет, что даже я не знаю об этом ничего. Отчего ты спросил об этом Фелана? То есть я понимаю, отчего ты задал этот вопрос именно ему, но откуда возник сам вопрос? Из прочитанного?

Во взгляде Фрезера мелькнуло недоверие. Войдя в класс, он двинулся к Зое, будто влекомый какой-то тайной упрямой силой.

— Как вы можете об этом спрашивать? Я слышу его в вас. Слышу волшебство в каждом спетом вами слове. Слышу силу. Откуда бы могло взяться само это слово, если бы оно ничего не значило?

В ответ Зоя изумленно уставилась на него, пытаясь представить себе, что он чувствует и что хочет сказать. Он подошел ближе. Его горящие глаза были полны страсти, название которой он вряд ли нашел бы и сам. Примерно так же, как

Зоя чувствовала Фелана или отца, еще не видя их, она почувствовала и безрассудную жажду, тоску Фрезера, будто нечто неясное и непокорное, на ощупь ищущее путь наружу, в мир.

— Объясните же, что оно такое? — хрипло сказал он.

— Не знаю, — голос Зои тоже куда-то исчез. — Я мельком вижу его там и сям, среди нот, между строк старинных баллад — тень, след чего-то могучего и древнего. Возможно, лишь воспоминания. Отголоски.

— Да, — поспешно согласился он. — Да. Но где можно узнать больше?

— Не знаю.

Но Фрезер не сводил с нее глаз, жаждущих, требующих ответа. «Ты тоже видишь его, — говорил он без слов. — И тоже жаждешь его».

— Кого же об этом спросить? — услышала Зоя, сама не зная, кто из них сказал это вслух.

Она сделала шаг назад и глубоко вдохнула, будто вынырнув из какого-то иного мира без времени и названия, где на миг позабыла даже о собственной человеческой природе.

— Не знаю, — повторила она в третий раз, потрясенная и вместе с тем охваченная безудержным любопытством. — Быть может… Быть может,

мы видим только следы того, что давно покинуло этот мир. Быть может, мы просто рождены с первозданными глазами. Или сердцами. С талантом к тому, чего больше не существует. И потому это видение, эта тяга к волшебству — все, что нам суждено знать.

Фрезер подался к Зое, будто понимание всего этого сделало предметом его желаний и ее. Его лицо, страстное и в то же время робкое, внезапно стало совсем детским. Давно научившаяся уклоняться от подобных порывов, Зоя скользнула мимо него и остановилась в дверях. Удивленный, Фрезер оглянулся, отыскивая ее взглядом.

— Если я вдруг наткнусь на ответ, я расскажу тебе, — просто сказала она. — А ты должен рассказать мне. Обещай.

— Обещаю, — ненадолго задумавшись, кивнул он.

С тем он и остался в классе — судя по выражению лица, не понимая, что случилось (или, наоборот, не случилось) меж ними минуту назад.

Вернувшись в башню, Зоя поднялась наверх, оставила в своей комнате мантию и снова спустилась вниз — взглянуть, не прибралась ли кухня сама собой. Нет, чуда не произошло, но

что-то в хаотических душевных порывах Фрезера никак не покидало ее мыслей, а кухонный хаос отражал эти душевные порывы, как зеркало. Резко развернувшись, она вышла наружу и двинулась через школьные земли, почти не замечая ни тихих садов, ни лужаек, ни кривого дуба, ни дремлющих камней. Она шла вниз, пока не заметила громаду парового трамвая, довезшего ее до подножья холма. Здесь, на шумной набережной, она вновь пошла пешком — по древней булыжной мостовой, мимо доков, рыбных рынков и всевозможных лавок, — пока не достигла дверей под рисованной вывеской с улыбающимся ликом солнца в хороводе голубых лилий. Надпись на вывеске гласила: «Веселый Рампион». Зоя вошла внутрь.

Чейз Рампион протирал бокалы за стойкой бара. Увидев Зою, он улыбнулся, точно солнце с вывески — ласково и дружелюбно. Золотые лучи нечесаных кудрей обрамляли его лицо, точно лепестки — подсолнух. Зоя прошла за стойку, обвила рукой его шею и поцеловала Чейза, чувствуя себя иссушенным жаждой странником, набредшим на нежданный родник посреди пустыни. К тому времени, как она наконец отпустила его, слово, засевшее в голове, вновь встало на свое

место и обрело привычный, знакомый смысл. Немногочисленные посетители за маленькими деревянными столиками зафыркали от смеха. Усмехнулся и Чейз — как только обрел дар речи.

— И тебе доброго утра, любовь моя. Что это значило?

— Не хочу об этом, — ответила она, подсаживаясь к нему поболтать — обо всем на свете, только не об этом.

Вернувшись в башню, она обнаружила на кухонном столе, рядом с покрытой засохшей коркой сковородой, записку от придворного барда.

День спустя она вновь отправилась вниз по склону холма, на сей раз в противоположную сторону — вдоль реки, к замку Певерелл. Под школьную мантию были надеты лучшие из ее шелков — длинная юбка, блуза и цветастый газовый шарф в тон листьев дуба, умиравших и вновь оживавших на ткани мантии.

«У меня есть несколько предложений, — писал Кеннел изящным старомодным почерком, — касательно того, что вы могли бы исполнить во время официального ужина в честь герцога Гризхолда. Возьмите с собою арфу».

Он встретил ее в небольшой аванложе, примыкавшей к галерее для менестрелей. Десятки лет

тому назад Кеннел сам учился в Школе-на-Холме, затем начал преподавать в ней, но длилось это лишь до тех пор, пока нежданный случай не свел в могилу придворного барда короля. Обычай, принесенный в Бельден самим Декланом, требовал состязания между всеми бардами, желающими занять эту должность. В те бурные времена, когда Деклан подал в отставку, оставил двор короля Оро и основал школу, за право занять его место развернулась неистовая борьба, вошедшая в легенды. Число превзойденных Кеннелом тоже вполне годилось для легенд: за право занять одну из высочайших придворных должностей сошлись потягаться барды со всего королевства, а тех, кто явился лишь посмотреть да послушать, и вовсе было не счесть. Он спел лишь одну песню, и все прочие опустили инструменты, признав поражение. Либо струны их арф разом лопнули — все до единой. Либо Кеннел пел и играл сорок дней и сорок ночей, одолевая соперников одного за другим, неизменно утирая им нос и отправляя собирать пожитки. Подробности зависели от того, какую балладу слушать. Ныне он постарел, но не утратил бодрости и сил, синева его глаз могла бы поспорить яркостью с его длинной ярко-голубой мантией, а короткие, цвета слоновой

кости волосы оставались жесткими, как пружины, и начинали курчавиться, стоило ему забыть постричься.

— Благодарю вас за то, что пришли, — с теплой улыбкой сказал он.

Он тоже принес с собой арфу — инструмент, легендарный сам по себе. Считалось, что неограненные самоцветы, украшавшие ее раму и резонатор, упали с арфы самого Деклана в миг его смерти. Затем они разбрелись по всему королевству в карманах воров и коронах королев, и пережили множество необычайных приключений, пока волею случая или сказаний не обрели приют на арфе Кеннела.

— Для меня это высокая честь, — ответила Зоя, усаживаясь на скамью рядом с ним.

В этой комнате музыканты ожидали своего выхода к публике или настраивали инструменты. Казалось, струны вынутой из чехла арфы тихонько дрожат, откликаясь на эхо множества нот, копившихся здесь сотни лет.

— Да, — с готовностью согласился старый бард, — так и есть. Но ваш талант так чудесен и редок, что я сделаю все возможное, дабы вновь услышать ваш изумительный голос. У вас уже есть мысли о том, что вы хотели бы спеть для

герцога?

— Думаю, что-нибудь о Гризхолде. Но что именно…

Зоя покачала головой, догадываясь, что выбор уже сделан за нее.

— Да, — сказал Кеннел. — Да-да, безусловно, о Гризхолде, — он ненадолго умолк в притворных колебаниях. — Вот я думаю: не приходило ли это и вам на ум само собой? «Поединок соколов». Два жениха, два соперника в борьбе за руку и сердце герцогской… э-э… правда, баллада именует его королем, как оно и было в те времена… словом, за руку и сердце дочери короля Гризхолда. Вы знаете эту балладу?

— Конечно. За право ухаживать за ней они устроили состязание соколов. Чей сокол первым вернется с добычей, тому и достанется принцесса. Чудесная песня. Кружится, вьется, будто те самые соколы в небе, кричащие о том, чего не видят с земли их хозяева — о том, что там, вдалеке, принцесса стремительно скачет прочь, бежит из замка со своим настоящим возлюбленным, — коснувшись струн арфы, Зоя с сомнением добавила: — Но вы не думаете, что эта баллада может оскорбить герцога? Учитывая, что возлюбленный принцессы дает ее отцу крайне резкую

отповедь, когда тот настигает беглецов, чтобы вернуть дочь назад…

— Оскорбиться такой безделкой? Это же пустяк, чистая фантазия, а ваш голос превратит ее в настоящее чудо, в сверкающую драгоценность из гризхолдского прошлого, — Кеннел вновь сделал паузу. — Конечно, остается еще вопрос различных концовок. Какой вариант вы предпочтете?

— Мой любимый, — ответила Зоя в лад его замыслу, — тот, где соколы, в кои-то веки вспомнив о том, что язык птиц есть язык любви, летят в противоположную сторону и сбивают злокозненных знатных женихов со следа влюбленных.

— Да, — радостно воскликнул Кеннел, — это и моя любимая концовка!

— Хотя и долгие мрачные ноты той концовки, где женихи рубят избраннику принцессы голову, мне тоже очень и очень нравятся.

— О, нет. Только не это.

— Да. Слишком уж мрачно.

— Возможно, как-нибудь после. Хотя, — Кеннел понизил голос, будто опасаясь, что благородные гости услышат его, — я и сам так люблю эти ноты. Но подходящая для них оказия выпадает так редко…

Зоя улыбнулась и так же негромко ответила:

— Мы можем спеть ее вместе, сейчас. Зал пуст, а стражи никому не расскажут.

Настроив арфы, они заиграли и запели эту балладу, сложенную сотни лет назад песнь с несчастливым концом, скорее всего, приближенным к правде жизни настолько, насколько это вообще в силах барда.

Не успели они приблизиться к сему печальному концу, как вдруг парадный зал откликнулся зловещим контрапунктом — голосами, смехом, восклицаниями, великим множеством шагов, частью замедлившихся, частью простучавших частую дробь по целой паутине направлений. Все это, смешиваясь воедино, звучало громче и громче. Раздосадованный и озадаченный, Кеннел опустил ладони на струны, подавая знак замолчать. Жалея о неспетой концовке, Зоя неохотно опустила арфу, последовала за Кеннелом на галерею, и оба взглянули вниз сквозь резную дубовую балюстраду.

— Рановато он, — удивленно пробормотал Кеннел себе под нос.

Огромного роста человек — лысый, в парче и черной коже, целовал королеву, в голосе которой также звучало немалое удивление. Через зал к королеве спешили придворные, навстречу

им, к выходам, бежали пажи, торопясь созвать остальных, супруга и свита герцога собрались за его спиной, а сопровождавшие их лакеи тихонько отступили назад и выскользнули наружу, чтоб позаботиться о багаже. Перегнувшись через перила, Зоя наблюдала за колоритной толпой. Спеша приветствовать дядю, из боковых дверей к герцогу устремились дети короля. Общая какофония достигла оживленного крещендо, и тут Зоя заметила в сутолоке лицо, обращенное к ней.

Рослый, плечистый, своенравный юноша с темными глазами и длинными черными волосами, блестящими, будто лошадиная грива, запрокинув голову, оглядывал галерею. «Он слышал нас, — с изумлением подумала Зоя. — Столько шума вокруг, а он высматривает музыкантов, прячущихся на галерее!»

— Кто… — начала она, но тут же осеклась. Конечно же, она поняла, кто это, еще до того, как заметила его арфу.

Бард герцога улыбнулся ей, как будто сумел расслышать в общем гвалте даже этот обрывок вопроса. Пальцы Зои невольно дрогнули, чуть крепче стиснув дерево перил, и она внесла поправку в свое первое впечатление:

— Кто этот кэльпи?[3]

Услышав сухой смешок Кеннела, она поняла, что произнесла это вслух. Судя по вспышке в полночных глазах и внезапному блеску белых зубов, услышал ее и кэльпи.

[3] Примечания: 3

Кэльпи (кельпи, келпи) — в шотландской мифологии водяной дух, оборотень, способный превращаться в животных (чаще всего, в вороного коня) и в человека — как правило, в молодого мужчину со всклокоченными волосами.

Глава шестая

Ни история, ни поэзия не дают нам удовлетворительных объяснений, отчего Найрн решил остаться в школе Деклана. Неожиданное решение, даже если оставить в стороне неоднозначность его чувств к Деклану, с великим энтузиазмом исследуемую в балладах, но крайне редко подтверждаемую документами. Скорее всего, в школе Найрн не учился никогда в жизни. Во всех Приграничьях насчитывалось лишь несколько школ, и вряд ли хоть одну из них мог бы заинтересовать сын бедного крестьянина-арендатора. Найрн был рожден для странствий, ремеслу учился в пути, и, хоть и успел до прихода на равнину Стирл исходить немало дорог, его еще вполне мог манить к себе весь огромный Бельден — новые инструменты, которые ему предстояло отыскать и освоить, множество музыки, песен дворцов и трактиров, которых он еще не слыхал.

И все же он остановился и остался здесь, на равнине Стирл.

Как учитель или как ученик? Однозначного ответа не дает никто. Баллады склонны акцен-

тировать внимание на отношениях Найрна с Декланом, сама же школа служит лишь фоном, декорацией для их состязаний, их раздоров, их дружбы. Они — рабы капризов изменчивой сказки: правдой становится то, что способствует замыслу рассказчика. Барды вызывают друг друга на продолжительные игры в загадки, влюбляются в одну и ту же девушку (по-видимому, невзирая на разницу в возрасте), Найрн мстит Деклану за верность королю, завоевавшему Приграничья… Есть ли во всем этом хоть доля истины, об этом история умалчивает. Наиболее связные и непротиворечивые документальные сведения о жизни Найрна в этот период представлены в счетных книгах школьного эконома.

На протяжении неполного года, о коем идет речь, первый школьный эконом вел записи ежедневно, начиная с весны, предшествовавшей появлению в школе Найрна. Возможно, делая эти записи, он наблюдал из окна своего кабинета в верхнем этаже башни, как у ее подножия день ото дня растет здание, уже к концу лета завершенное и практически в неизменном виде сохранившееся до наших времен.

«Сего дня уплачено из школьных средств Хьюну Флауту, сапожнику, за шесть пар сандалий для

различных учеников и мэтров, а также за латки на сапоги Найрна».

«Сего дня уплачено из школьных средств Литу Хольму за свинью, выбранную Найрном на племя».

«Сего дня принята в пользу школы от Хана Спеллера, торговца тканями, плата за стол и кров для него самого, его дочери и его слуги, за место в конюшне и корм для его лошадей, а также за фаянсовый тазик для умывания (один), разбитый вышеозначенной дочерью о дверь, закрытую за собою Найрном».

И так далее, и так далее. Все эти прозаические записи, крайне редко содержащие в себе ссылки хотя бы на отголоски захватывающих баллад, подписаны: «руку к сему приложил Дауэр Рен, эконом».

След лисовина оставляю за собою,
И на крылах совы несусь в ночи,
Я – это ключ, ключ к сердцу самоцвета,
Поющей арфы потаенный дух.
Кто я?

Неизвестный автор.
Из «Загадок Деклана и Найрна»

Власы ее – что пена волн, гонимых ветром,

А очи – зелень древней пущи леса,

Как снег белы, персты свирель ласкают,

Неистов, сладок арфы глас в ее руках.

Любовью к деве равно воспылали

Младой и старый барды, два великих,

Придя к ней, отворить уста просили,

Сказать кто больше люб ей из двоих.

«Сыграйте, – был ответ. – Рассудит сердце,

Кто любит истинно, кто любит лишь любовь».

Г-жа Уэльтерстоун.
Из «Принцессы Эстмерской».

Он ушел бы из школы Деклана, не оглядываясь и даже не доев жаркого, если б не этот нежданный удар молнии — если бы не дочь лорда Десте. Тысячу тысяч раз он играл и пел былины и баллады о любви, но так ни разу и не испытал ее. Теперь же, чем дольше он оставался здесь, тем яснее осознавал: ведь это — все равно что петь

об огне, ни разу не почувствовав его чуда, его тепла, его жжения, его абсолютной необходимости. Странствуя по миру, он сыпал этим словом свободно, будто мелкими приятными гостинцами, разбрасывался им направо и налево, словно луговыми цветами, которые не стоят ничего и будут забыты еще до того, как увянут. И уж тем более никогда прежде не восставал против своего полного невежества на сей счет.

Насчет его невежества склонен был разглагольствовать и Деклан, хотя в те минуты, когда Найрн удостаивал его вниманием, ему казалось, что старый бард сетует на что-то совершенно иное. Но чаще всего он просто пропускал сетования Деклана мимо ушей. Он делал все, о чем просили — таскал камни, тесал бревна для опор и стропил, делился с другими учениками песнями Приграничий, запоминал их песни, учился читать, не задумываясь ни о чем, кроме длинных пальцев и зеленых глаз красавицы на кухне. Зачем Деклану учить его грамоте? Этого он не мог понять никак. Память его была бездонна и безупречна. Если слова уже у него в голове, зачем утруждаться — учиться записывать их? Однако он делал, что велено, только ради возможности два или три раза в день оказаться рядом с Оделет, получить из

ее рук миску, кружку, и унести память о выражении ее лица, о негромком и мелодичном (что бы она ни говорила) голосе с собой, чтоб вспоминать о ней весь остаток дня, полного бессмысленных хлопот.

Деклан сумел завладеть его вниманием лишь раз, велев никому не показывать то, что он пишет, и ни с кем об этом не говорить. Это требование показалось Найрну подозрительным — ведь записи на то и нужны, чтобы их видели и читали другие. Найрн размышлял над этим требованием так и сяк, но, с какой стороны ни взгляни, так и не сумел понять его смысла. Наконец он решил спросить об этом самого Деклана.

— Ты слишком, слишком стар, чтобы учиться читать и писать, — охотно ответил тот. — Но научиться нужно, посему учись быстрее, да не болтай. Не будешь болтать — не вызовешь и насмешек тех, кто тебе небезразличен. Я попросил освоить грамоту и нескольких других, — добавил он. — И они тоже будут держать это в секрете, как я велел.

Казалось, грамотой овладеть легче легкого. Несколько прямых, похожих на палочки чернильных штрихов, повернутых так-то и так-то, составляли слово, означавшее «рубашка», или

«яйцо», или «глаз» — смотря по начертанию. Деклан объяснил, что у них есть и другие значения, но не сказал, какие. Сказал лишь, что в простейшем из значений и заключается сила слова.

Это Найрн понял прекрасно: странную кипучую сумятицу простейших, самых обычных слов он познавал каждый день.

Вот, например, «сердце». Чувствуя его ритм, Найрн и раньше мог смутно представить себе местоположение сердца в груди. Теперь же он — впервые в жизни — волей-неволей узнал, отчего в стихах и песнях с этим исправно стучащим в груди органом связано так много чувств и абстракций. Оказалось, сердце живет само по себе — собственной, совершенно необычной жизнью, проявляющейся множеством странных способов. При виде Оделет, перебирающей изящными пальцами зеленую листву в поисках стручков гороха на кухонном огороде, его биение усиливалось так, что едва не причиняло боль. При виде Оделет, грациозно склонившей изящную шею, чтоб проскользнуть под притолокой на выходе из курятника с корзиной яиц, сердце вдруг начинало гнать кровь по жилам изо всех сил, с безмолвным грохотом далекой грозы. Рядом с ней

Найрн чувствовал сухость в горле, у него потели ладони, ступни вырастали до невероятной величины. Ее имя он шептал всем, кто согласен был слушать — солнцу, луне, султанчикам морковной ботвы в огороде. И вот, однажды утром, за тайными занятиями письмом, он ощутил неодолимое желание увидеть ее имя стекающим с кончика пера. Но ни одно из слов, узнанных от Деклана, не подходило — даже отдаленно.

Сколько же черточек-палочек, и каким образом нужно начертать, чтоб получилось «Оделет»?

Спросить у нее самой он не мог и скорее замучил бы себя до беспамятства, прежде чем раскрыть свое сердце перед Декланом. Сердце, столь деликатный в те дни предмет, просто не позволило бы ему заговорить об этом при Деклане. Сжалось бы в груди при виде усмешки старого барда, съежилось, как бродячий пес, и метнулось прочь, прятаться за спиной какого-нибудь органа покрепче. В какую бы форму ни облекал Найрн свой вопрос — пусть даже в самую простую, перед глазами неизменно возникала совершенно невозможная картина: ничтожный Свинопевец, засматривающийся на дочь из благородной эстмерской семьи. Такие хитросплетения событий даже в балладах редко вели

к счастливому концу. Обычно кто-то да погибал. И вряд ли Оделет, всегда безмятежно спокойная в его присутствии, разразится традиционными бурными рыданиями над его телом. Возможно, и обронит хладную жемчужину слезы при мысли о его страданиях, но затем тут же забудет о нем навсегда.

Наконец Найрн вспомнил о том, кто мог написать имя каждого и, более того, делал это каждый день, не обращая ни малейшего внимания на сердечные затруднения, если только они не касались денежных сумм — уплаченных или полученных.

Найрн никогда не бывал в древней башне дальше кухни. Где-то там, наверху, давал уроки Деклан, где-то там, наверху, проживал и вел счетные книги школьный эконом. Ученики спали в головоломном лабиринте крохотных комнатушек, собственноручно сооруженных под завершенной частью крыши нового дома. Из того, чему учил Деклан, Найрн знал почти все и старался держаться от желтоглазого барда подальше: слишком уж странные вещи случались, стоило их путям пересечься.

Но ради того, чтоб увидеть, как чернила, стекая с его пера на бумагу, превращаются в имя Оделет, стоило рискнуть углубиться в неисследованные

области башни.

Когда он вошел в кухню, Оделет разделывала мясницким ножом куриную тушку. Она не замечала его, пока Найрн, глядя, как ее нож пронзает бледную, лишенную перьев грудь злосчастной птицы, не подошел к порогу распахнутой двери в башню. Моргнув и утерев нос, он украдкой взглянул на нее: не заметила ли она его неловкости? Поспешно отвернувшись, Оделет устремила бесстрастный взгляд вниз, на куриную тушку, и подняла нож. Найрн скользнул через порог и направился по винтовой лестнице наверх.

В узких окнах, спиралью тянувшихся вдоль лестницы кверху, одна за другой открывались картины долгого летнего вечера. Казалось, равнина — оборот за оборотом — кружится за стеной. Желто-серое небо над горизонтом в той стороне, где только что скрылось солнце, в следующей узкой раме сменялось рекой, змеящейся к еще одному горизонту, и деревьями, покровительственно склонившимися над таинственной темной водой. Следующее окно заливал свет луны, серебрившейся высоко в небе. За следующим смотрели вдаль, провожая уходящий день и встречая появление звезд, огромные стоячие камни. В следующей узкой щели моргнула искор-

ка фонаря, зажженного кем-то в дверях таверны у реки. Затем Найрн миновал комнаты Деклана — нижнюю, где старый бард давал уроки, и верхнюю, где спал. Обе двери были закрыты. Из следующего окна донеслась музыка: кто-то — возможно, сам Деклан — негромко, задумчиво перебирал струны арфы, сидя в кругу стоячих камней и любуясь игрой лунного света на стенах огромной темной башни, стоявшей среди поля под холмом, вознесшейся в небо до самых звезд…

Найрн остановился. Вцепившись обеими руками в края узкого проема, словно в попытке раздвинуть их, он втиснул лицо в щель окна и долго смотрел на башню. В конце концов он моргнул, а когда вновь открыл глаза, башня исчезла. Внизу был виден лишь знакомый простор, быстро растворявшийся в сумраке ночи. Найрн разжал пальцы и отступил на шаг, не отводя глаз от окна. «Должно быть, тень нашей башни в траве», — наконец решил он. Отвернувшись от окна, он зашагал дальше по бесконечным ступеням. Звуки арфы летели ему вслед.

Наконец он взобрался под самую крышу. Остановившись у двери эконома, отмеченной изображением пера и книги над ровным рядом каких-то непонятных фигур, он постучал.

Эконом откликнулся изнутри. Войдя, Найрн нашел его за столом, с пером в руке и множеством чисел в глазах, над толстым томом счетной книги. Эконом был примерно одних с Найрном лет, а что до прочего сходства — должно быть, этот юноша был рожден на другой звезде. Казалось, в жилах его течет не кровь, а чернила, а сердце стучит, точно счеты, и будет отбивать число за числом, пока не остановится навек. Однако, при всей своей серьезности, эконом оказался юношей отзывчивым. Не задавая вопросов о необычной просьбе Найрна, он принялся листать страницы счетной книги.

— Оделет… Помню, я сделал эту запись как раз перед твоим появлением.

Найдя нужную страницу, он повел пальцем по строкам, сверху вниз. Найрн наблюдал за этим, глядя ему через плечо.

— Вот. «Сего дня принята в пользу школы от Бервина Десте, брата Оделет Десте, плата за стол и кров в течение трех дней, а также за место в конюшне и корм для коня», — он указал на волнистый, текучий фрагмент среди целой строки узелков и завитушек. — Вот так и пишется ее имя.

Найрн изучил его со всем вниманием. Убрав с

глаз волосы, изучил снова.

— Что это?

— Где?

— Вот это, — Найрн повел рукой в воздухе, над страницей. — Все это, вышедшее из-под твоего пера.

— Грамота. Письмо.

— Нет, не может быть.

Эконом резко вскинул голову и взглянул Найрну в глаза. Ненадолго задумавшись, он толкнул к Найрну книгу, обмакнул перо в чернила и подал ему.

— Покажи. Вот здесь, в чистом уголке. Как выглядит твое письмо?

Вопреки всем наказам Деклана держать свои занятия в секрете, Найрн склонился над страницей и начертал знак из четырех палочек.

— О-о, — негромко сказал Дауэр, удивленно подняв брови. — Тогда понятно, что тебя озадачило. Это древняя грамота. Я ее не знаю, только видел эти письмена кое-где, вырезанные на стоячих камнях. Так больше никто не пишет. Вернее сказать, я и не знал, что кто-то до сих пор так пишет.

— Тогда зачем же Деклан обучает меня этому?

— Не знаю, — ответил эконом, склонив голову

и продолжая рассматривать слово, написанное Найрном на полях страницы. — Об этом нужно спросить у него самого. Что это означает?

— «Лук». Да. Я спрошу его. А не мог бы ты показать… — Найрн еще раз взглянул на луковку кружка, с которого начиналось имя Оделет, и безнадежно покачал головой. — Ладно, не стоит. Неважно это. То есть, для нее неважно.

Какое-то время Дауэр молчал, водя по странице обратным концом пера, и, наконец, поднял взгляд на Найрна.

— Почему бы тебе просто не сказать ей?

Первым отозвалось сердце: кровь так и вскипела в жилах. Этот язык был прост и ясен.

— Я… боюсь, — с запинкой, будто язык споткнулся об это слово, пробормотал Найрн.

Эконом выпрямился, вновь обмакнул перо в чернила, написал слово на чистом уголке страницы и аккуратно оторвал его.

— Возьми. Она написала бы свое имя вот так.

Не говоря ни слова, Найрн взял крохотный бумажный треугольник. Вернувшись к себе, в тесную клетушку ученического муравейника, где не было ничего, кроме тюфяка, пары колышков, вбитых в швы каменной кладки, чтоб вешать одежду и инструменты, да грубо сколоченного

стола с подсвечником и разными мелкими пожитками, он долго изучал слово, повторял его раз за разом, пока не запомнил — до последнего штриха и завитка, до последней палочки и черточки. Покончив с этим, он сунул бумажку в отверстие резонатора арфы, где этот клочок задрожит, затрепещет в такт каждой взятой им ноте, и отправился поговорить с Декланом.

Найти старого барда оказалось нетрудно: выглянув в ночь за порогом, Найрн тут же услышал его арфу и двинулся на звук. Деклан сидел на своем излюбленном месте, прислонившись спиной к одному из огромных стоячих камней на вершине холма, и пощипывал струны, играя луне. Должно быть, его игру Найрн и слышал, поднимаясь на башню. Стоило ему остановиться рядом и озадаченно взглянуть вниз в поисках очертаний незнакомой башни среди поля под холмом, музыка смолкла.

— Ты снова солгал мне, — без околичностей сказал он, почувствовав на себе взгляд Деклана.

Старый бард помолчал, замерев без движения. Затем он опустил арфу в траву рядом с собой и ровно ответил:

— Значит, ты проболтался о том, что я просил держать в секрете. Иначе откуда бы тебе знать?

— Это же такая мелочь… Зачем тебе понадобилось врать о таком пустяке?

— Кому рассказал?

— Дауэру Рену. Я пошел к нему спросить, как пишется одно слово…

— Отчего ты не пришел ко мне?

— Это личное, — коротко ответил Найрн, чувствуя, что краснеет.

— Но с экономом ты едва знаком.

— Зато я знал, что он скажет правду. Скажет, как пишется нужное слово, а не подменит его другим — «колокольчиком» или «маслом» вместо «О…».

Осекшись, Найрн поспешно зажал ладонью рот, но было поздно.

Не разжимая губ, старый бард хмыкнул, а может, издал отрывистый смешок или просто резко выдохнул, избавляясь от попавшей в ноздрю пушинки.

— «Оделет»?

Пальцы Найрна сами собой сжались в кулаки.

— Я знал, что ты будешь смеяться. Ты хранишь свои тайны и осмеиваешь все вокруг. Ты дошел до самых северных берегов нашей земли всего лишь затем, чтобы шпионить за рыбаками и пастухами и обмануть их…

— Я не смеюсь, — оборвал его Деклан. — Сме-

яться над тем единственным, что держит тебя здесь, мне бы и в голову не пришло. Но скажи: всегда ли ты сам говоришь только правду?

— Да. То есть нет. Но, когда речь о важном… И дело вовсе не в этом…

Найрн замолчал, вспоминая по кусочкам всю жизнь, все то, что привело его сюда, на этот холм, к величайшему из бардов пяти королевств.

— Музыка не лжет, — заговорил старый бард после недолгой паузы. — Возьмешь фальшивую ноту — это услышат все. Но слово так легко может менять значение… Вот оно ничего не весит и парит, как звезда, а в следующий миг падает вниз, точно камень. Сколько раз произнес ты слово «любовь», имея в виду все что угодно, кроме любви?

Найрн, непреклонно взиравший на него сверху вниз, заморгал.

— Теперь ты, наконец, решил, будто знаешь, что значит это слово, но обнаружил, что не в силах его вымолвить. И кто же отныне поверит тебе?

— Это не… — запротестовал Найрн. — Это не совсем так… Она… И вообще я не об этом пришел говорить. Но как ты узнал? Я никому не говорил ни слова…

— Об этом говорит твое лицо всякий раз, как

ты увидишь ее. Говорят твои ноги, начинающие заплетаться в ее присутствии. Говорят твои пальцы, дрожащие на клапанах свирели. Ты говоришь о ней каждую минуту, только тем языком, каким — готов прозакладывать струны собственной арфы — при всех своих талантах и смазливом лице не разговаривал еще никогда.

Найрн долго молчал, обратив взгляд к подслушивавшей их разговор луне. Наконец он глубоко вздохнул и заговорил:

— Да, так и есть. Неужели я так жалко выгляжу рядом с ней?

— Не ты один.

— Как? Я и не замечал…

— Потому, что больше ни на кого не обращаешь внимания. По словам ее брата, ради приезда сюда она оставила без ответа предложение очень богатого дворянина. И он ждет до сих пор.

— Вот как, — протянул Найрн, совершенно упав духом.

— А ты можешь хотя бы говорить с ней время от времени.

— Может быть. При ней все нужные слова вдруг исчезают из головы. И при тебе тоже, — упрямо добавил Найрн. — Я пришел говорить совсем о другом.

— По крайней мере, со мной ты разговариваешь, — усмехнулся Деклан. — О чем же ты пришел говорить?

— Зачем ты учишь меня писать «вода» древними, как стоячие камни, каракулями, которых давным-давно никто не понимает?

— Затем, что это — язык тайн, язык силы, язык забытых искусств. Слово «вода» выглядит как «вода» только снаружи. А под поверхностью, в глубине, превращается в нечто совсем иное. И у тебя есть дар использовать скрытую в словах силу. Ты сам сказал мне об этом в том грязном трактире на берегу Северного моря, сманив самоцветы с моей арфы, — он повернул арфу лицом к Найрну, и самоцветы приветствовали его знакомыми теплыми отблесками. — Видишь? Они узнают тебя.

Найрн тупо уставился на камни, вспоминая, с какой наивностью и силой забрал их. Наконец он перевел взгляд на едва различимое в темноте лицо Деклана с холодными слезинками лунного света в совиных глазах.

— Зачем я нужен тебе здесь? — медленно, чувствуя, что ответ не придется ему по нраву, спросил он. — Зачем ты учишь меня этому?

— Я и сам учусь этому, — напомнил Деклан. — Я

взял этот язык с ваших древних стоячих камней. Я пытаюсь пробудить забытую силу ваших земель. Короли моей родины знают, на что годятся их барды: величайшие из музыкантов — самые сильные маги. Я могу научить тебя тому, что тебе нужно знать, чтоб стать придворным бардом короля Бельдена.

Найрн отступил назад, едва не потеряв равновесие и не покатившись кубарем вниз.

— Нет, — жестко ответил он. — Я ни за что не стану работать на этого самозванца.

— Подумай, — негромко возразил Деклан. — Подумай. О высоте положения при дворе короля. О музыке, которой ты никогда не слыхал, — обо всей куртуазной музыке пяти исчезнувших королевств и родины короля Оро. Об инструментах, на которых ты смог бы играть. О знаниях, что смог бы получить. О тех возможностях, что откроют тебе богатство и высокий пост: перед тобой, бардом, высоко чтимым самим королем, откроются двери всех замков Бельдена. Даже лорд Десте, отец Оделет, рад будет видеть тебя под своим кровом.

— Откуда мне знать… — дрожащим голосом прошептал Найрн.

— Что я не обманываю тебя снова? Таков был

последний приказ короля Бельдена, отданный мне, когда я оставил двор: найти и обучить бардов, наиболее талантливых в волшебстве этих земель. Именно это я и делаю. Подумай обо всем этом. А уж потом решай, уйти или остаться. Если останешься, я предлагаю тебе все это именем короля.

— Ты не ответил…

— И этого ты никогда не узнаешь, если уйдешь, не так ли?

Найрн замер, молча глядя на темную фигуру в траве у подножия камня. Деклан поднял арфу и нежно провел пальцами по струнам. Отблески нот дрогнули, устремившись навстречу лунному свету, и Деклан заиграл снова.

— Когда я… — сбивчиво заговорил Найрн. — Когда я поднимался на башню, чтобы поговорить с Дауэром Реном, я видел в одном из окон огромную темную башню вон там, в поле под холмом. Казалось, она вытянулась в небо до самых звезд, и сами звезды стали ее частью. Это ты и имел в виду под силой нашей земли? Ты ведь тоже должен был видеть ее. Ты сидел здесь и играл.

Арфа умолкла, не завершив фразы; на миг пальцы и голос Деклана словно сковало льдом. Вздохнув, он поднял на Найрна взгляд. Лицо его

было скрыто в тени — одни лишь глаза блеснули в лунном луче.

— Да, я был здесь, — ответил он. — Смотрел на восходящую луну и думал о музыке своей родины. Думал и размышлял: сколько всего забудется в разлуке с собственной историей, сколько зачахнет на этой чужой земле? Тут ты открыл дверь, и звон ее колокольчика отвлек меня от воспоминаний. Только тогда я и начал играть. Я не видел никакой башни. Не слышал никакой музыки, кроме своей. Все это волшебство было для тебя.

Глава седьмая

Официальное приглашение на ужин, устраиваемый королевой в честь приезда ее брата, лорда Гризхолдского, как всегда, застигло Фелана врасплох. Он только что выбрался из постели после долгой ночи в «Веселом Рампионе», навстречу неумолимо грядущему дню, с какой стороны ни глянь, не сулившему ничего, кроме необозримой, безбрежной пустоты страниц так и не начатой работы. Дом отца стоял на берегу Стирла, невдалеке от замка Певерелл, где городские улицы становились спокойнее и шире, а по обочинам тянулись ряды огромных вековых деревьев. Водная гладь здесь безраздельно принадлежала роскошным баркам и яхтам — рабочие суда забирались вверх по течению так далеко от доков разве что в погоне за косяком рыбы. Дом, возведенный из плитняка сотни лет назад, до сих пор сохранил кое-что из изначальных архитектурных странностей — к примеру, пару совершенно не подходящих друг к другу окон в боковой стене, нелепых, как глаза камбалы. Внутри время набирало скорость, устремляясь к дубовым панелям, мраморным

стенам, пушистым коврам и множеству неярких ламп, освещавших коллекцию Ионы — невероятное множество странных вещей со всего света, включая десяток мест, которых Фелан даже не смог отыскать на карте. Мать Фелана, Софи, сама по себе наследница знатной семьи и родня самих Певереллов, одобряла все современные удобства, решительно возражая лишь против собственной машины — дескать, они шумны, медленны и не понимают человеческих слов.

Полностью одетая, воюя на ходу с тесной перчаткой, Софи наткнулась на зевающего Фелана в гостиной, чмокнула губами где-то возле его подбородка и энергично спросила:

— Ты отыскал отца?

— А я ищу его?

Софи оживленно закивала. Унаследовав ее светлые волосы, серые глаза и даже ее чарующую улыбку, Фелан (как выяснилось еще в раннем детстве) был начисто лишен ее непробиваемого сдержанного нрава, служившего неодолимой преградой для любых вопросов касательно поведения Ионы.

— Я ведь сказала тебе. Разве нет?

— Нет.

— О, неужели? Что ж, его нужно найти и подать

к ужину в честь лорда Гризхолдского… — осекшись, мать издала короткий смешок. — Нет, герцог вовсе не замышляет вонзить в него нож и вилку, но все мы должны прийти. Сам король приписал на нашем приглашении, что определенно желает видеть Иону, дабы завершить некую беседу.

— Когда?

— Что «когда», дорогой?

— Ужин.

— О-о… Через день или два… Я запамятовала, — лучезарно улыбнувшись Фелану, мать потрепала его по щеке. — Просто найди его, Фелан. Тебе это всегда так превосходно удается. Приглашение где-то там, а мне нужно бежать. Сегодня мы вяжем носки для кайрайской бедноты, а затем бабушка кухарки Урсулы Барис будет учить нас предсказывать будущее по птичьим гнездам.

С этим мать и оставила Фелана, утратившего от изумления дар речи, зато окончательно проснувшегося. Очнувшись от ступора, он двинулся в ее кабинет, чтоб отыскать приглашение в груде бумаг на письменном столе, но на полпути резко свернул к дверям. Все было бессмысленно: вымытый, сытый, звенящий деньгами в карманах, Иона мог оказаться где угодно, и Фелан либо

наткнется на него вовремя, либо нет. В конце концов, ему нужно было писать исследование. Отец мог подождать.

Однако, прежде чем на весь день похоронить себя в школьной библиотеке, он отклонился от выбранного пути и снова перешел реку по Докерскому мосту — заглянуть на раскопки. В ясном свете утра безлюдные земли утратили всю таинственность, превратившись в обычные жалкие руины столетней давности. Остатки стен тяжело навалились друг на друга, обугленные оконные рамы таращились на разноцветные здания за рекой, точно пустые глазницы, над заброшенным берегом нависли разрушенные склады и сломанные сваи причалов. Пожар опустошил эти земли раз и навсегда: все предпочли переселиться в более процветающие районы, заново отстраивать сгоревшее и разрушенное не счел нужным никто. Однако сейчас в жутковатой тишине слышались громкие, радостные голоса, только говоривших нигде не было видно. Казалось, голоса доносятся откуда-то из-под земли.

Подойдя к краю последнего прожекта Ионы, Фелан заглянул в яму и увидел чью-то макушку, поднимавшуюся навстречу. Макушка была прикрыта мягкой панамой, так что лица было

не разглядеть, но голос, обращенный к кому-то внизу, Фелан узнал сразу.

— Принцесса Беатрис? — окликнул он.

Вскинув голову, принцесса улыбнулась. Ее панама соскользнула на плечи и повисла на шнурке. Пара блестящих, точно крыло ворона, локонов, высвободившихся из-под тугих заколок, упали на лоб.

— Фелан! — на миг опершись на поданную им руку, она выбралась из раскопа и стряхнула с одежды целую тучу пыли. — Ох, извини, — добавила она, со смехом отступив в сторону. — Побывав внизу, я не гожусь для приличного общества. Ты ищешь отца?

— Да. Вы его не видели?

— Заглядывал с утра, но почти сразу ушел.

— Нет ли у вас соображений, куда он мог пойти? — без всякой надежды спросил Фелан.

Вынув из волос заколки, принцесса встряхнула головой. В воздухе повисла новая туча пыли.

— Нет, — ответила она и на минуту задумалась. Из ямы за ее спиной доносился тихий шорох кистей, осторожные удары кирки, отрывистые переговоры. Спокойный взгляд принцессы устремился в сторону города за плечом Фелана. Внезапно ему подумалось, что ее чернильно-си-

ние глаза того же цвета, что и астры, растущие из кучи мусора неподалеку. — Я помню, его приглашали ко двору, но это тебе не поможет, если ты именно поэтому его и ищешь. Эй, никто не знает, куда мог уйти мэтр Кле? — крикнула принцесса, обернувшись к раскопу.

Снизу раздались негромкие разрозненные смешки. Фелан криво улыбнулся.

— Ладно. Я его отыщу. Если увидите его…

— Да, конечно. Я сейчас еду домой. Леди Хартсхорн дает обед в честь леди Гризхолд, и мне от него никак не увильнуть — обещала быть. Может, подбросить тебя куда-нибудь по дороге?

— Да, — без раздумий ответил он, но тут же неохотно поправился: — То есть нет. Мне стоит задержаться и немного поискать здесь. Здесь я нашел его в последний раз. А из машины его труднее заметить. Я знаю парочку его любимых мест…

— Что передать, если я его встречу?

— Благодарю вас, принцесса. Просто скажите, что он нужен дома.

Позже, сидя за столом в школьной библиотеке, он праздно размышлял об этой встрече, затем об Ионе, затем безжалостно выкинул из головы все мысли, напряженно уставился на чистый бу-

мажный лист и затаил дыхание. Слово, повисшее на кончике пера, затрепетало, готовясь лечь на бумагу. Монолиты книжных томов и рукописей высились вокруг. Все они были битком набиты словами, уложенными теснее, чем кирпичи в стене, бесконечные армии слов без остановки маршировали со страницы на страницу. Изо всех сил стиснув перо, Фелан еще на волос приблизил его к бумаге, чтобы слово, упорно цеплявшееся за кончик пера, наконец-то сдалось и спустилось, сошло на этот бескрайний простор. Вот кончик пера встретился с бумагой… поцеловал ее… и замер.

Резко выдохнув, Фелан откинулся на спинку стула. Перо, нагруженное так и не обретшими формы словами, закачалось над полом в безвольно обмякшей руке. «Да как же, — недоверчиво подумал Фелан, — появились на свет все эти книги и рукописи? В каком граненом куске янтаря, в каком потайном отделении какого укрытого в тайном месте ларца другие находят то самое слово, с которого начнется предложение, которое затем развернется в абзац, который превратится в страницу, которая перерастет во вторую, а за ней в третью, и так далее, и так далее?»

Снова усевшись прямо, он бросил перо на стол

и принялся наугад просматривать начала книг и рукописей, грудами высившихся вокруг него.

«Существует ли Костяная равнина?» — лаконично, попросту вопрошала одна из недавних статей. Аргументация книги постарше начиналась туманнее, но куда более звучно: «На самом дальнем из горизонтов, на горизонте времен, озаренном рассветом Пяти Королевств, мы можем увидеть его — то место, куда помещают Костяную равнину история и поэзия». Раздраженно захлопнув книгу, Фелан раскрыл другую — тонкую тетрадь в мягкой кожаной обложке. Эта начиналась так: «Не одну сотню лет поэты, ученые и барды проливают реки чернил в спорах о том, какие из стоячих камней на картах Бельдена являются также стоячими камнями, ограждающими Три Испытания Костяной равнины на карте мира поэзии».

Закрыв и эту книгу, Фелан бросил ее на стол и бессильно уронил голову на стопку книг, как будто нужные слова каким-то чудом могли бы просочиться сквозь шелушащийся пергамент и древнюю кожу прямо в мозг. В библиотеке, среди дубовых полов в коврах ромбов солнечного света, льющегося из окон, среди высоких книжных шкафов красного дерева и стеклянных витрин с

бесценной коллекцией свитков и первых изданий (дар Ионы Кле), царили беспощадное солнце и мертвая тишина. В этот погожий весенний денек у всех на свете нашлись занятия получше мучительной борьбы с древней историей. «Пожалуй, отец был прав, — смиренно подумал Фелан. — На эту тему все уже сказано. Больше добавить нечего, потому мне и не найти ни единого подходящего слова».

Наконец он поднялся из-за стола и приглядел-ся к коллекции отца. Очевидно, Иона счел эту тему такой скучной, что предпочел избавиться от всего, попавшего в его руки. Среди прочего, Фелан обнаружил самую раннюю из версий сказки о Трех Испытаниях, записанных не на камне, а на пергаменте, а также эссе о Найрне, написанное неким безвестным ученым, судя по всему, полагавшим, будто сей бард, потерпев поражение в испытаниях, бродит по свету до сих пор — тысячу лет спустя. Фелан призвал из недр библиотеки архивариуса. Видя отчаяние на его лице, архивариус, коему полагалось бы лечь костьми на пороге, но не допустить выноса из библиотеки бесценных манускриптов, в конце концов позволил взять их домой — только чтобы отец не видел.

Из всех мест на свете, где можно было случайно наткнуться на отца, самым маловероятным был его собственный дом. Туда-то Фелан и отправился. Дома не оказалось никого, особняк был спокоен и тих, если не считать шума, время от времени доносившегося с кухни. Устроившись на софе и обложившись манускриптами, Фелан взялся за чтение.

На равнине из костей,
Посреди кольца камней,
Ждут Три Испытанья, Три Кары,
Три Величайших Сокровища:
Одно – Вещий камень,
Другое – Неисчерпаемый котел,
А третье – Вьющаяся башня.
Тот бард, чей голос растрогает камень,
заставив его прорицать,
Тот бард, чье сердце наполнит котел,
чтоб накормить весь свет,
Тот бард, что выкует песню из смерти,
Поэзию из безумия,

А ночь превратит в рассвет,
Тот бард овладеет древнейшей силою речи родной.
Вот каковы Три Сокровища,
Три Испытания Костяной равнины.
Но берегись Трех Кар:
Тот бард, что не разбудит камня,
Впредь будет петь камням.
Тому, кто не наполнит котел,
Впредь быть вечно голодным,
Не обративший в поэзию ночь
Будет разбит в черепки языка,
И ночь его поглотит.
Кто не осилит всех Трех,
Впредь не найдет для себя
Ни голоса, ни вдохновенья,
Ни отдыха, ни покоя,
Ни конца дней, ни забвенья.

За первой рукописью последовало описание подвигов и злоключений бардов, осмелившихся подвергнуть себя испытаниям ради великой власти над словом и мировой славы. Лишь единицы из них, подобно Найрну, оставили след не

только в поэзии, но и в истории. Большинство несчастливцев, скорее всего, было создано только затем, чтобы поведать миру о своих неудачах. Несмотря на предреченные ужасные последствия, самым благородным и чистосердечным из искателей приключений предоставлялся шанс облегчить свою участь. Они возвращались домой всего лишь с израненной памятью и получали в награду сказание, что будет расцветать новыми красками и обрастать новыми подробностями с каждым новым пересказом.

Эта рукопись была настолько стара, что Фелан листал страницы, затаив дух: как бы слова не унеслись назад, в воздух далекого века, с хлопьями шелушащегося пергамента. Писец или бард, извлекший эти стихи из народной памяти и записавший их, не счел нужным указать ни места их происхождения, ни своего имени, ни даты. Но из различных научных работ на сей предмет Фелан знал: сказание много старше этой рукописи. Само по себе оно даже не намекало на то, куда именно следует отправиться барду в поисках Костяной равнины. Но и это Фелан уже знал: это сказание он целиком заучил наизусть еще к десяти годам. Рукопись он прихватил так, на всякий случай, в надежде, что вид писанных

в древности слов породит искру мысли, вспышку озарения, подтолкнет взяться за перо.

Тут-то, растянувшись на софе с обеими рукописями на груди, он, привлеченный тихим шорохом ковра, поднял взгляд и увидел отца.

Взглянув на бесценные манускрипты, Иона только крякнул и рухнул в кресло у изножья софы, лицом к Фелану. Лицо его, что вполне предсказуемо, было раздраженным и бледным, но во взгляде чувствовалось нечто необычное. Вдобавок, он был на удивление трезв — и это в разгаре дня.

— Что стряслось? — робко спросил Фелан. — Уж не убил ли ты кого-то? Или, может, чисто случайно снова женился?

— Нет.

— Нашел золотую жилу в одном из раскопов?

Иона покачал головой, поерзал в кресле, раскрыл было рот, собираясь что-то сказать, но тут же осекся.

— Этот ужин, — наконец сумел вымолвить он. — Когда он там?

От изумления Фелан вытаращил глаза.

— Какая тебе разница? И, кстати, как ты о нем узнал? Ты никогда не обращал внимания на подобные вещи.

— Не трепли мне нервы, мальчик мой. Просто ответь.

— Ответил бы, если бы знал, — вглядевшись в лицо отца, Фелан, наконец, сумел описать увиденное. — Взглянуть на тебя — ты словно призрака встретил.

— Возможно, — выдохнул Иона. — Возможно, так оно и есть.

Фелан зашевелился, поднимаясь с софы, и вовремя успел подхватить соскользнувшие с груди манускрипты. Вновь взглянув на них, Иона поднял бровь.

— Я спрятал их под школьной мантией, — поспешно сказал Фелан, — и никто не видел, что я их взял.

— Не нужно играть в благородство. От этого ты только выглядишь еще слащавее.

Не слыша в тоне отца обычной язвительности, Фелан нахмурился. Не спуская взгляда с Ионы, он сел и бережно положил манускрипты на софу рядом с собой.

— Что это был за призрак?

Иона раздраженно покачал головой, но повисший меж ними в воздухе вопрос не желал исчезать.

— Весьма гнусный осколок прошлого, — отве-

тил он наконец. Фелан открыл было рот, но отец вскинул ладонь вверх. — Оставь это. Это мое. Я разберусь с этим сам.

— Но где же ты столкнулся с ним? — спросил Фелан. — Или с ней.

— Он ехал верхом через прибрежный парк в свите лорда Гризхолда. Я как раз проверил кое-что в Королевском музее и входил в Музей древнего оружия. Оглянулся с порога — глядь, вот он, тот самый призрак, за спиной лорда Гризхолда, весь в черном, улыбается, как солнце… Так когда там этот ужин? — настойчиво добавил он.

— Через день или два… Так, значит, мне не придется искать тебя по всему городу?

— Я буду, — пообещал Иона.

Голос его прозвучал так тоненько и сухо, что в голове Фелана разом зародилась, столпилась, зашумела целая дюжина вопросов. Он удивленно глядел на отца, внезапно проявившего такой интерес к долгому и скучному придворному ужину. Предвосхищая его любопытство, Иона потянулся к манускриптам и ловко сменил тему.

— Это чем-нибудь поможет?

— Возможно, — без особой надежды ответил Фелан. — Все остальное я уже прочел.

— А я говорил, что…

— Знаю, знаю.

— Ты взялся за дело без души, — сказал Иона, осторожно листая станицы. — Как можно найти Костяную равнину, если ничуть не желаешь этого?

— Это всего-навсего исследовательская работа, — с непривычной резкостью ответил Фелан. — Конечно, я не желаю попасть на Костяную равнину. Зачем она мне? Все, чего я хочу, — распрощаться со школой поскорее, — Иона хмыкнул, но от иных замечаний воздержался. — К тому же, я еще не читал вот этого, о Найрне. Может, хоть оно на что-то вдохновит.

— Трудно представить, что эта неудачная шутка может на что-либо вдохновить, — буркнул отец.

Откинувшись на спинку кресла, он задумчиво уставился на работу, о которой шла речь, но даже не раскрыл ее. Фелан глядел на отца, как обычно, гадая, в каких извилистых лабиринтах собственного мозга тот мог заплутать на сей раз. Под его пристальным взглядом Иона резко поднялся и дернул за толстый шнурок колокольчика.

— Где этот Саган? Я послал его в погреб целую эру назад.

— Прошу прощения, сэр, — откликнулся дворецкий, скользя по ковру, будто призрак. Его

волосы и поднос, на котором стояла принесенная им бутылка, блеснули серебром в свете солнца. — Именно эту пришлось поискать.

— Благодарю вас, Саган.

Отец вопросительно взглянул на Фелана. Тот отрицательно покачал головой.

— Я работаю, — коротко ответил он, вновь растянувшись на софе и раскрыв работу о Найрне.

Отец с запыленной янтарно-желтой бутылкой скрылся в недрах дома.

«Найрна, — так, без лишних преамбул, начиналось эссе, написанное три-четыре столетия назад, — Бродячего Барда, коему за жалкую и непростительную оплошность пред лицом Трех Испытаний Костяной равнины воспрещено было найти утешение в смерти, видели в Кайрайской школе бардов, о чем в счетных книгах школы рукою Аргота Ренне упомянуто так. “Сего дня уплачено из школьных средств Колли Дэйлу за три круга сыра, пять горшков масла и десять галлонов молока. Уплачено также Мерли Крэйвен за девять шерстяных одеял и двух ягнят. Сведены счеты с одним гостем, незнакомцем, расплатившимся за ужин мытьем посуды. Хотя при нем и имелась арфа, он отказался сыграть, заявив, что еще один арфист нам здесь вовсе ни к чему.

Не назвал он и своего имени. Однако, принимая во внимание рассказ дочери эконома о том, как валун среди круга стоячих камней на вершине холма вдруг превратился в человека с арфой, а также принимая во внимание нестареющее морщинистое лицо, беспросветно темные глаза и тот факт, что ему было ведомо мое имя, Ренне, хотя он и пробыл камнем всю нашу жизнь, а наипаче всего принимая во внимание его поразительный вопрос касательно существования древнего «Круга Дней», тайного конклава, исчезнувшего из истории сотни лет назад, я убежден: это тот самый бард, ищущий смерти, а именно — Найрн. Руку к сему приложил Аргот Ренне, школьный эконом". И столь многословной записи, — сухо продолжал эссеист, — доселе не оставлял в счетных книгах никто из экономов школы».

Фелан заморгал. Казалось, шелк софы под спиной и затылком всколыхнулся, вздохнул, словно некое существо, вдруг пробудившееся к жизни.

— «Круг Дней»… — прошептал он.

Перед его мысленным взором возник путь к избавлению от нескончаемых школьных лет: Бродячий Бард, Неприкаянный, хранивший когда-то некий секрет, был вовлечен еще в одну тайну!

Без размышлений встав и собрав манускрипты, Фелан приготовился пуститься в путь, обратно в школьную библиотеку, но, прежде чем он успел сделать хоть шаг, его будто кто-то дернул за рукав. Отец! Отец, чья голова, будто подвалы музея, битком набита поразительными фактами и фантастическими осколками прошлого, так редко (если вообще) показывающимися людям на глаза!

Что может он знать о подобных тайнах?

Но в следующую же минуту Фелан рассмеялся, как рассмеялся бы Иона, услышав этот вопрос. Отец сказал бы, что он впустую тратит время, что все это вздор, фикция, да к тому же вдоль и поперек исследовано, выяснено и описано за сотни лет до того, как Фелан сделал первый вдох и выкрикнул в лицо этому миру свое первое суждение о нем.

Оставив отца в его излюбленном обществе, он отправился в путь — по следам ни живого ни мертвого барда, на поиски места, где начинается круг.

Глава восьмая

Зима, погубившая барда, сменившего Деклана при дворе короля Оро, выдалась одной из жесточайших в истории. Стирл замерз почти на всем пути от моря до крохотной деревушки на равнине, успевшей вырасти в настоящий населенный пункт и получить название «Кайрай». Придворные хроники знатных семейств всего Бельдена полны свидетельств о лишениях и невзгодах, постигших людей всех сословий. Даже король, предпочитавший держать свой двор в безостановочном движении, истощая гостеприимство и казну потенциальных мятежников, был вынужден переждать этот сезон в несколько более мягком климате Эстмера, у лорда Десте, чьи изобильные поля и леса могли обеспечить провизией, дичью и топливом даже короля со свитой. В амбарных книгах лорда отмечены смерти стариков и детей, в основном павших жертвами болезней, известных в те времена под общим названием «горячка». Хроники самого короля содержат целый перечень болезней и смертей среди пожилых придворных, а также несчастных случаев во

время охоты и верховых прогулок по покрытым льдом полям и лесам. Среди несчастных случаев на охоте отмечена и гибель придворного барда Лойсе: он рьяно трубил в охотничий рог, когда его конь на всем скаку поскользнулся на пятнышке льда, скрытого под снегом. «И всадник, и конь его погибли», — скупо сообщает хроника об этой, безусловно, горькой и болезненной утрате. Другие источники с разных концов Бельдена отмечают «дождь из птиц, насмерть замерзших в полете», ветви деревьев, ломавшиеся под тяжестью снега и падавшие на крыши домов и на головы злосчастных путников, замерзшие тела, обнаруженные подо льдом в реках, озерах и колодцах, банды нищих, изгоев и беглых преступников, живших в пещерах и бросавшихся на неосмотрительных прохожих, «словно огромная стая ворон на мертвечину». Повсюду во множестве встречаются упоминания о младенцах, похищенных из колыбелей изголодавшимися животными; в редких, но, весьма вероятно, подлинных случаях пропавшие дети оказываются съедены отчаявшимися соседями.

Вероятнее всего, на каждую документально зафиксированную смерть приходится дюжина, а то и сотня смертей, оставшихся не замечен-

ными историей: в рыбацких деревнях, в горных кланах сурового севера, не видевших особого прока в грамоте и все державших в памяти, в уединенных селениях западных гор, в болотистых землях юга, известных некогда как Уэверли. Что касается школы, в ее счетных книгах упомянуты трое учеников, бежавших от жизненных тягот в тепло и уют родительских домов. Упомянуты средства, уплаченные из школьной казны лекарю за припарки и целебные травы, а также за напрасный визит к ученику, убитому сорвавшейся с башни сосулькой. Со скоростью, возможно, неуместной, его смерть покинула рамки счетных книг, послужив темой для баллады, полной дичайших предположений и домыслов.

Молчат счетные книги лишь об одном: как две дюжины учеников сумели провести губительную зиму среди укрытой снегом равнины и холодного камня, не имея возможности как следует вымыться, на скудной, однообразной зимней пище, постоянно на глазах у остальных, и уживаться друг с другом без постоянного расхода школьных средств на услуги лекаря по имени Саликс из Кайрая…

Сей день на заре

Печем мы хлеба.
В полдень у речки
Одежды стираем
И моем горшки.
Пока не померкнет свет дня,
Корзины плетем
И нижем браслеты охотникам.
С восходом луны
О наших мечтах говорим
И мертвым поем.
Затем засыпаем.
Затем видим сны.

Из «Круга Дней».
Перевод древних рун – Гермия Крили-Корбин

Открыв глаза и сделав первый вдох наутро после беседы с Декланом под луной, Найрн не думал об Оделет. Не думал о ней, натягивая сапоги. На кухне принял из ее рук миску овсянки так рассеянно, что удивил даже ее. Вид ее поднятых бровей, ее щек, вспыхнувших деликатным легким румянцем, проник в его мысли, блуждавшие где-то вдали, и он взглянул на нее в ответ

— недоуменно, словно человек, освобожденный от власти чар и теперь вспоминающий их, как милый, странный, меркнущий в памяти сон.

Нет, Найрн не освободился от чар — просто одни чары сменились другими.

Теперь неотвязно преследовавшие его слова складывались из палочек и означали тайны. Он выдыхал их с каждым вздохом, чертил на земле, выводил кончиком пальца на камне, когда бы ни коснулся его поверхности: «яйцо», «трава», «холм», «нож», «хлеб»… Они, как когда-то имя Оделет, горели перед мысленным взором неугасимым ярким огнем, питаемым неистощимым запасом топлива — сокрытыми в них силами. То, что крылось за прозаическими образами языка, могло таиться, дремать до поры внутри самого мироздания, будто жизнь в скорлупе яйца, будто семя под слоем земли. И передать слову огромную скрытую силу его истинного значения каким-то образом могла музыка. Но каким? Этого Деклан пока что не объяснял.

«Круг Дней» — так называл он свои столбцы древних слов. В самом деле, с виду они были скучны и банальны, как список хозяйственных дел на заре времен. Деклан показал ему «солнце» и «луну», «стирку», «стрелу», «короля», «сову»,

«рубаху», «крючок» и «рыбу», «иглу» и «глаз». Найрн даже не подозревал, кто еще из учеников принадлежит к потаенному кругу тех, кому посчастливилось учиться таким чудесам. Деклан сказал, что они узнают друг друга, когда будут готовы.

Как ни странно, отвлеченный от унизительной страсти этой новой, изумительной стороной учебы, так прочно занявшей все мысли, Найрн наконец-то научился разговаривать с Оделет. Все волшебство оставило ее, вселившись в иные вещи. Да, она все еще каждый миг привлекала его взгляд, а ее голос и музыка пленяли сердце — но, более неподвластный ее чарам, он смог как следует разглядеть ее, высокородную леди, ради музыки выучившуюся варить яйца и поддерживать огонь под котлом с чечевицей.

Теперь Найрн не спешил прокрасться сквозь кухню. Наоборот, он задерживался здесь дольше остальных: чтобы послушать ее, он резал морковь и лук, а после еды оставался чистить котлы. Благоговея перед ее храбростью — подумать только, отправиться одной в уединенную школу среди безлюдной равнины! — он задался вопросом, не привлекло ли сюда и ее нечто большее, чем музыка.

Однажды утром, когда она замешивала тесто, он начертал в рассыпанной по столу муке древнее слово — три палочки, которые она смахнула, даже не взглянув на них. Очевидно, она не принадлежала к тайному кругу избранных Декланом. Но нечто общее между ними имелось: оба они бежали из дому.

— У меня был конь, и я знала, куда направляюсь, — с легкой иронией заметила она. — А у тебя не было ничего, кроме собственных ног.

После ужина они вышли наружу, посидеть на склоне холма и поиграть друг другу песни Эстмера и Приграничий, она — на арфе, он — на свирели. Долгое лето шло к концу, листья дубов желтели. Где-то во тьме — быть может, внизу, у реки, — играл Деклан, подобно им, любуясь золотистой, как его глаза, полной луной, оторвавшейся от земли и устремившейся вверх. Казалось, огромное темное небо в полосах облаков засасывает, поглощает мешанину голосов и мелодий, доносящихся из-за стен позади.

— Когда ты так мал и сам не знаешь, на что решился, все куда проще, — ответил Найрн. — И погляди: чтобы прийти сюда, готовить для всех еду и спать на соломенном тюфяке, брошенном на пол, ты отказалась от богатства, от слуг, от

любящей семьи, от мягкой постели. А я оставил позади всего лишь сварливого отца с кулаком тяжелее железной лопаты, да братьев, что швыряли меня в свинарник, стоит только попасться им на глаза.

— Я ушла из дому за музыкой. Как и ты.

— За музыкой Деклана, — негромко, с ноткой затаенной горечи сказал он.

— Да. За всей ее красотой. Мы оба пришли, чтобы учиться у него.

Подняв взгляд, Найрн увидел ее глаза, полные яркого лунного света.

— Я не стремился к Деклану, — негромко сказал он. — Но в конце концов нашел его.

Оделет поплотнее закуталась в нарядный плащ, прячась от поднявшегося к ночи холодного ветра, рвущего желтые листья с ветвистых дубов.

— Я не питаю иллюзий насчет своего таланта, — просто сказала она. — Когда буду готова — вернусь домой, выйду замуж и научу детей тому, чему научилась здесь. Знаю, отец из-за меня рвет на себе волосы — мой брат Бервин дважды приезжал, чтобы сказать об этом. Все они за многое злы на меня, и не в последнюю очередь — за то, что предпочла их обществу общество придворного барда короля-самозванца. Но я тоже зла

на отца. Да, я знаю, он любит меня. А еще знаю, что сейчас сто́ю для него много дороже, чем когда-либо в будущем. Я будто сижу на чаше весов, а он каждый день глядит на них, взвешивая золото и подсчитывая имения, которые я принесу ему. Мать говорила, что он ничего не может с этим поделать — так уж устроены все отцы. Неважно, каковы они вначале, в один прекрасный день они помимо собственной воли будут смотреть на тебя и видеть только то, что за тебя можно выручить.

— Думаю, ты будешь очень дорога тому, кто искренне любит тебя, — рассудительно сказал Найрн.

Глаза Оделет сверкнули в темноте, обращенные к нему. В них чувствовался вопрос, но Найрн, всю жизнь потворствовавший собственным прихотям, в кои-то веки промолчал. Он понимал: путь к единственной надежде на счастье с ней долог и труден. Вдобавок, он знал, что Деклан не солгал ему по крайней мере в одном: он и понятия не имел, что значит слово «любовь».

Однажды, поздней ночью, когда почти все ученики разошлись спать, он взял арфу и забрался с ней на вершину башни. Прислонившись спиной к зубчатой стене, он заиграл порывистому ветру, сверкающим ледяным звездам, уханью сов, шоро-

ху высохших листьев, поднятых ветром с земли и брошенных вверх, будто щедрый прощальный дар умиравшего лета. Играя, Найрн называл их по именам и вспоминал, представляя в уме, те палочки, что означали «сову», «лист», «ветер». Ярко пылая перед мысленным взором, они не звучали — ведь больше никто на свете не знал, как их произнести. И сами они не желали откликнуться даже на звуки арфы, хотя Найрн умолял их об этом так страстно, так нежно, как только мог. Слова упорно оставались безгласными инструментами. Наконец он позволил арфе умолкнуть, напоследок тронув большим пальцем струну. Под ее затихающий звук — мягкий, рассеянный, точно удар медленно бьющегося сердца — он думал о том, как же услышать язык, на котором уж многие сотни лет говорят одни камни.

Вдруг по ту сторону крыши на фоне звезд возникла темная фигура. Найрн удивленно поднял брови и прижал струны пальцем, гадая, кого его музыка вызвала из ночной темноты, но тут же узнал высокого человека, закутанного в трепещущий на ветру плащ.

— Я услышал твою игру, — сказал Деклан, — и поднялся послушать. Ты не заметил.

— Я думал об этих словах, — немного помолчав,

сказал Найрн. — О том, как разбудить их. Как услышать.

— Знаю. Я слышал тебя.

Найрн удивленно воззрился на него сквозь темноту.

— Что ты еще умеешь, кроме того, — хриплым от неуверенности голосом заговорил он, — как подслушивать мысли и ослепить королевское войско туманом, чтобы воины короля сами перебили друг друга? Что еще нужно уметь, чтоб стать придворным бардом в твоих землях?

— Намного больше, чем простенький вызов тумана, — неторопливо ответил Деклан. — Не настолько слепым и неопытным было войско Анстана. Я сделал все, что потребовалось: смутил умы, поднял призраков, воплотил воспоминания в реальность… Умело и храбро дрались они, эти воины. Не только ваша сторона понесла потери. Но ныне в Бельдене мир. Вряд ли от барда короля Оро вскоре попросят чего-то подобного. Бард, сменивший меня при его дворе, — превосходный музыкант, но в остальном не слишком-то сведущ. Мы надеемся, что теперь, когда Бельден объединен и все помыслы короля Оро устремлены к миру, ему это и не потребуется. В мирное время придворный бард открывает ворота королевского

двора перед прекраснейшей музыкой и лучшими музыкантами, а к прочим искусствам прибегает лишь ради поддержания мира.

Найрн хранил молчание, стараясь услышать то, о чем Деклан умалчивает, то, что кроется под поверхностью его слов, но, наконец, сдался. Старый бард был слишком хитер, а сам Найрн слишком невежественен, чтобы разглядеть хоть что-то, кроме ростков амбиций, проклюнувшихся в сердце.

Наконец он сбивчиво заговорил:

— И, выучив эти простые слова, можно…

— Да, — со страстной убежденностью в голосе ответил старый бард. — Да. Их сила откроет тебе путь ко двору короля Оро. Корни языка, что ты постигаешь, уходят в его родную землю, а сила рождена здесь. Здесь ей и место. И ты будешь использовать ее при дворе так, как почтешь за лучшее.

— Но отчего ты думаешь…

— Я не думаю. Я знаю. Ты сам не ведаешь собственной силы, но даже король Оро, кое-что смыслящий в этой области, смог оценить твои задатки. В тот день, после битвы, мы позволили тебе бежать, потому что я знал: ты сам найдешь ко мне путь. Сила себя показывает — даже в тех,

кто о ней и не подозревает. Вот ты и почувствовал, что я могу дать тебе многое другое, кроме музыки.

Найрн снова утратил дар речи. Не находя ни единого довода, он лишь молча дивился тому, куда завел его путь, начавшийся в загоне для свиней. Вместо него подала голос арфа: палец снова задумчиво тронул струну. Когда же он наконец поднял взгляд, Деклан исчез.

Зимние ветры завыли над равниной, раздели ее догола. Казалось, каменные домики у темной ленивой реки жмутся друг к другу в снегу среди обнаженных деревьев. Деклан сказал, что его старые кости чувствуют близость суровой поры, опустошил школьную казну, превратив дары короля в запасы провизии и дров, и приготовился к осаде. Мир с каждым днем уменьшался, съеживался, теснее и теснее сжимал кольцо горизонтов. Дни начинались и заканчивались в темноте. Носы текли, нервы натягивались, терпение истощалось. Влюбленные ссорились с утра до вечера, а ночью вновь жались друг к другу, чтобы согреться. Казалось, на свете не осталось ничего, кроме безмолвных снежных просторов огромной равнины, окружившей крохотный островок на вершине холма подобно навеки за-

стывшему морю.

Зорким глазом влюбленного примечая причуды изменчивых, удивительных настроений зимы, Найрн учился писать ее древние слова: «огонь» и «лед», «дыхание» и «смерть», «тьма», «ночь», «конец». Полная луна сияла среди студеных звезд так ясно, что и сама по себе казалась Найрну огромным далеким словом, безмолвно хранящим тайну, каким-то образом связанную со столбцами значков, что день ото дня росли на бумаге под скрип его пера. В его голове скольжение лунных лучей над мертвенно-белой равниной становилось музыкой, и он играл ее луне в ответ, облекая в звуки слепящее сияние снегов.

Однажды утром, явившись на кухню, он обнаружил там вместо рослой спокойной красавицы, помешивающей овсянку, смуглую, хрупкую с виду незнакомку с копной нечесаных волос на голове и неожиданно светлыми серыми глазами, сверкнувшими ему навстречу из-под ровных черных бровей. Ни слова не говоря, она быстро наполнила его миску.

— А где Оделет? — спросил он, тут же, не садясь (привычка, обретенная с тех пор, как они с Оделет стали друзьями), принявшись за еду.

— Наверху, — таков был лаконичный ответ,

означавший: «в комнате с огромным очагом и столами, где завтракают все благовоспитанные ученики».

— А ты кто?

— Я — Мэр, — ответила она, принявшись весьма энергично шуровать кочергой под котлом. Вялое пламя взбодрилось, охватив все поленья, до которых смогло дотянуться. — Внучка Саликс. Она прислала меня на подмогу.

Найрн кивнул. Оделет, выросшая в мягком климате восточного Бельдена, сильно страдала от холода, не первую неделю ходила с покрасневшими ноздрями и веками, а ее кашель по ночам стал похож на кваканье жабы.

— Хорошо. А готовить ты умеешь?

Мэр едва заметно улыбнулась, будто ее спросили, умеет ли она чистить рыбу, доить коров, ощипывать кур или делать еще что-нибудь из сотни дел, известных любому идиоту.

— Умею, — ответила она.

Рассеянно жуя, Найрн наблюдал, как ком теста, вынутый из квашни и брошенный на стол, присыпанный мукой, становится в ее пальцах круглым и пухлым, будто подушка. Затем она коснулась теста ножом, слегка надрезала каравай поперек, от края к краю, а по бокам от длинной черты про-

вела еще две, покороче. Три линии… три палочки древнего знака, означавшего «хлеб»!

— Ты знаешь, что это значит? — резко спросил Найрн. — Вот эти линии?

Чуть поразмыслив, Мэр подняла на него удивленный взгляд.

— Бабушка всегда так делает, — объяснила она. — Для меня они означают «хлеб».

«Какие же еще волшебные слова могли дойти до нее, или до Саликс, из глубины веков?» — подумал Найрн. С тех пор он начал заглядывать на кухню, когда выдавалась свободная минутка, и помогать Мэр — таскать дрова, чистить котел, доставать воду из замерзшего колодца. И оставлять для нее послания — слова из палочек на запорошенном мукой столе, в лужицах подливы… Кое-какие она замечала и понимала, другие молча смахивала тряпкой. Найрн знал: проведав, как он разбрасывается секретами направо и налево, Деклан пришел бы в ужас. Но чего не знаешь, о том и не тревожишься, а узнать об этом старому барду было неоткуда.

— Откуда ты знаешь эти вещи? — спросила Мэр после того, как он начертил несколько палочек,

означающих «ива»[4], на поверхности масла в горшке. — Такими значками Саликс помечает свои горшочки и ящички. Я думала, это она только для себя, потому что писать не умеет.

— Они очень древние, — рассеянно ответил Найрн. Его мысли уже устремились вниз по склону холма, опережая тело. — Интересно откуда твоя бабушка знает их? Хотел бы я взглянуть на ее значки…

Прекратив резать груду морковки и пастернака, принесенную им из погреба, Мэр смахнула волосы со лба и просто ответила:

— Коли так, проводи меня домой, когда захочешь. Она не будет возражать.

Нож в руке Мэр вновь энергично застучал, с поразительной быстротой рубя морковку на ломтики. Найрн помолчал, не сводя с нее любопытного взгляда. Она не подняла глаз, когда отвечала, да и сейчас не смотрела на него, хотя, безусловно, чувствовала его неожиданное внимание. Что это? Еще одно послание на сложном языке тела? Или нет?

— Хорошо, — сказал он, выхватив ломтик морковки из-под ее ножа.

---

[4] Примечания: 4
Саликс (*англ.* Salix) — ива.

Так он и сделал несколько дней спустя, после ужина. Вечер выдался ясным. Звезды и месяц, нависшие над деревней, сверкали в черных водах Стирла, будто проплывающий мимо косяк серебристых рыб.

Саликс оказалась крепкой, дородной женщиной с пышными седыми кудрями и темными, будто черничины, глазами. В ее домике у реки непривычно пахло дымом, тухлыми яйцами и лавандой. Едва Найрн с Мэр ступили на порог, она рассмеялась и помешала варево в котле. Оба тут же отшатнулись назад, на мороз, утирая градом хлынувшие из глаз слезы, но свежий холодный воздух обжег горло огнем, не принося облегчения.

— Хорошая мазь для ран, — сказала Саликс. — Нынче утром Грэф Дикс промахнулся топором мимо колоды и едва ногу себе не отрубил. Готовлю ему большой горшок. А ты — Найрн, верно? Отпугивал волков от внучки по пути домой?

— Да, вроде того, — согласился Найрн.

— Он хотел поглядеть на твои горшки, ба, — сказала Мэр, развязывая плащ. — Он твои значки изучает.

Половник, помешивавший вязкое мерзкое варево в котле, ненадолго остановился.

— Вот оно как?

— Он говорит, все это — очень древние слова. Ты никогда об этом не рассказывала.

— А ты и не спрашивала. Это просто такие значки. Мне показала их моя бабка, — половник задвигался вновь. Глаза Саликс, устремленные на Найрна, выражали не больше, чем мрачный лик луны. — А вот кто это мог бы учить тебя? Уж конечно, не бард, явившийся сюда с этим варварским царьком? С чего бы ему вообще обращать внимание на этакое давнее прошлое?

— Стоячие камни, — пояснил Найрн. — Он видел эти письмена на стоячих камнях по всем пяти королевствам, — глядя на Саликс, он вдруг почувствовал нечто, тянущееся от нее к нему сквозь сумрак и отсветы пламени. — Ты знаешь, — выдохнул он, почти не слыша собственного голоса. — Ты знаешь, что они означают.

Лицо — казалось, окостеневшее так, что над ним не властно само время — смягчилось, озарившись отблеском воспоминаний.

— Может быть. Может, когда-то и знала. Однажды, в твои примерно годы, я мельком увидела в них то… То, что они значат на самом деле, кроме известных всем слов. Но бабка умерла, а больше научить меня было некому.

— Но что же они такое, если не то, что они означают? — недоуменно спросила Мэр. — Я и не знала, что они могут означать хоть что-то, кроме того, как называла их ты — «живокость», «мандрагора» и прочее…

— Да, сейчас эти древние слова не значат для меня больше ничего, — сказала Саликс, раздругой помешав половником в котле и вновь подняв взгляд на Найрна. — Я чувствую их в тебе, — негромко, с легкой улыбкой добавила она. — Они хотят говорить, просятся наружу. Ну, не чудно ли?

— Так и есть, — почти беззвучно выдохнул Найрн. — Но как мне…

— Не знаю. Но этот бард — он знает, иначе бы не учил тебя им, — подняв половник, она постучала им о край котла. — Хорошо это или плохо? Тоже не знаю. Узнаешь — загляни в гости, расскажи.

Найрн молча кивнул в ответ.

— А теперь ступай-ка лучше обратно наверх. Сегодня многие звери вышли охотиться под луной. Хотя, — усмехнулась она, — учуяв дух моего зелья, они обойдут тебя десятой дорогой. Мэр, дай ему в дорогу огонька, чтоб освещать путь.

Мэр выскользнула вместе с Найрном наружу — глотнуть свежего воздуха, как сказала она, подав

ему факел. Но хрусткий морозный воздух меж ними заговорил, а следом сказала свое слово ее улыбка в отсветах пламени. Склоняясь к ней для поцелуя, Найрн размышлял о том, какой знак из палочек мог бы выйти из этого чудесного слова.

Взобравшись на холм, он увидел, что снег перед школой взрыхлен колесами кареты и копытами коней. Просторная комната, используемая учениками для занятий и трапез, оказалась полна богатых путников с охраной, отогревавшихся и сушившихся у очага. Один из них, юноша, грацией и цветом лица удивительно похожий на Оделет, о чем-то заговорил, обращаясь к Деклану. Ученики, собравшиеся вокруг, заиграли тише, чтоб тоже послушать новости. Снимая плащ, Найрн увидел выходящую из спальни Оделет, с головы до пят закутанную в огромный килт, и тут же понял, зачем явились сюда эти люди.

— Я посылал за братом Оделет, — объяснил ученикам Деклан. — Она очень ослабла здоровьем и нуждается в домашней заботе.

В усталой улыбке на лице Оделет, бледном, как яичная скорлупа, если не считать покрасневшего носа, чувствовалась искренняя благодарность. Скрепя сердце, Найрн распрощался с ней на следующий же день: отряд придворных, стражи и

охотников хотел пересечь равнину до возвращения вьюг.

— Быть может, однажды ты приедешь поиграть в Эстмер, — сказала ему Оделет. — Я очень надеюсь на это.

Найрн молча глядел в ее прелестное лицо и чувствовал внезапную тяжесть на сердце, обремененном непосильным грузом стремлений, намерений и надежд. В этот миг он видел себя на прекрасном белом коне, рядом с королем Оро, под звуки труб подъезжающим к распахнутым воротам замка ее отца.

— Я приеду, — хрипло ответил он, не сводя глаз с бесформенной груды мехов, поднимающейся в роскошную, снабженную всеми удобствами карету при помощи двух придворных дам.

Между тем кортеж обступили ученики. Под прощальные трели пары свирелей брат Оделет осадил коня рядом с Декланом.

— Благодарю вас, — сказал он. — Пожалуй, в любом другом случае она ни за что не согласилась бы вернуться домой.

Он сделал паузу, встряхнул головой, точно норовистый конь, и добавил:

— Совсем забыл. Мне поручено передать вам весть от короля Оро — сейчас он гостит у отца.

К несчастью, барда, сменившего вас при дворе, постигла безвременная смерть, и король пожелал, чтобы вы подыскали ему нового барда, — он вновь умолк, щурясь на скудное зимнее солнце и медленно извлекая из памяти слова. — Король велел передать: вы знаете, что ему требуется, и он готов проявить терпение. Этому барду предстоит прославить новое королевство Бельден, и король целиком полагается на вас — на то, что вы сможете выбрать достойного.

С этим он поднял руку в прощальном жесте, крикнул кучеру на козлах кареты: «Трогай!» — и поскакал прочь, оставив старого барда в снегу неподвижным, будто стоячий камень, и еще более безмолвным.

Глава девятая

Изображенное на диске лицо принцесса Беатрис обнаружила в отцовском собрании древностей. Оно нашлось под стеклом палисандровой витрины, на сей раз — на странице раскрытой книги. Читать на этом языке принцесса не умела: текст сплошь состоял из рун, больше всего похожих на следы куриных лап, видимо, изначально вырезанных на камне и понятных только немногим избранным, хранившим их тайны. Тот, кто скопировал их, зарисовал и диск — заключенное в круг лицо под капюшоном, клювастый профиль, размытые временем черты… Эта самая книга, открытая на этой самой странице, лежала здесь многие годы. Должно быть, мимолетный взгляд принцессы скользил по ней сотни раз, пока изображение не отпечаталось в памяти, встрепенувшейся и пробудившейся от дремы, когда лопата Каррена извлекла этот профиль на свет со дна раскопа.

«Но кто же это? — думала Беатрис. — Или это неважно? Может, дело только в узнавании символа посвященными?»

Она позвонила в маленький колокольчик, висевший на темной дубовой стене коридора, вызывая хранителя, и вскоре тот вышел из таинственного лабиринта кабинетов, мастерских и хранилищ. Был он высок, грузен, одевался неизменно в черное. При виде Беатрис важность и легкое раздражение тут же исчезли с его лица.

— Принцесса! — с улыбкой воскликнул он.

— Доброе утро, мэтр Берли.

Он был в этом коридоре всегда, сколько принцесса себя помнила, и почти не изменился на ее памяти — густобровый, лысый, как шар со спинки кровати, даже в те ранние годы, когда ей, чтоб заглянуть в витрину, приходилось подниматься на цыпочки.

— Вижу, вы зашли по пути на работу?

— Да, — весело подтвердила принцесса. Ее одежда для раскопок приводила мать в ужас, и посему Беатрис, облачившись в комбинезон и башмаки, обычно старалась поскорее выскользнуть из замка сквозь ближайшую дверь. Но этим утром она, повинуясь внезапному порыву, пошла в обход: отец, занятый делами и приемом гостей, наверняка еще не имел времени углубиться в решение этой загадки. — Интересно, не сможете ли вы рассказать что-нибудь об этом лице?

Мэтр Берли последовал за ней мимо безукоризненно чистых, мягко освещенных, просторно размещенных в витринах и на стенах трофеев, отвоеванных у истории, — ларцов и оружия, украшенных драгоценными камнями, свирелей и арф, монет и одежд, аляповатых резных кубков и блюд — к витрине в углу.

— О-о, — негромко сказал он, взглянув на профиль.

— Что бы могло значить ваше «о-о»? Мэтр Кле, увидев его, расхохотался... Что могло его так насмешить?

— В самом деле? Я и не знал, что он умеет смеяться. Данное лицо — вернее, то, что от него осталось — появляется то там, то сям на протяжении сотен лет: вначале на этом странном металлическом диске или монете, затем на печати, изображенной на фронтисписе этой книги, и даже вычеканенным на гарде вот этого меча, — говоря, он двигался, ведя принцессу от витрины к витрине, от столетия к столетию. — А здесь мы можем наблюдать его даже вырезанным на этой изящной камее. Таким образом, мы должны признать: это лицо наводит на мысли о множестве разных вещей — тайне, учености, войне, любви, власти.

— Обо всем этом… — завороженно проговорила принцесса. — Но, мэтр Берли, кто же это такой?

— Никто, — куда беспечнее, чем можно было ожидать, ответил мэтр Берли. Видимо, он привык жить, смирившись с этой загадкой. — Ученые высказывали самые различные предположения, но соглашаются только в одном: видимо, в данном случае важна не личность — и человек, изображенный здесь, и художник умерли сотни лет назад, — а символ. Узнавание.

— Узнавание чего? — настойчиво спросила принцесса.

— Это нам также неизвестно, принцесса. Возможно, знающих этот язык. Или посвященных в скрытые в нем секреты.

— То есть, если узнаешь лицо, ты — тот, кому известны эти секреты?

— Грубо говоря, да, — согласился хранитель.

— Тогда что же говорит этот тайный язык? Не сомневаюсь, кто-нибудь уже сделал перевод.

— Да, — кивнул хранитель. — И не один.

— И?

— Э-э… — мэтр Берли озадаченно провел ладонью по гладкой лысине. — Ученые сошлись на общепринятом названии этого текста — «Круг Дней». Судя по всему, это некий дневник, журнал

повседневной жизни ранних обитателей этих земель. Стряпня, сев, изготовление каменных наконечников для стрел, шитье и стирка одежды…

— Стирка? — не веря своим ушам, переспросила принцесса.

— Да. И тому подобные повседневные заботы.

— Но кто станет вести дневник о стирке, когда записи нужно выцарапывать на коре, а то и высекать на камне?

— Этот вопрос не раз возникал в ходе научных дискуссий.

— Значит, секреты кроются в стирке, — внезапно догадалась принцесса. — Стряпня, сев — все эти слова означают нечто другое. Тайное.

— Именно так, принцесса, — кивнул мэтр Берли. — И тут мы заходим в тупик. Останавливаемся у порога тайны, не имея ни единого намека на то, что они могут означать.

Поразмыслив над этим, принцесса неохотно, вымученно улыбнулась.

— Думаю, поэтому мэтр Кле и смеялся. Он узнал лицо непостижимого. Значит, исследования зашли в тупик…

— Пока не родится ученый, который сумеет понять загадки, сопряженные с примитивными способами стирки, дальше нам действительно не

продвинуться.

— В высшей степени странно, — принцесса помедлила. Ей очень не хотелось сдаваться, но больше искать ответ было негде. — Что ж… Благодарю вас, мэтр Берли. Отец, вероятно, придет к вам с тем же вопросом. Конечно, я передам ему то, что вы рассказали, но он наверняка решит, что либо я, либо вы, либо многие поколения ученых что-то упустили…

Внезапно двери распахнулись, и — вот он, легок на помине! В зал быстрым шагом вошел король в сопровождении гостей: лорда Гризхолда с супругой, леди Петрус, множества придворных, пожилых кузенов и кузин, которых Беатрис даже не помнила по именам, и рослого темноглазого человека — барда лорда Гризхолда, несомненно, явившегося взглянуть на старинные инструменты. «А вот и я, — внезапно вспомнилось принцессе, — одетая как каменщик, в не стиранный со вчерашнего дня комбинезон, напоказ всему свету…»

Смех и порыв спрятаться в одном из шкафов мэтра Берли пришлось подавить. Прятаться все равно было поздно. Отец увидел над витринами ее лицо, а подойдя ближе, и все остальное, но даже не изменился в лице. Скорее всего, он,

обладавший весьма широкими взглядами на необычные экспонаты, даже не заметил ее костюма. А вот леди Петрус заметила, да еще как — ее крашеные брови едва не спрыгнули со лба.

— Дорогая, — сказала она, мужественно чмокнув губами воздух над щекой Беатрис, — как необычно ты выглядишь!

— В самом деле? Я просто как раз отправляюсь копать.

— Копать… Да.

— У моей дочери необычные интересы, — поспешно заговорил король. — Она сама садится за руль, пересекает Стирл и большую часть дня пропадает под землей, а после возвращается домой — если нам посчастливится, с забытыми осколками самой истории. Вроде этого! — он выставил на всеобщее обозрение принесенный с собой медный диск. Пожилые кузены и кузины зашушукались. Лорд Гризхолд подался вперед, чтобы лучше видеть. — Твой дядя, — пояснил король для Беатрис, — тоже заинтересовался стариной.

— Да, пахари в моих полях постоянно откапывают разные разности, — пробормотал лорд.

Его бард тоже надолго задержал взгляд на диске, и Беатрис обнаружила, что, в свою очередь, надолго задержала взгляд на нем. Она не смогла

бы так сразу сказать, каков он — необычайно красив или просто неотразим. Казалось, он занимает куда больше места, чем ему требуется. «Возможно, — подумала она, — в каком-то смысле он обитает во всем своем большом, ширококостном теле — даже в тех его уголках, о которых другие и не подозревают». Даже его длинные волосы, распущенные по последней принятой среди музыкантов моде, словно бы излучали черный свет, как шкура хорошо вычищенной лошади.

Бард вскинул голову и встретился с ней взглядом. Его глаза сияли тем же черным внутренним светом. На миг принцессе почудилось, что этот свет струится в ее глаза. В этот миг полный жизни юноша будто бы сделался неосязаемым, как воздух, как время, словно он стал всего лишь маской какого-то безымянного древнего осколка прошлого, проникшего под кров ее отца. Принцесса была привычна к виду древних вещей, и что-то в ее душе узнало в этом человеке одну из них.

Моргнув, она освободилась от наваждения, перевела дух и вновь увидела его неотразимое лицо и мрачное любопытство в устремленных на нее глазах. Кровь закипела в ее жилах, и она почувствовала, что неудержимо краснеет — от ключиц до лба. Она с трудом отвела взгляд в сторону, но и

после этого чувствовала на себе его глаза.

Однако, может быть, это ей просто почудилось: вновь подняв взгляд, она увидела, что бард смотрит на отца, говорящего хранителю коллекции:

— Да, Беатрис, как она вам и сказала, принесла нам загадку. Вот что нашлось в раскопе.

«Как же зовут этого барда?» — меж тем вспоминала она. Официально он еще не выступал при дворе, хотя накануне вечером Беатрис слышала негромкие звуки арфы с галереи для менестрелей. Она знала: он будет выступать сегодня, за ужином в честь лорда Гризхолда.

— Беатрис?

Все вокруг смотрели на нее. Почувствовав, что снова краснеет, Беатрис виновато улыбнулась.

— Извини, отец, я… Я задумалась, — она сделала шаг назад. — Мне пора. Уже отлив, и остальные ждут, когда я приеду подобрать их.

— Подожди, подожди, — со смехом сказал отец. — Прежде, чем убежать, расскажи нам, где это было найдено.

— О… За Докерским мостом, среди стоячих камней у берега реки.

— В самом деле? Что же могло вдохновить мэтра Кле на исследование этих развалин?

— Отец, никто не знает, что вдохновляет мэтра

Кле.

— Да, это так. Что ж, если должна идти, значит, должна. И постарайся откопать что-нибудь настолько же удивительное, чтобы показать нам всем за ужином.

— Хорошо, отец.

Быть может, она снова почувствовала на себе взгляд барда, отворяя дверь, а может, это ее собственное влечение заставило ее оглянуться перед тем, как переступить порог. Да, он действительно смотрел ей вслед, и на его лице явственно отражалось то же удивление и интерес, что и на лице Беатрис.

Весь день она ломала голову над этим широким точеным лицом, странным образом излучавшим энергию одновременно с тайной. В нем чувствовалось нечто дикое. Нет, не то чтобы дикое — ничего звериного, возможно, всего лишь намек на непредсказуемость, вполне подходящую барду из мрачных и грубых гризхолдских земель. Должно быть, он собирал свою музыку везде, где бы ее ни услышал, среди высших и низших сословий, в палатах и в хижинах. Может быть… Это лицо то и дело появлялось между ее глазами и кистью, между ее глазами и маленькой киркой, пока они с Кэмпионом двигались вдоль края камен-

ной кладки, выступавшего из-под слежавшейся земли. Время от времени Кэмпион принимался насвистывать, а порой задавал вопросы о диске, и она отвечала, почти не слыша собственных слов.

К концу дня она услышала его вскрик, обернулась и с удивлением увидела, что он, выронив кисть, протирает глаза.

— Миледи, — пожаловался он, смеясь и в то же время шмыгая носом, запорошенным пылью, — вы соблаговолили пожаловать меня целой тучей пыли прямо в лицо!

— Прости, — воскликнула Беатрис, шаря в карманах в поисках платка. — Вот, возьми…

— Не могу же я сморкаться в вензель династии Певереллов!

— Еще как можешь. Я всю жизнь это делаю.

Несмотря на свои возражения, он с великим энтузиазмом высморкался, протер слезящиеся глаза, подобрал кисть и бросил на Беатрис хитрый взгляд.

— Ты уже не первый час ничего не слышишь и даже не замечаешь. Уж не влюбилась ли?

Принцесса удивленно уставилась на него.

— Как я могла влюбиться, — будто со стороны услышала она собственные слова, — если увидела его только сегодня утром?

Веселье, извергшееся из глубин ямы, переполошило бы и самых закаленных обитателей этих руин. «Если бы, — с легкой горечью подумала принцесса, — здесь обитал хоть кто-то, кроме мэтра Кле».

— Кельда, — сказала леди Энн тем же вечером, помогая принцессе одеться к ужину. — Этого барда зовут Кельда.

Беатрис, уже четверть часа мучившаяся, стараясь подвести разговор к музыканту, мысленно вздохнула с облегчением.

— Странное имя.

— Да уж, могу вообразить. Должно быть, какая-то замшелая древность из гризхолдской истории, — согласилась леди Энн, прикладывая к зеленому атласному вороту платья принцессы сначала сапфиры, затем янтарь. — Однако я весь день только о нем и слышу.

— Вот как? — спросила Беатрис, пристально вглядываясь в ее отражение в зеркале.

— Кто о нем только ни спрашивал! Все фрейлины королевы и большинство ваших внезапно прониклись интересом к игре на арфе и наведываются на галерею менестрелей брать уроки.

— О-о… — Пав духом, принцесса окинула взглядом собственное опрятное, прилизанное отраже-

ние, затем изучила утонченное, неприступное лицо Энн, изящный вырез ее ноздрей… — Но, как я понимаю, не вы?

— На мой вкус, принцесса, он слишком, слишком неотесан. Всю жизнь провел в гризхолдском захолустье, и вдобавок похож на пони. Норовистого, надо заметить, — она приложила к шее Беатрис вычурное, кошмарно аляповатое колье из целых глыб аметиста, перевитых золотыми розами, словно сама того не замечая. — Хотя… Что-нибудь кроме этой грубой сермяги, пара приличных сапог, хорошая стрижка, и он, вероятно, вполне мог бы… Особенно при таких плечах…

К удивлению Беатрис, заметив ее ясный, испытующий взгляд, фрейлина прямо-таки покраснела: ее щеки подернулись легким румянцем цвета увядшей розы, как на старинных портретах.

— Прошу прощения, принцесса, я отвлеклась, — сказала она, поспешно убирая колье. — Конечно, это совершенно не подойдет.

— Действительно.

— Хуже, чем тот медальон. Кстати, вам удалось узнать, что он такое?

— И да, и нет. Когда-то он означал очень многое, а теперь ни для кого не значит ничего.

— Чем-то похоже на…

Фрейлина слегка запнулась, обдумывая предмет разговора.

— Да. Чем-то похоже на любовь. Я думаю, сапфиры.

— Полагаю, вы правы. Их цвет скрадывает бледно-зеленый цвет платья и выгодно подчеркивает ваши глаза.

— И все-таки чем он всех так очаровал? — задумчиво сказала Беатрис. — Нарочно он этого добивается, или все получается само собой?

— Пока не знаю, — медленно ответила леди Энн, застегивая цепочку и укладывая нити золота и темно-синих искристых камней на плечи Беатрис. — Но осмелюсь заметить, принцесса: выяснение может потребовать куда больше хлопот и волнений, чем он заслуживает.

Позже, размышляя над всеми волнениями и хлопотами этого вечера, Беатрис смогла оценить проницательность своей фрейлины по достоинству.

Все началось вполне предсказуемо. Перед ужином разодетые гости собрались в длинном вестибюле, чтобы приветствовать лорда Гризхолда и его семейство. Были откупорены бутылки, за подносами сверкающего хрусталя сквозь лабиринт толпы последовали блюда закусок

— подлинных произведений кулинарного искусства. С галереи менестрелей под сводами зала радушно зазвучали скрипки и флейты, вплетая свои голоса в разговоры внизу. Шум нарастал, к общему хору присоединялись голоса новых и новых гостей. Прогуливаясь в толпе, приветственно кивая направо и налево, Беатрис к собственному удивлению обнаружила, что взгляд ее блуждает по сторонам в поисках юного выразительного лица, привлекшего ее внимание утром. Почувствовав, что краснеет, она решительно обратила слух и взгляд к собеседнице. Ею оказалась нареченная брата, дюйм за дюймом описывавшая кружева, канты, жемчужное шитье и рюши на рукавах своего свадебного платья.

Кивая и улыбаясь в ответ, Беатрис оставила ее, как только это позволили правила хорошего тона, и снова двинулась сквозь толпу. Вскоре ей на глаза попалась чья-то темная голова, но это оказался вовсе не молодой бард, а Иона Кле, стоявший у края толпы гостей с бокалом в руке. Как ни странно, рядом стоял и его сын, обычно старавшийся держаться подальше от отца, оказавшись с ним в одной комнате. Что еще удивительнее, они о чем-то разговаривали — по крайней мере, пока Фелан, увидев кого-то в толпе, не скрылся

среди гостей.

Вспомнив о лице под капюшоном, обнаруженном на самых разных экспонатах из отцовской коллекции, Беатрис изобразила на лице лучезарнейшую из улыбок, притворилась глухой и направилась к редеющему краю толпы.

— Добрый вечер, мэтр Кле.

Раздраженное выражение на лице старого барда ничуть не изменилось, но при виде принцессы он моргнул.

— Принцесса? Вы поразительно хорошо отмыты.

— Да, не правда ли? Я хотела поговорить с вами о том диске. Сегодня утром я консультировалась с мэтром Берли, и он показал мне изображения того же лица под капюшоном на нескольких совершенно разных экспонатах, относящихся к совершенно разным столетиям. По его словам, оно означает какую-то тайну, но никому не известно, какую именно. Возможно, вы сможете что-то добавить?

Внезапно взгляд Ионы, устремленный на нее из-под тяжелых век, застыл и потемнел, словно его внимание привлекло нечто, незаметно появившееся за ее спиной. Скосив глаза, принцесса заметила позади еще одну темную фигуру

и быстро обернулась. Да, это был он, бард лорда Гризхолда — как обычно, весь в черном, с улыбкой на лице.

— Принцесса Беатрис, — сказал он, склонив перед ней голову. Казалось, его глубокий бархатный голос находит отклик в ее костях, заставляя их гудеть, как струны арфы. — Мэтр Кле. Мы не знакомы, но сегодня утром я имел счастье видеть в коллекции короля множество ваших находок. Если не ошибаюсь, вы также учились и в школе бардов на холме?

Молчание Ионы тянулось целую вечность.

— Некогда, — наконец ответил он, так сухо, что Беатрис почудилось, будто его слово рассыпается в воздухе облачком пыли.

Тогда бард снова повернулся к ней. Он внушал ей странное ощущение: принцесса, несмотря на высокий рост, в который раз почувствовала свое сходство с птицей, только не с аистом, как обычно, а с ласточкой, которую он легко мог бы подхватить и унести на ладони. Слыша его голос и чувствуя, как теплеет кожа под сапфирами, она вновь ощутила в нем странное, интригующее, режущее глаз соседство древней тайны и юной силы.

— Принцесса, меня зовут Кельда. Это — имя

старинного рода гризхолдских крестьян-арендаторов. Отец надеялся, что и я стану одним из них, но то и дело заставал меня сидящим на ограде свиного загона и поющим свиньям после того, как покормлю их.

— Очаровательно, — буркнул Иона одному из галереи предков на стенах.

— Что ж, — скорбно улыбнулся бард, — мы, гризхолдцы, народ прямой. Я выучил свои баллады в суровых краях, где люди до сих пор поют древнейшие из песен нашей страны. Увидев, как вы были одеты утром, я подумал, что вы можете кое-что знать о земле.

— Да, — слегка удивленно ответила принцесса, — это так. В своей второй жизни я занимаюсь раскопками. Ищу в земле старинные вещи для мэтра Кле.

— Простите мое невежество, но не слишком ли необычно это занятие для дочери короля?

— Пожалуй, да. Если судить по старым балладам, вполне можно подумать, что все мы сидим взаперти, вышиваем гладью и ждем, когда у нашей двери — вернее, у дверей — остановит коня избранник сердца…

Чувствуя, как под его улыбчивым взглядом начинает заплетаться язык, принцесса пожалела,

что не взяла с подноса бокал шампанского, за которым могла бы укрыться.

— Конечно, — с обезоруживающей откровенностью ответил он. — Что я мог узнать о принцессах в Гризхолде? Только сказки. Но отчего вы так любите старые вещи?

Принцесса вновь покраснела, как будто в этом вопросе было нечто интимное, и Кельда прекрасно об этом знал. Двусмысленность в его взгляде завораживала, не позволяя отвести глаза в сторону.

— Мне нравится, — медленно заговорила она, беспомощно вглядываясь в лицо барда, — искать… вернее, открывать… утраченное. Или, скорее, забытое. Складывать картины человеческих жизней из маленьких тайн, оставленных нам предками. Ведь основы нашего современного мира были заложены еще тогда, в далеком прошлом. Все равно что поиск начала сказки. Ты шаг за шагом идешь по сюжету назад, а оно раз за разом отодвигается, держась на шаг впереди, неизменно оставаясь древнее очередного кусочка мозаики в твоих руках, неизменно указывая за пределы известного.

Бард энергично закивал. Его распущенные волосы всколыхнулись волной, заиграли струй-

ками света.

— Это ведь то же, что чувствую я, наткнувшись на новую балладу! — воскликнул он. — Я начинаю искать, стараюсь расслышать ее прежний облик, найти места, где язык меняется, намекая на что-то в прошлом, где сюжет уходит еще дальше вспять!

— Да, — поспешно согласилась принцесса, заметив подошедшего Фелана.

Фелан, остановившийся рядом с бардом, уставился на нее, даже не замечая возникшего прямо перед ним подноса с вином. Иона без промедления взял себе бокал, и тут принцесса увидела его — сюжет, уходящий вспять, отблеск всеобъемлющего веселья на лице юного барда, едва заметный насмешливый прищур, странную осведомленность о том, кого он явно видел впервые. Забыв даже взять себе бокал, она застыла на месте с крайне неизящно отвисшей от изумления челюстью. Но тут Фелан поздоровался с ней, и Беатрис поспешила захлопнуть рот.

— Принцесса Беатрис, — сказал он, глядя на нее с таким простодушным изумлением, что она едва не расцеловала его. — Вы будто вышли из старой волшебной сказки.

— Позволь угадать, — сбивчиво забормотала

она, воспользовавшись поводом отвести испуганный взгляд от барда. — Из той самой, о девице, днем выгребавшей золу из очагов, а при свете луны танцевавшей с принцем?

Фелан с улыбкой кивнул.

— В лунном сиянье она восстает из пепла, подобно фениксу. Пожалуй, эта сказка подойдет, как ни далек я был от мыслей о золе и пепле.

Слушая Фелана, Беатрис чувствовала темный взгляд барда, устремленный на нее. Сквозь шум толпы она каким-то чудом услышала его вдох: он подбирал слова, чтобы заговорить, заставить ее взглянуть на него. Но голос барда был смят другим — глубоким, жизнерадостным, привыкшим приковывать внимание и подавлять соперников.

— О-о, превосходно! Вот вы где, мэтр Кельда! Я хотел бы представить вам Зою Рен, чей голос вы сегодня услышите. Молодой бард из нашей школы, почти закончила учебу. Конечно, все мы также с нетерпением ждем и вашего выступления.

Кеннел, бессменный и неподражаемый придворный бард короля, ослепительно улыбнулся собравшимся. Его седые волосы торчали над головой, будто хохолок жаворонка. Зоя, в ниспадающих с плеч шелках цвета сумерек, с обычной

куртуазностью приветствовала принцессу, а после перевела проницательный, любезный взгляд на барда. Как ни странно, она казалась абсолютно неуязвимой для его чар.

— Мэтр Кельда, — оживленно заговорила она сильным, мелодичным голосом. — Мне просто не терпится послушать вас. Не сомневаюсь, вы сотворите в этом зале настоящее волшебство.

При этих словах Иона Кле отчего-то фыркнул в бокал с вином. Кельда взглянул на Зою с интересом, точно на существо иного, незнакомого вида.

— Я слышал ваш голос, — заметил он. — Отчетливо и ясно, когда мы прибыли. Он был, как говорит мэтр Кеннел, изумителен.

— Пожалуй, да, — жизнерадостно улыбнулась Зоя.

Поднесенное блюдо крохотных пирожков-расстегайчиков в виде раковин гребешков с устрицей и черными жемчужинами икры внутри было оставлено без внимания всеми, кроме Беатрис, у которой в минуты подспудных страхов всегда разыгрывался аппетит, и Кеннела, проглотившего целую горсть даров моря, чтобы тут же вновь ввергнуть окружающих в пучины своего обаяния.

— Скажите, мэтр Кельда, часто ли вы покидали

пределы Гризхолда? По-моему, прежде нам не случалось видеть вас при дворе короля Люциана. Да и при дворе его отца — хотя в те времена вы, должно быть, еще не завершили обучения. Я здесь, при дворе, так давно, что уже утратил счет годам.

Кельда покачал головой, что вызвало новый странный звук со стороны Ионы.

— Я редко путешествую. И, кстати, никогда не учился и даже не бывал в Школе-на-Холме.

— Если так, вы должны ее посетить!

— Да. Завтра. Я уже получил приглашение мэтров, и лорду Гризхолду не понадоблюсь. Но, мэтр Кеннел, вы ведь играли в этом замке даже не перед двумя, а перед тремя королями, включая деда короля Люциана.

— О, да — я стал придворным бардом перед самой его смертью. Удивлен, что вы помните об этом. Я и сам позабыл.

— Мы, гризхолдцы, жадны до новостей из Кайрая. Они согревают нас долгими зимними вечерами. Я преклоняюсь перед вашей жизненной силой, перед вашим мастерством музыканта. Вы занимаете эту должность так давно, что, конечно же, время от времени чувствуете соблазн уступить столь трудные обязанности барду по-

моложе?

— Никогда, — самодовольно ответил Кеннел. — Моему голосу и пальцам позавидует любой из молодых, память моя отточена неустанными упражнениями в Школе-на-Холме… Играя, я забываю о собственной старости!

— Вы заставляете всех нас забыть о ней, — пробормотал Фелан, с неодобрением покосившись на заезжего барда, повернувшего светскую беседу в столь сомнительное русло, и это привлекло внимание Кельды к нему.

— Если не ошибаюсь, вы тоже из Школы-на-Холме?

— Да, — с той же сухостью, что и Иона, ответил Фелан. — Но я лишен амбиций и не имею ни малейшего желания занять место Кеннела. Кеннел — великий бард, образец для всех нас, и я могу пожелать ему лишь одного — играть при дворе Певереллов, пока он сам того хочет.

— То есть, — с улыбкой добавил Кеннел, — до тех пор, пока не сделаю последний вдох в паузе меж строк, и мой последний неспетый куплет не останется среди этих древних стен навеки.

— Восхитительно, — восторженно сказал Кельда, останавливая поднос с маленькими рыбками из лососевого паштета с каперсами вместо глаз,

выложенными поверх треугольных гренков. — Ваш пример всем нам может служить наукой.

— Видите ли, — учтиво начал Кеннел, сделав паузу, чтобы отправить гренок в рот, прежде чем продолжить.

Глотнув, он вновь сделал паузу, снова глотнул…

Поедая рыбку из паштета, Беатрис увидела, как его лицо приобрело оттенок хорошо прожаренного лосося, затем — сырой говядины, и едва не поперхнулась сама. Иона резко сказал что-то Кеннелу, внезапно навалившемуся всей тяжестью на изумленную Зою. Несмотря на все усилия, у нее не получилось удержать старика. Он заскользил вниз, и тут Иона, вскинув руку, с силой ударил старого барда локтем под ребра. Вино, выплеснувшееся из бокала Ионы, залило Кеннела с головы до ног и щедро окропило рыбку из лососевого паштета, вылетевшую из его горла, точно последнее слово в разговоре, за миг до того, как старый бард осел на пол у ног Беатрис.

Глава десятая

Принимая во внимание таинственную природу талантов барда, прославлявшего двор короля Оро и неизменно занимавшего место по правую руку от него на советах, король поставил перед Декланом задачу отнюдь не из легких. В первый раз Деклан выбрал себе на смену того, кого знал и кому доверял — искусного музыканта, по-видимому, наделенного талантами, необходимыми королю Оро. Подобно Деклану, этот бард также прибыл с королем из их родной страны. Заметки придворного летописца по данному поводу прямо указывают на то, что безвременная и совершенно неожиданная смерть этого барда действительно оказалась для короля сногсшибательной потерей. На родине найти замену погибшему барду было бы несложно, но в новом королевстве Бельден бардов обучали совершенно иначе, и тех, кто обладал бы всеми знаниями и умениями, необходимыми придворному барду короля Оро, просто не существовало в природе. «Молодой бард не оставил в этой дикой стране никого, кто смог бы его заменить, — сообща-

ет летописец. — Королю Оро оставалось одно: вновь призвать ко двору Деклана, ежели тому не удастся найти никого, наделенного требуемыми навыками».

Каковы же были эти «требуемые навыки»?

Их либо хранили в тайне, либо упоминали лишь между строк, либо их так легко было опознать, что никаких объяснений не требовалось. Все эти варианты равновероятны, поскольку никто не дает объяснений, отчего требованиям короля Оро не мог бы так же легко соответствовать любой талантливый бард, рожденный в любом из бывших пяти королевств. Упоминания о сверхъестественных силах Деклана встречаются и в исторических хрониках и в балладах. Однако упоминания, встречающиеся в хрониках, немногословны, уклончивы, и зачастую их достоверность не может не вызывать сомнений.

«Туман же, что окутал противника в тот третий день [Битвы при Уэльде],

Умело был призван Декланом, и так был король Приграничий повержен во прах».

Но неужели летописец Оро действительно хочет сказать, что Деклан призвал на поле боя туман, ослепивший только войско короля Анстана?

Если так, таланты, погибшие с последним бардом Оро, было бы невероятно трудно найти в ком-то еще. Более того, эти лапидарные строки заставляют взглянуть на все победы короля Оро под иным углом и в некоей оккультной манере объясняют его быстрый триумфальный захват тронов пяти королей: его флот бросил якоря в туманных водах Стирла весной, а к следующей весне он объявил себя королем Бельдена.

Современному историку остается только отринуть неверие и сделать вывод: король, требуя от Деклана найти преемника барду, обладавшему подобной властью, был в полной мере осведомлен, сколь крепкий орешек предстоит раскусить престарелому барду.

Веселый, он с песней сквозь ночь идет
И песня его звонка.
А дева на башне неверного ждет.
Сколь стража ее горька!
Горячие слезы пали на лед,
Что остер, как горечь обид,
Зовет она раз и другой зовет,
А лед зловеще трещит.
Умолк он и взглядом встретился с ней

И вдруг – роковой удар!
В сердце, что всех снегов холодней,
Вонзился осколок льда.

Неизвестный автор (возможно, один из учеников Деклана).
«Баллада о барде-изменнике»

Вот так-то смерть придворного барда и оказалась семенем, зароненным в голову Деклана, пустившим росток, что покрылся листвой и ветвями, дал завязь и, наконец, расцвел первым состязанием бардов, устроенным в королевстве Бельден.

Прежде чем объявить о нем даже собственным ученикам, Деклан созвал тех немногих, кто бился над его палочками-черточками, и наконец позволил им увидеть друг друга воочию.

Они собрались в одной из комнат, занимаемых Декланом в средней части башни, на полпути наверх, где он хранил инструменты и наставлял учеников. Радуясь половикам и шкурам под ногами, все сгрудились поближе к огню и с мрачным удивлением воззрились друг на друга. Никто из этой потасканной, измученной холодами компании особыми талантами не блистал. Каждый усердно трудился, неплохо играл, неплохо пел, и

даже не подозревал, какие достоинства остальных побудили Деклана ввести их в тайный круг избранных.

Было их пятеро: миловидный, надменный, русоволосый Блейз, потомок знатного гризхолдского рода; серьезный, важный толстячок Дрю, сын богатого эстмерского купца; высокая, стройная Ши с холодными васильковыми глазами и длинным хвостом волос цвета лесного ореха, дочь владельца деревенской пивоварни; угловатый, как огородное пугало, Оспри, чей отец служил мажордомом на юге, в одном из знатнейших семейств бывшего королевства Уэверли, и Найрн, сын мелкого арендатора-свинопаса.

Они встречались друг с другом каждый день, но близко не сошлись — даже Найрн с Ши, некогда, в канун лета, гулявшие вдвоем по цветущему берегу. «Кажется, будто с тех пор прошла целая вечность, — подумал Найрн. — И тот теплый, зеленый, полный ароматов мир давным-давно исчез с равнины». Дрожавшая от холода Ши бросила в его сторону короткий осоловелый взгляд и шмыгнула носом — быть может, со значением, а может, и нет.

— Отец выучил меня писать, — сказала она, — чтобы вести счетные книги. Но ничему подобно-

му не учил.

— А меня и вовсе никто не учил, — откликнулся Найрн. — Я думал, все так пишут.

Блейз хмыкнул — негромко, но оскорбительно.

— Если до этого ты никогда не пробовал писать, — серьезно заговорил педант Дрю, — твоя ошибка вполне понятна. Однако довольно скоро ты должен был осознать, что тебе не хватает слов. Полагаю, в этом языке не найдется слова «трактирщик», или даже «сад»: подобные понятия были непредставимы для первобытных людей, не видевших разницы между…

— И слова «таверна», — бесцеремонно перебил его Оспри. — И, раз уж об этом зашла речь, слова «пиво».

— Отец говорил, что хмель растет на этой равнине многие сотни лет, — заспорила Ши. — Он говорит…

— Хмель, — объявил Дрю, слегка повысив голос, — впервые пришел сюда с полей Эстмера. Искусство выращивания хмеля и пивоваренья было принесено на равнину Стирл намного позже появления стоячих камней.

Но Ши упрямо стояла на своем:

— А мой отец…

— У древнейших жителей равнины не было

слова «пиво».

— Но что-то же они пили, — возразил Оспри. — Скажите ему, мэтр Деклан! — воззвал он к старому барду, сидевшему за столом и быстро чертившему палочки на листе пергамента.

— Сейчас я нахожусь в обществе самых одаренных и многообещающих из всех своих учеников, и вам не найти иных тем для разговора, кроме пива?

Все пятеро удивленно уставились на него: что может быть лучше в этом мрачном, холодном мире?

Деклан слегка улыбнулся, что делал нечасто, и поднялся на ноги.

— Возьмите, — сказал он, раздав каждому по листу пергамента, испещренному строками палочек. — Когда закончите переводить это, придете и расскажете, что это значит. Это — краеугольный камень вашего искусства.

Все тупо уставились на строчки, беспомощно поворачивая страницы то одним, то другим краем вверх.

— Ступайте, — мягко поторопил их старый бард.

— Но, мэтр Деклан, здесь больше двух дюжин строк! — запротестовала Ши.

— Тем более лучше начать поскорее.

Ученики неохотно отвернулись от очага.

— Да, — добавил Деклан им вслед, — можете просить друг друга о помощи.

«Как бы не так, — тут же отразилось на каждом лице. — Ни за что!»

Почуяв дух соперничества, Деклан улыбнулся шире прежнего.

Охваченный любопытством, Найрн провел часы после ужина, сличая знаки на пергаменте со знаками из собственного списка. «Равнина», «круг», «камень», «кость» и прочие столь же простые насущные понятия отыскались легко. Но некоторые знаки от него ускользали. Слова, которых он еще не выучил? Слова, появившиеся на свет позже древнейших прозаических слов повседневной жизни?

«На равнине из кости

В круге из камня…»

Он размышлял над незнакомыми словами так долго, что едва не уснул. Они расплывались перед глазами, сбегались воедино, составляли новые знаки. Встряхнувшись, Найрн перевел все, что сумел. Не умея писать на привычном, родном языке, он просто откладывал знакомые слова в памяти, и в голове они превращались в образы,

отчетливые и простые, как сами слова.

«Три…

Говорящий камень

Полный котел

Вертящаяся башня…»

Как зачарованный, смотрел он на немые знаки, пока и они не улеглись в голове, заполнив пробелы в стихах, которых он не мог разобрать. В крохотной спальне не было слышно ни звука, словно вся прочая школа в одночасье исчезла. Только свеча время от времени подавала голос — треск фитиля в расплавленном воске, трепет пламени под дуновением сквозняка, на миг превращавший свет на странице в тень.

«Три…»

Три чего? Далее следовало целое птичье гнездо из палочек, за ним — еще одно «три», а затем — две пары палочек крест-накрест. Найрн упрямо смотрел на них, веля подать голос, сказать, что они означают, поведать, что кроется за их узорами…

И вдруг они послушались!

Сердце ухнуло куда-то вниз, волосы поднялись дыбом при виде несметных богатств, при виде чего-то ужасного, карающей дланью метнувшегося к нему из мрака. Кровь застучала в висках, перед

глазами замелькало золото, короны, самоцветы, беспечно сваленные в груду, и груда эта росла и росла по мере того, как образ наполнял мысли. Сокровище. Кара. Сокровище…

Не веря своим глазам, Найрн заморгал, глядя на палочки, и те подали голос снова, и он, вторя им, зашептал:

— Три кары… Три сокровища…

Какое-то время спустя — часы, дни, еще одну ночь — он, спотыкаясь, прошел по коридору через всю спящую школу. Пергамент шуршал в руке, слова в голове горели огнем. Взбежав наверх, к спальне Деклана, он забарабанил в дверь.

Деклан отворил ему. Одетый, сна — ни в одном глазу, он, вероятно, ждал кого-то, и ничуть не удивился, увидев на пороге Найрна. Найрн поднял пергамент. Страница задрожала в руке.

— Что это? — спросил он. — Что это?

— Возможно, древнейшие стихи в Бельдене. Я нашел их на стоячем камне во время первой битвы короля Оро за равнину Стирл.

— Но что они значат?

— Думаю, именно то, что в них сказано. Ступай к огню, ты весь дрожишь.

Он распахнул дверь пошире, и Найрн подошел к очагу, стараясь надышаться теплом, заключить

его в объятия.

— Они заговорили со мной! — наконец выпалил он. — И сказали, что они значат. Я сумел заглянуть к ним внутрь!

Он смежил веки. Слова все так же ярко сияли в голове, ожидая, когда в них возникнет нужда.

— Скажи же мне, что они значат?

— «Средь равнины из костей, посреди кольца камней…» — без малейших затруднений он прочел все, не открывая глаз, не видя ничего, кроме череды образов, ведущей к странному, горькому финалу. — «…Ни конца дней, ни забвенья».

Открыв глаза, он наконец-то смог ощутить тепло очага и поднял взгляд на Деклана.

— Что это было? Что я такое сделал?

В глазах барда сверкнуло то же странное удовольствие, что и в тот раз, когда Найрну удалось сманить самоцветы с его арфы.

— Ты нашел в словах волшебство, и они откликнулись волшебству, что скрыто в тебе самом. С этого и начинается сила. Твой прирожденный дар невероятно велик, но у тебя не было в нем нужды, пока ты не встретил меня. Здесь тебе этого не мог бы объяснить никто. Барды этой земли давным-давно позабыли свое волшебство.

Найрн молча, не отводя глаз, смотрел на Декла-

на. До этой ночи он и представить себе не мог, что могут значить подобные слова, теперь же он знал достаточно, чтобы начать нащупывать путь внутрь них, будто в неведомые воды, отыскивая их глубины, скрытые течения, опасные мели.

— Волшебство было при тебе всю жизнь, — добавил Деклан. — Родилось вместе с тобой. Просто прежде тебе не к чему было его применить. Барды вашей земли забыли о нем.

— Не так уж все это очевидно, — заметил Найрн, все еще жавшийся к очагу, будто к любимой, как можно ближе к границе, что отделяет желание от боли. — Искать волшебство в простом языке твоего «Круга Дней»… «Рыба». «Нить». «Глаз»… — внезапно он задрожал, слыша собственный голос, несмотря на жар очага. — Что в нем могло привлечь твой взгляд?

— Сами стихи. Они сулили барду, который сумеет понять их загадки и пройти их испытания, такие чудеса, а тому, кто понять не сумеет, такую безмерную скорбь…

Найрн снова надолго умолк. Наконец отвернувшись от очага, он изумленно спросил:

— Как же ты смог прочесть их? Как чужеземец сумел понять высеченный на камне древний язык, на котором больше не говорит никто?

На губах старого барда мелькнула тень улыбки, в глазах вспыхнули отблески пламени.

— Я увидел силу внутри этих слов еще до того, как узнал, что они означают. Точно так же, как ты этой ночью. Они заставили меня почувствовать их, прежде чем обернуться простым, самым обычным языком повседневной жизни. Идя с королем Оро по землям пяти королевств, я искал тех, кто понимает этот язык, но не нашел никого. Я думал, что древнее знание покинуло эти земли навеки, пока не встретил в Приграничьях тебя.

— «Круг Дней», — прошептал Найрн, видя перед собою бесконечную череду дней над равниной, скромную простоту камня, корня, копья. — Интересно, как использовали эту силу они — те, кто говорил этими словами?

— Хотел бы я это знать, — негромко ответил Деклан. — Мы можем лишь продолжать изучать их. Возможно, они расскажут нам и об этом. Они — твоя дверь ко двору короля Оро. Учи их. Трудись над ними. Испытывай их и себя самого. Но прежде, чем назваться придворным бардом короля Бельдена, ты должен пройти еще одно испытание. И дело тут не только в словах, но и в музыке, — во взгляде Найрна мелькнуло недоумение. — Бард самого короля, помимо прочего,

должен быть величайшим музыкантом королевства. Как ты сумеешь одолеть придворных бардов бывших пяти королевств?

— Даже не знаю, — изумленно ответил Найрн. — В жизни ни одного не встречал. А нужно?

— Согласно традициям моей родины, придворного барда короля выбирают из великого множества бардов, собравшихся на состязание в силе слов и в музыке за право занять эту должность. И здесь, в Бельдене, королю Оро не пристало довольствоваться меньшим. Куртуазную музыку местной знати я слышал. Ты позволишь мне учить тебя?

Ошеломленный одной мыслью о таком состязании, Найрн смотрел на старого барда и не мог вымолвить ни слова. Одно дело — быть лучшим в том, чего не умеет больше никто, но бросить вызов придворным бардам пяти королевств, овладев лишь игрой на волынке да полковом барабане… Деклан шагнул к очагу, встал рядом, поднял руку и, чуть помедлив, опустил ладонь на плечо Найрна. Найрн, не противясь, смотрел в пламя. Старый бард предлагал ему то, о чем он и не мечтал, — требовалось всего-то согласиться!

— Да, — наконец сказал он. — Учи меня. Как же

мне еще узнать то, чего я еще не знаю?

Деклан улыбнулся — на сей раз искренне, без горечи, без задней мысли.

— Куртуазная музыка — это легко, — пообещал он. — Все, на чем они играют, у меня имеется.

— А когда…

— Скоро. Но не раньше, чем ты будешь готов, — слегка сжав плечо Найрна, Деклан мягко развернул его к выходу. — Ступай и выспись.

На пороге Найрн остановился и оглянулся.

— Ты ждал меня сегодня ночью?

— Ты же сам не давал мне спать. Конечно, я ждал.

Так начались для Найрна недолгие, но оказавшиеся роковыми исследования древнейших из искусств бардов.

Круг его дней утратил границы, слился воедино, сделался непредсказуем. В свободное от изнурительных упражнений в куртуазной музыке под руководством Деклана время он становился рассеянным, будто замечтавшийся или пьяный. Завороженный любым сказанным словом, любой безмолвной вещью, имеющей название, он не обращал никакого внимания ни на говорящего, ни на то, что следовало бы сделать с вещью, попавшейся на глаза — убывающей кучей дров у очага,

коптящим, захлебывающимся в лужице растаявшего воска и гаснущим, внезапно погружая все во тьму, фитилем свечи… Он видел в «дереве», «огне», «тьме» лишь особые, могущественные сущности, значение которых менялось с каждым новым взглядом на них. Как справляются с задачей Деклана остальные, принадлежащие к кругу избранных, он и понятия не имел. Вокруг говорили, но голоса звучали словно из-под воды — столь тщательно он избавлял слова от их человеческих корней. Важно было только одно — сказанное слово и образ, пылающая роза силы, расцветавшая при его звуке.

Время от времени он слышал голос Мэр — ее голос заключал в себе силу иного рода.

— Мне очень не хватает тебя на кухне, — сказала она однажды утром, когда он спустился к завтраку. — Обычно ты оставлял в самых неожиданных местах эти слова, будто маленькие подарки. Обычно ты замечал, чем нужно помочь, раньше, чем я сама.

Жуя хлеб с маслом, Найрн что-то рассеянно пробормотал в ответ и вдруг поразительно ясно, отчетливо увидел ее лицо — лицо, не просто мутное пятно где-то на краешке мыслей. Оно было тоскливым, неуверенным, и этих слов он еще не

нашел в «Круге Дней».

— Я ищу путь кое-куда, — не слишком-то складно объяснил он. — Думаю, не сегодня-завтра вернусь.

— Так мне и Саликс сказала, — кивнула Мэр. — Она спрашивала о тебе.

Саликс… Найрн вспомнил о ее словах — о множестве слов, начертанных на всех ее горшочках и ящичках, вышитых на холщовых мешочках с сушеными травами. Лицо Мэр тут же померкло: в голове ярче всех прежних, знакомых слов засияли новые, неизвестные.

— Саликс… — оторвав от каравая еще краюху, он нетвердым шагом двинулся к двери. — Пойду, навещу ее.

Так он и сделал, выйдя за порог с завтраком в одной руке и плащом в другой. По пути он почти не замечал ни густого снега, сыпавшего из серых туч, ни того, как вязнут ноги в свежих сугробах. Без стука войдя в домик Саликс, он молча принялся шарить повсюду. Казалось, ее коллекция палочек указывает тайный путь, с которого не свернуть, на котором не остановиться, пока не дойдешь до конца. Он следовал этим путем, не замечая высокой седой старухи, все это время стоявшей совсем рядом, мешавшей и мешавшей

варево в котле над огнем.

— Что ты делаешь? — услышал он.

Его ответ прозвучал так же глухо, будто издалека:

— Собираю твои слова.

— Найрн, — окликнула она.

Найрн моргнул. Вокруг возникло, встало на место новое слово — домик старой знахарки, со всеми его плетеными ковриками на полу и спинках стульев, со всеми полками, полными снадобий, аккуратно расставленных по местам и снабженных ярлыками.

Он поднял на нее взгляд и вновь моргнул. Казалось, Саликс встряхнула его, заставив очнуться. «Да, так и есть, — понял он. — Она ведь произнесла слово, означающее мое имя».

В улыбке Саликс мелькнуло нечто среднее между весельем и раздражением.

— Мэр говорит, ты стал просто невозможным. Сказала-то она «рассеянным», а думала, пожалуй, «полоумным». Тебе нужно снадобье?

— Снадобье?

— Чем я, — медленно, раздельно сказала она, — могу тебе помочь?

— О-о… — Найрн покачал головой. — По-моему, от этого лекарства нет.

— Ну, а название у этого есть?

— Наверное… — Найрн призадумался, глядя на ненасытное чудовище, вселившееся в него и пожирающее слова, как огонь — прутики хвороста. — Наверное, это называется «волшебство». Оно идет, куда пожелает. А я просто следую за ним.

Покопавшись в памяти, он извлек наружу очень полезное слово, которое почти забыл, и добавил:

— Прости.

— Надо же, — сочувственно сказала Саликс. — Жаль, мне этого как следует не понять. Это хорошо или плохо? Об этом ты уже знаешь?

— Нет, — стены жарко натопленного домика заколебались, сделались расплывчатыми, заслоненные множеством новых слов, узнанных под этой крышей. — Пока нет. Когда узнаю, расскажу.

Снег унялся. Когда Найрн шел назад, вверх по склону холма, мир показался ему немым, точно в полночь. Даже река, сузившаяся, превратившаяся в тонкий ручеек темной воды, стиснутый наступающим льдом, текла под мертвенно-бледным небом, не издавая ни звука. Школа-на-Холме будто сжалась, съежилась от холода. И узкие

окна башни, и толстые стекла крохотных окошек ученических спален были забраны решетками застывших ледяных слез. Зубчатая вершина башни превратилась в перевернутую вверх дном ледяную корону, с которой, точно грубые варварские драгоценности, свисали вниз острые сосульки толщиной в кулак. Старательно помечавший все попадавшееся на глаза древними письменами, Найрн на короткий миг позабыл, как выглядит слово «лед». Он остановился, глядя на огромные сосульки, тянущиеся вниз с высоты, и вдруг увидел в сосульках те же палочки — длинную, короткую, длинную, длинную, короткую — расставленные наугад, как нередко поступает природа. А может, это лишь крохотный фрагмент знака — такого огромного, сложного, что его не охватить простым глазом?

Вдруг солнце, выглянув из-за мрачных туч, метнуло вниз неожиданно яркий, ослепительный луч. Луч ударил в вершину башни, и под его прикосновением ледяная корона зажглась золотым огнем. У Найрна перехватило дух. Слово «огонь» тут же зажглось и в его голове, свет пробежал по чертам древнего знака, как палец по струнам арфы, вслед за лучом солнца, игравшего свою мелодию на струнах зимнего утра, и… Слово

рванулось из головы Найрна вперед, вверх, навстречу огню внутри льда.

Сверху послышался треск. В этот же миг внизу распахнулась дверь, и на порог вышел всезнайка Дрю, закутанный в теплое с головы до пят.

Сосулька ударила его со всей силой копья, брошенного с башенных зубцов. Осколки льда зазвенели о камень порога, Дрю содрогнулся и рухнул в снег. Казалось, дыхание в горле застыло, обратившись в лед. Солнечный луч угас. Вокруг головы Дрю расплылась, задымилась в снегу кровавая клякса — единственное в мире пятно цвета. Застывший во времени, вдруг сделавшемся медленным, неподатливым, словно янтарь, Найрн увидел в окне над дверью лицо Деклана. Привлеченный шумом, старый бард выглянул из «музыкальной» комнаты, оглядел двор, поднял взгляд на Найрна и скрылся.

Один из учеников, подошедший закрыть распахнутую дверь, выглянул наружу и закричал. Другие, сгрудившись сзади, вытолкнули его наружу. Из-за их спин донесся голос Деклана — спокойный, только звучавший несколько громче обычного. Собравшиеся послушно расступились, давая ему дорогу.

Найрн задрожал. В жизни он плакал так ред-

ко, что едва смог узнать это слово, но сейчас почувствовал, как что-то вроде талых льдинок покатилось из глаз, обжигая холодом щеки. Ученики, высыпавшие наружу, окружили павшего Дрю. Деклан опустился на колено в снег рядом с ним. Найрн наконец-то обрел способность двигаться и нетвердым шагом пошел вперед. Казалось, каждый шаг приводит в движение огромную гору снега.

— Бедный Дрю… — в обычно властном голосе Ши слышалась дрожь. — Мэтр Деклан, он мертв?

— Да, — коротко ответил Деклан, взглянув на Найрна, наконец-то преодолевшего бездонную пропасть во времени и подошедшего к краю круга.

— Найрн, — резко заговорил Блейз, заметив, с какой стороны он появился, — ты ведь был здесь, снаружи? Значит, должен был видеть, что произошло.

Найрн раскрыл рот, но не сказал ни слова. Слов, которыми можно было бы передать, что случилось, у него не было. Как описать солнечный луч, лед, тайну внутри слова «лед», внезапную красоту, породившую столь сильный и столь губительный отклик в сердце?

Теперь уже все смотрели на него, отвернув-

шись от Деклана. Казалось, тот, не сводя взгляда с Найрна, ждет ответа вместе с остальными. Но вдруг Деклан поднял руку и на миг поднес палец к губам (еще одно древнее слово). Затем он опустил и руку, и взгляд, и Найрн, будто со стороны, услышал собственный голос:

— Сосулька сорвалась с башни, когда он вышел за дверь, и упала прямо на него.

Взгляды учеников тоже отпустили Найрна, вновь устремившись на несчастного Дрю — в кои-то веки умолкшего и словно бы с интересом взиравшего на острый, белее самого снега, осколок кости, торчавший вниз из его брови.

— Его отец будет взбешен, — испуганно пробормотал Оспри.

— Его отец будет опечален, — сказал Деклан, высвобождая руку Дрю из-под его тела. — Он поймет: виной всему случай. Помогите мне отнести его внутрь. Ши, ступай и приведи Саликс.

— Зачем? — изумленно спросила Ши. — Он же мертвее мертвого.

Деклан метнул в нее взгляд, блеснувший металлом из-под рыжих бровей, и Ши невольно сделала шаг назад.

— Ладно, хорошо.

— Мы должны иметь возможность сказать его

родным, что сделали для него все, что могли.

Найрн помог поднять тело и внести в дом. В спину неслись тихие, хлюпающие вздохи — звуки скорби и потрясения.

— Найрн, — велел Деклан после того, как мертвое тело легло на скомканный тюфяк Дрю, покрытый шкурой, — возьми топор, поднимись наверх и избавь нас от этих сосулек. Блейз, а ты стереги дверь, дабы мы не потеряли еще одного ученика.

— Смотри, скоро Ши должна вернуться, — взволнованно сказал кто-то. — И Саликс привести.

— Хорошо, — глухо ответил Найрн.

Деклан вновь взглянул на него пустым, с виду ничего не значащим взглядом.

— Когда закончишь, зайди и дай мне знать.

— Хорошо, — повторил Найрн, чувствуя скрытый смысл его просьбы. — Я зайду.

Круша топором лед, разлетавшийся вдребезги и падавший в снег, не причиняя никому вреда, он осознал, что даже та минута, что отделяла красоту поющего света от внезапного ужаса гибели Дрю, не принесла ответа на вопрос Саликс.

Когда зима наконец пошла на убыль и среди талых снегов зацвели морозники, Деклан разо-

слал всем бардам Бельдена, высоким и низким, далеким и близким, весть, приглашая их в школу ко дню летнего солнцестояния, на великое состязание, победитель которого станет придворным бардом самого короля Оро.

Глава одиннадцатая

Зоя сидела возле старого барда, лежавшего в своих покоях, и молча наблюдала за ним. Его глаза были закрыты, но, судя по жестким складкам, собранным над переносицей, он не спал. Он тоже молчал. Даже во время визита королевского доктора едва проронил пару слов, и то нехотя. Доктор сказал, что он подавился косточкой лосося, случайно оказавшейся в паштете. Удар же мэтра Кле — также случайно — угодил туда, где принес наибольшую пользу: упав, Кеннел получил несколько синяков, но ничего не сломал и не вывихнул. Заверив, что назавтра он будет здоров, как пресловутый бык, и оставив ему какую-то снотворную микстуру, доктор откланялся.

Но Кеннел не стал пить снотворное.

Пока слуги раздевали его и укладывали в постель, Зоя вернулась в зал попросить Фелана выступить вместо нее. Фелан был удивлен, но не более. Обладая красивым, сильным голосом, он мог исполнить древнюю гризхолдскую балладу о любви с той же легкостью, с какой натягивал сапог. Зоя поднялась на галерею, принесла из-

винения музыкантам и попросила их сделать в отсутствие Кеннела все возможное, чтобы барду лорда Гризхолда не пришлось развлекать гостей весь этот долгий вечер в одиночку. Бард лорда Гризхолда был уже здесь — настраивал арфу и наблюдал за гостями, рассаживавшимися к ужину внизу.

На миг вглядевшись в его сосредоточенное лицо, Зоя поняла: ей вовсе не хочется, чтобы и он успел разглядеть выражение ее лица. Ни слова более не говоря, она поспешила уйти и вернулась в покои Кеннела. Он не взглянул на нее и ничего не сказал, даже после того, как она отослала слуг. Она терпеливо ждала. Вначале казалось, что он задремал, но вскоре Зоя почувствовала его настроение. Казалось, он глубоко встревожен судьбой некоего зерна истины внутри колоса, зажатого в клюве какой-то зловещей птицы, не сводящей с него завораживающих угольно-черных глаз.

— Зоя…

Открыв глаза, Зоя заморгала. Комната сияла роскошью. Яркие ковры и гобелены, легендарные древние инструменты, что Кеннел собирал не один десяток лет — каждый на своем, особом месте… Отбросив видение прочь, она вернулась

к реальности, села прямо и вспомнила о старом барде. Тот мирно лежал в постели, укутанный в узорчатый шелк и меха. Она с улыбкой повернулась к нему, но улыбка ее тут же увяла, разбилась, точно едва оперившийся птенец о толстое стекло.

Наконец Кеннел открыл глаза, но тревожные складки меж ними лишь сделались глубже прежнего.

— Мэтр Кеннел, вам больно?

— Ты спела?

— Без вас? Конечно, нет!

— Значит, там, в парадном зале, перед королем играет этот гризхолдский бард, желающий моей смерти.

Зоя невольно нахмурила брови, но ответила мягко:

— Многие барды королевства хотели бы занять ваше место. Но этот через пару дней исчезнет, точно ненастная погода, а вы вновь будете играть для короля уже завтра.

Кеннел наконец-то взглянул ей в глаза.

— Похоже, он и тебе не по нраву.

— Ничуть, — коротко ответила она.

Кеннел не сводил с нее усталых глаз.

— Сама не знаю, отчего, — добавила Зоя, чув-

ствуя, что он ждет продолжения. — Кроме одного: весь его облик фальшив. Неубедителен он в роли сельского простачка с безлюдных гризхолдских гор.

— Ты слышала, как он играл сегодня?

— Нет. Я почти все время была с вами.

— Пойди и послушай.

Но Зоя замешкалась, не желая оставлять его одного.

— Наверное, он уже закончил.

— Нет. Я слышу его.

Как он мог бы услышать что-то отсюда, из этого древнего крыла замка, сквозь стены толщиной в сотни лет? Этого Зоя и представить себе не могла. Прислушавшись, она не услышала ничего, кроме бескрайнего безмолвия камня.

— Ступай, — продолжал Кеннел. — А после вернись и расскажи, на что он годен.

«Должно быть, Кеннел просто воображает себе его музыку», — думала Зоя, торопливо шагая по тихим коридорам и лестницам. Мало-помалу стены из грубо отесанного камня и пол из плитняка уступили место дубовым панелям и плитам мрамора, а издали донесся приглушенный шум парадного зала. Но, стоило ей подойти ближе, шум странно затих, отступил, будто вода с отли-

вом, сменившись абсолютной, ошеломительной тишиной.

Тишину нарушила одинокая нота — звон струны арфы.

Войдя в парадный зал сквозь заднюю дверь, Зоя увидела гостей, замерших за столом без движения, будто под властью каких-то чар. Чародей извлек из струн арфы долгий печальный пассаж. Никем не замеченная, Зоя остановилась, укрывшись в нише у входа. Кельда сидел на традиционном месте придворного барда — на позолоченном табурете в центре просторной квадратной площадки, огороженной столами, лицом к помосту, где за столом, забыв об угощении на парадных блюдах, застыли члены королевской семьи и гости из Гризхолда. Среди неподвижных статуй блеснул один-единственный поднятый бокал. Когда он зазвенел о ножи и вилки на столе, Зоя разглядела за ним Иону Кле. Никто другой за столом даже не шелохнулся.

Бард ударил по струнам, взял аккорд, и Зоя узнала начало древней гризхолдской баллады.

То был простой и яркий сказ о рыцаре, вернувшемся домой, в родные западные горы, после сражения и плена и обнаружившем — все, что он любил и помнил, исчезло без следа. Одни лишь

птицы на голых стропилах его разрушенного замка смогли передать ему весть от жены и рассказать, что случилось, на языке, подобно музыке арфы, понятном не уму, но сердцу.

От трогательных нежных рулад защипало в глазах. Сморгнув слезы, Зоя удивилась самой себе. Две молодые женщины за столом на помосте плакали, не скрываясь, и улыбались барду сквозь слезы. Один из гвардейцев за спиной короля поднял руку, коснувшись уголка глаза.

Наконец рыцарь ускакал прочь, отправившись в свое прошлое, в вечное заточение в стенах собственной памяти. Последний аккорд вспыхнул в мертвой тишине догорающим пламенем и медленно угас.

По залу прокатилась волна нестройных сентиментальных вздохов. Заблестел хрусталь поднятых бокалов, ножи и вилки зазвенели о фарфор, и слуги вновь пришли в движение, разнося на время забытые блюда. «Он будто весь двор околдовал», — подумала Зоя. Кельда опустил арфу, и гости снова обрели дар речи. Он улыбнулся их похвалам, купаясь в лучах всеобщего обожания. Наконец он снова поднял арфу и заиграл легкий, веселый, известный всем танец, и музыканты на галерее, прекрасно знавшие эту

мелодию, подхватили ее один за другим.

Кто-то, спустившийся с галереи, вошел в зал сквозь соседнюю дверь и взглянул на Зою. В свете ламп она узнала светлые волосы и бледное лицо Фелана и только после этого почувствовала собственное напряжение — пальцы, вцепившиеся в локти, тело, натянутое, будто струна арфы в ожидании прикосновения пальцев арфиста. Подошедший Фелан встал рядом, прислонившись к стене.

— Как там мэтр Кеннел?

— По словам доктора, физически — превосходно. А вот душевно… — Зоя помедлила. — Он не на шутку встревожен. Чем — даже не знаю. Возможно, мыслями о смерти, — взглянув в глаза Фелана, она обнаружила, что тот ничуть не удивлен. — Никогда еще не видела его таким мрачным. Он отправил меня вниз послушать Кельду. Похоже — хотя это полная бессмыслица — Кеннел винит в происшедшем его.

Фелан издал едва различимый смешок.

— Мой отец — тоже. И тоже — неизвестно отчего. Ты поела? Там, на галерее, накрыт ужин для музыкантов.

Зоя кивнула, снова взглянув на Кельду.

— Пожалуй, поднимусь туда, пока он здесь.

Во взгляде Фелана появилось любопытство.

— Ты его избегаешь? По-моему, он вполне безобиден. Очень талантлив и, вдобавок, амбициозен. Правда, малость грубоват: к чему было спрашивать, не помышляет ли Кеннел об отставке?

— Подозреваю, Кеннел решил, что Кельда пытался помочь ему оставить должность.

— Заставив подавиться лососевым паштетом?

— Лососевой костью.

— Что ж, — усмехнулся Фелан, — поэзии известны прецеденты. Вкусив от сего лосося, познаешь все на свете…

— Включая собственную смерть, — хмуро ответила Зоя. — Неудивительно, что Кеннел вне себя.

Поднявшись на галерею, где музыканты с беззаботной радостью подхватывали все, что ни подбрасывал им Кельда, Зоя поспешно поужинала ростбифом, нашпигованным чесноком, томленным в сливках луком-пореем и клубничным пирожным, а затем, под праздничный шум, постепенно стихающий позади, поспешила назад, в покои старого барда.

Кеннел все еще бодрствовал, все еще размышлял и все еще был не склонен делиться своими мыслями. Войдя, Зоя опустилась в кресло у его

кровати.

— Вы не проголодались? — спросила она. — Может, послать за ужином?

— Сегодня я уже наелся досыта, — мрачно ответил Кеннел. — Как он? Хорош?

— Да. Более чем. Конечно, половина его репертуара больше подходит для захолустного двора, чем для официального ужина у самого короля, но «Рыцарь вернулся в Греневилль-холл» в его исполнении заставила весь зал замолчать, а многих растрогала до слез. Его голос мог бы и рыбу заманить на сковороду.

— Не надо о рыбе, — поморщившись, проворчал Кеннел.

Последовавшее за этим молчание тянулось так долго, что Зое показалось, будто он уснул. Но наконец старый бард вздохнул и заговорил. В хриплых звуках его голоса чувствовалась усталость.

— Выпью-ка я эту микстуру. Сил больше нет.

Зоя быстро налила микстуру в кружку, добавив воды и немного вина, как велел доктор, и Кеннел под ее присмотром выпил все до дна.

— Не посидеть ли с вами, пока не уснете?

— Нет… — отставив кружку, он дотянулся до ее руки и наконец улыбнулся. — Спасибо за то, что

осталась со мной, дорогая моя. Загляни ко мне завтра. У меня будет к тебе разговор.

— Хорошо, — пообещала Зоя.

Не на шутку озадаченная, она послала слугу погасить лампы в спальне и отправилась к себе.

Наутро, в школе, она почувствовала присутствие Кельды, еще не видя его. Слухи о его выступлении не замедлили достичь вершины холма. Дух гризхолдского барда незримо витал в профессорской трапезной, когда Зоя явилась к завтраку. Казалось, его имя каким-то образом впиталось в масло для утренних гренков, проникло сквозь скорлупу яиц всмятку до самых желтков, и теперь любой проглоченный кусочек превращается в звук, срываясь с губ каждого именем «Кельда». Мысли мэтров были только им и заняты: о нем негромко шептались за столом со сложной смесью изумления, зависти, а порой и тревоги на лицах. Стрекот и щебет собравшихся группами учеников под дубами и в коридорах провожал Зою в класс, на урок пения. Восклицания, стоны, страстные вздохи неслись со всех сторон с бездумной, неодолимой мощью пара, рвущегося из носика чайника. Повсюду только и слышалось: он посетит этот класс, а потом тот, а затем, в полдень, сыграет для всех.

Расхаживая среди маленьких учеников, она наслаждалась их нежными высокими голосами, время от времени вступая в общий хор и помогая им не сбиться с такта, и вдруг увидела его в дверях.

От этого она едва не сбилась с нот. Годы дисциплины помогли вытянуть мелодию, вот только акцент фразы прозвучал не там, где хотелось бы. И, конечно же, то, что в устах любого другого прозвучало бы возгласом изумления, не укрылось от его безупречного слуха. Насмешливая улыбка, мелькнувшая в его глазах, вызвала у Зои прилив злости. С бесстрастным лицом дождавшись, когда дети доведут песню до конца, он вошел в класс и зааплодировал им.

Следом за ним в класс, точно завороженные, потянулись кое-кто из мэтров и дюжина учеников, включая и Фрезера.

— Как все это чудесно, — восхищенно заговорил гризхолдский бард. — Школа Деклана, стоячие камни, дубы! Отменный фон для передачи новым поколениям наследия древних бардов. Как же я вам завидую! — все это говорилось с таким простодушием, что Зоя на миг поверила ему. — Я ж нашел то, что умею, в тернистых кустах, вдоль грязных проселков и в эхе безлюдных руин. Я

настраивал арфу под вой вьюг ледяных и древнейшие в мире напевы…

— Стоячих камней, что звенят в пальцах луны, как струна, — чуть слышно закончил Фрезер.

Наградой ему была внезапная ослепительная улыбка гризхолдского барда.

— Да! Я потрясен: вам известны эти допотопные строки?

— Нас здесь всему обучают, — робко ответил мальчишка, покраснев до корней волос.

— Как все это чудесно, — вновь выдохнул бард, обращая все свое обаяние к Зое. — Прошлым вечером я не видел вас в зале. И так жалел, что вы не спели.

— Я ухаживала за занемогшим мэтром Кеннелом.

— Да. Но я восхищен тем немногим, что услышал сейчас. Вы придете послушать меня сегодня?

— Я слышала ваше выступление накануне. «Гренвилль-холл». И едва не прослезилась.

— Едва?

— На миг, — медленно ответила Зоя, — это показалось мне настоящим волшебством. Какие бы тернистые кусты ни научили вас играть так, они, несомненно, и сами были волшебными.

Мэтр Кеннел, на случай, если вы запамятовали поинтересоваться его здоровьем, мирно почивал, когда я оставила его.

— В вопросах не было надобности: о его самочувствии мне рассказали с утра, — в его мимолетной улыбке вновь мелькнула насмешка, издевательство, вызов. — Может, вы все же придете послушать? Заставить прослезиться того, чьи чувства уже тронуты внезапной болезнью друга, проще простого. А вот сейчас, средь бела дня, это будет не так-то легко.

Невольная улыбка, вызванная его словами, раздосадовала Зою не меньше, чем вчерашние слезы, и это тоже не укрылось от Кельды. «Похоже, оставаясь у него на виду, от него не скрыть ничего», — подумала Зоя.

— Я приду, — резко сказала она, охваченная любопытством, смешавшимся с неизвестно откуда взявшейся злостью.

Кивнув, Кельда вышел из класса, оставив Зою наедине с ошеломленными учениками. Фрезер потащился следом за ним — беспомощно, будто перышко, подхваченное течением.

Ровно в полдень ученики и мэтры, высыпавшие в сад, спеша по своим делам — кто в класс, кто в библиотеку, кто в трапезную — разом за-

мерли, как вкопанные. Из тихой тенистой рощи донеслась таинственная, властная мелодия арфы. На глазах вышедшей из башни Зои все эти целеустремленные, занятые люди внезапно забыли, куда и зачем направлялись. Все повернулись к роще, свернули с пути и словно поплыли на звук над зеленой травой — как будто музыка заставила их забыть не только о делах, но и о времени, и даже о силе земного притяжения. Казалось, что поет сама роща, словно в памяти могучих деревьев воскресли певучие голоса духов первых дубов, учивших играть первого барда на свете.

Забыв обо всем, Зоя двинулась на звук с тем же бездумным упорством, что и все остальные. «Им известны секреты», — впервые в жизни поняла она. В пении древних дубов заключались разгадки множества тайн. Если бы только ей удалось подобраться поближе, начать понимать их язык — язык солнца, дождя, ветра, ночи… Они знали то, что хотелось знать ей. Они знали первые в мире песни, первое слово, выкованное молнией, запутавшейся в их ветвях, вышедшее из пламени и засиявшее в их корнях упавшей звездой. Если бы только подобраться поближе и разглядеть это… Зоя шла вперед, почти не замечая окружавшей ее толпы учеников и мэтров, высыпавших

наружу из школьных зданий и безмолвно, будто еще не начав учиться этому новому языку, устремившихся к роще.

Достигнув края огромного круга, собравшегося у поющих деревьев, она остановилась, увидела лицо их песни.

Моргнув, она словно очнулась от сна, но лишь затем, чтобы столкнуться с новой тайной.

Пела не роща. Пел бард. И бардом этим был Кельда, совсем недавно спокойно наблюдавший за стариком, подавившимся костью лосося. Все остальные замерли вокруг с восторгом на лицах, еле дыша, словно еще не очнулись от сна. Бард, целиком поглощенный своей искусной игрой, тоже грезил наяву, все глубже и глубже увлекая в чудесные грезы слушателей.

— Да, хорош, очень хорош, — пробормотал кто-то рядом. — В этом ему не откажешь. Зоя, ты не знаешь, где я мог бы найти твоего отца?

Зоя зажмурилась и снова открыла глаза, наконец-то полностью стряхнув с себя оцепенение и поражаясь самой себе. Обернувшись на голос, она встретилась взглядом с Феланом. Тот был чем-то озабочен.

— Ты слышал? — прошептала она.

— Конечно, слышал. Я пришел прямо за тобой.

— Слышал, как пела роща? То есть сами дубы?

Фелан покачал головой.

— Видимо, это я пропустил, — окинув Зою взглядом, он улыбнулся. — Выглядишь совершенно околдованной. Даже волосы — будто проказники эльфы спутали. Да, есть в нем что-то этакое. Фрезер с виду просто сам не свой. Так ты не знаешь, где…

— Нет, — только тут Зоя сумела окончательно собраться с мыслями. — Разве отца нет в башне? Обычно в полдень он еще у себя, — Фелан покачал головой. — Тогда даже и не знаю, где… А что? У тебя что-то важное?

— Да, но только для меня одного. Помнишь, он предлагал поискать материал для моей итоговой работы в старых счетных книгах?

Зоя пожала плечами. Ее мыслями вновь завладело странное событие в дубовой роще.

— Возьми их сам, — предложила она. — Он возражать не будет. Большинство этих книг все равно сплошь в пыли да паутине.

— Ты уверена?

Вдруг Зоя заметила, что гризхолдский бард смотрит поверх голов расходящейся толпы прямо на них. Выражения его лица ей не удалось разглядеть, но догадаться было несложно: ради них

всех он вытянул из собственного сердца золотую нить и сплел из нее паутину, и пара мух, безмятежно жужжащих на самом ее краю, наверняка вызвала у барда досаду, далеко превосходящую удовольствие от множества неподвижных жертв, запутавшихся в блестящих тенетах.

— Да, — шепнула она, поспешно отвернувшись от барда и следуя за Феланом под ясный свет погожего дня. — Я собираюсь навестить Кеннела, — продолжала она, оказавшись вне пределов слышимости. — Он просил заглянуть к нему сегодня. Увижу отца — передам, что ты одолжил его книги. Если он вообще это заметит.

— Спасибо.

Всю дорогу к замку Зоя размышляла не только о Кельде, но и о Фелане. Почему Фелан не слышал того же, что и она? Нельзя было не признать: она была так же ошеломлена, околдована, как и все остальные. Все, кроме Фелана, не сумевшего расслышать такой поразительной красоты, будто уши его были заткнуты пробками. Он слышал ноты, но не музыку. Почему?

Она так спешила убраться подальше от Кельды, скрыться от его всевидящих глаз, что даже не удосужилась переодеться. Что-то с ним было не так — несмотря на весь его дар, в нем чувствовалось

что-то дурное.

Школьная мантия и всем знакомое лицо заметно облегчили путь Зои в замок. Ее препроводили в покои Кеннела и без промедлений впустили к нему.

Едва взглянув на него, Зоя отметила, что цвет его лица заметно улучшился — в отличие от настроения. Увидев ее, он улыбнулся с искренней радостью, но тут же нахмурился вновь, отчего его улыбка словно перевернулась вверх ногами. Как ни странно, он все еще лежал в постели, укрытый шелком и кружевами, в ночном колпаке поверх своенравных волос.

— Горло болит, — с досадой проворчал он. — Петь я сегодня не смогу.

— Но можете сыграть, — воспрянув духом, предложила Зоя. — А я спою.

Эта мысль вновь заставила его улыбнуться, и на сей раз улыбка угасла не так быстро. Он замолчал, не сводя с Зои немигающих, покрасневших глаз, выражения которых ей никак не удавалось постичь.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня, — сказал он, стоило Зое подумать, не заснул ли он снова.

— Да, — поспешила ответить она. — Все, что

угодно.

— Я думал над этим вчера вечером, большую часть ночи и все нынешнее утро. И обдумал свое решение со всем возможным вниманием. Понимаешь?

— Да.

— Тогда не спорь со мной. Я собираюсь оставить должность придворного барда короля Люциана.

Зоя раскрыла рот, но только и смогла, что громко ахнуть.

— Но не раньше отъезда лорда Гризхолда, — с отвращением добавил Кеннел, — если только есть хоть какая-то надежда, что с ним уедет восвояси и его бард.

— Вы собираетесь уйти в отставку? Из-за какой-то рыбьей косточки?

— А стоит ли дожидаться чего-то еще?

— Но…

Едва не сев мимо кресла, Зоя поспешно оглянулась и придвинула кресло к кровати. Усевшись, она наклонилась вперед, крепко стиснула край простыни и круглыми от изумления глазами уставилась в лицо Кеннела — пристально, будто надеясь разглядеть ответ внутри, сквозь кожу и кость.

— Но почему? В этом нет никакой надобности!

Вы еще полны сил, ваш голос, как всегда, верен и звучен, слух остер, пальцы…

— Мой слух, мой голос и пальцы говорят то же самое, — ответил Кеннел так сухо, что голос его заскрежетал. — Но я увидел в этой рыбьей косточке свою судьбу. Вот что я должен сделать: я объявлю о своей скорой отставке, но не оставлю поста придворного барда до тех пор, пока не будет избран новый.

— Значит, будет состязание, — прошептала Зоя холодеющими губами. — Состязание бардов всего королевства за высочайшую из должностей… Все они съедутся в Кайрай, и я увижу все это своими глазами…

— Ты сама выйдешь на состязание, — мрачно сказал Кеннел. — И победишь.

Казалось, на плечи Зои разом легла вся тяжесть его решимости, отчаяния и злости. Под этой тяжестью она замерла, не дыша, не в силах вымолвить слово.

— Победишь, — повторил Кеннел резче прежнего. — Отыщешь в себе истоки и корни нашей земли, и вложишь их в песню, и будешь петь, пока не заплачет сама луна. А если нет, вместо меня пред королем будет петь этот гризхолдский бард, который вовсе и не бард, а нечто древнее,

темное и злое, и я даже не знаю, что постигнет нашу землю, когда он допоет свою песнь до конца.

Глава двенадцатая

Вот здесь, ближе ко времени объявленного Декланом состязания, грань между историей и зыбким царством поэзии начинает утрачивать четкость, подобно тому, как четко очерченная граница может колебаться и прерываться, пересекая болото. «Куда же девалась граница?» — может спросить озадаченный историк. Действительно, перед нами — лишь хляби неизведанной территории, по коим мы, не отклоняясь ни на шаг, проследуем ясным, отмеченным не на одной карте курсом истины.

То, что Деклан созвал сход бардов, отмечено во многих источниках. Придворные хроники короля Оро сообщают об этом так: «Наконец Деклан дал королю надежду, что рядом с ним вновь будет бард, способный напутствовать и развлекать, ибо столь велика была любовь короля к музыке Деклана, что впредь он удовольствовался бы лишь лучшим из лучших». Здесь стоит сделать паузу и уделить королю Оро толику сочувствия, так как ни один бард при его новом дворе, сколь бы он ни был одарен, конечно, не мог знать завет-

ных баллад и сказаний его родной земли: Деклан унес их с собой в могилу.

Множество свидетельств, которые мы находим в других хрониках, в личной переписке, в счетных книгах и хозяйственных записях, указывают на отсутствие члена ведущей хронику семьи, «что уехал на равнину Стирл на сход бардов». Все это — недвусмысленные доказательства того, что сход состоялся, лежащие вне пределов поэзии. Действительно, на призыв Деклана откликнулись барды всех сословий — высокие и низкие, далекие и близкие, из богатейших дворцов и грязнейших трактиров, из рыбацких деревень севера, с западных вершин, из соленых южных болот. Со всех уголков Бельдена сошлись на равнину Стирл барды, музыканты, менестрели — всяк, кто имел инструмент или голос.

К счастью, Деклан предоставил жителям деревни недолгие несколько месяцев, отделявших зиму от дня летнего солнцестояния, чтоб подготовиться к этому. Бардам предшествовали строители, ремесленники и торговцы, баржи леса из северных пущ и фургоны с множеством прочих товаров, а за ними, в надежде найти работу после ужасной зимы, потянулись и люди. Можно представить, как, словно грибы после

дождя, росли дома по берегам реки, как облепили они дорогу к школе на вершине холма. С приходом на равнину путников, богатых и бедных, повсюду расцвели постоялые дворы, трактиры и лавки.

Нетрудно догадаться: так было положено начало великому городу, впоследствии ставшему официальной резиденцией правителей Бельдена.

Одновременно с этим он, без сомнения, должен был казаться современникам средоточием волшебства — местом, где звучит музыка всех пяти королевств, и потому вместе с бардами, послушать и подивиться лучшему, что мог предложить Бельден, на сход явилась и их публика.

Но перед этим уходящая прочь тень зимы оставила за собой незнакомца — туманную, двойственную фигуру, коротко, как говорится, «по касательной», упомянутую в поэзии того времени, а в истории присутствующую лишь между строк.

Пришел и он, старейший бард,
От начала времен.
Стар, как поэзия, он был,
Стар, как сама память.
Разбуженные музыкой над Стирлом,
Проснулись камни Костяной равнины,

И вышел он из-под спуда,
Чтобы сыграть первые песни на свете,
Которых никто уж не помнит.

Неизвестный автор.
Из «Схода бардов»

Незнакомец явился первым, в авангарде волны музыкантов, хлынувшей на равнину — казалось, так быстро разосланную Декланом весть могли бы получить лишь деревья да камни Стирла. Некоторое время спустя Найрн понял, что именно так оно и было, до этого же просто дивился действенности Декланова искусства. Стоило старому барду сказать слово — и этот арфист появился едва ли не прежде, чем луна решила сменить фазу.

Ученики, принадлежавшие к «Кругу Дней», удивительно сблизились после гибели Дрю. При всей несхожести их характеров и остроте мнений, теперь их связывал не только тайный древний язык, но и понимание поразительной, захватывающей дух непредсказуемости жизни — ведь даже они, владеющие древнейшим из имен смерти, не смогли разглядеть ее приближения. В те дни, когда зима шла на убыль, они начали собираться по вечерам, раз или два в неделю, в трактире, выстроенном отцом Ши, пивоваром, на том бере-

гу реки. Они пили его эль, рисовали угольками руны на его скрипучих столах, чертили их в золе, сыплющейся сквозь решетку камина, и втайне от непосвященных бросали друг другу вызовы на одном языке, чтобы соперник ответил на них письменами другого.

Найрн, все еще старавшийся совладать со смертоносной силой, кроющейся в древних словах, играл в эти застольные игры с опаской и пару раз рискнул вслух предположить, сколь ценным может стать список слов мэтра Деклана, когда ученики освоят его весь. И с изумлением узнал, что остальные ни о чем не подозревают. Им даже в голову не приходило, что это он метнул свое сердце в сверкающую сосульку, заставив ее рухнуть прямо на голову ничего не ведавшего Дрю!

— Думаешь, хоть кто-то поверит, если ты оговоришь себя? — кратко спросил Деклан, когда Найрн явился к нему объяснить, отчего погиб Дрю. — Ты — крестьянский сын, что пел свои песни свиньям в загоне, едва способный нацарапать собственное имя. Ты не сможешь заявить, что обладаешь таким могуществом, не представив доказательств. А как ты это сделаешь, отравленный всеми своими страхами? Гибель Дрю была случайностью. Оставь как есть. Не береди эту

рану.

— Все ложь да ложь, — с горечью отпарировал Найрн, белый от ужаса, расхаживая вокруг старого барда, сидевшего за столом в кабинете. Деклан сверкнул на него золотыми глазами, но ничего не ответил. — И… Да, ты прав. Теперь я всего боюсь. Я слишком мало знаю, чтоб понимать, как соблюдать осторожность. Это было все равно что погубить человека любовной песней, которую поешь совсем не ему. Ведь я даже не помышлял о смерти. Однако…

— Смирись с этим. Сделанного не исправишь. Учись на ошибках, чтобы не повторять их.

— Я могу просто бросить все это. Взять — и бросить. Не нужно мне волшебства. Довольно арфы да дороги…

— Ты зашел слишком далеко и узнал слишком много, чтобы вернуться назад к неведению, — ровно ответил Деклан. — Уж лучше научиться управлять своей великой силой, чем носить в себе такую опасность и постоянно бояться ее.

Найрн открыл было рот, но старый бард прочел выражение его лица, а может, и мысли, и не дал ему вымолвить ни слова.

— Подумай, — посоветовал он. — Что лучше — жить в невежестве и вечных сомнениях, или

обладать знанием и быть уверенным, что больше никого не убьешь против собственной воли? В любом случае от этой силы тебе не избавиться. От самого себя не уйдешь. Подумай. А после скажи, что тебе больше по нраву.

С течением дней Найрн понял, что старый бард был прав. И в этом, и в другом: товарищи по «Кругу Дней» действительно попадали бы со стульев от смеха над его притязаниями и самомнением, попробуй он только заикнуться о том, что это он виноват в смерти Дрю.

Никто из них, включая самого Найрна, не заметил, как этот незнакомец появился в трактире впервые. Найрн бросил случайный взгляд на темную массу за столом в темном, самом дальнем от огня углу. Но было в ее виде (а может, не только в виде) нечто такое, что взгляд его скользнул мимо так, будто это была скамья или половица — словом, вещь настолько привычная, что не стоит ее и называть. Все они приближались ко дну первой кружки пива и, раз уж отец Ши ушел в пивоварню, а иных гостей в трактире вроде бы не было, шумно спорили о том, какие тайны могут скрываться внутри слов-палочек, как вдруг рядом, словно из ниоткуда, раздались отчетливые звуки настраиваемой арфы.

Все вздрогнули от неожиданности, а Оспри и вовсе подскочил так, что опрокинул недопитую кружку. Видя их изумленные взгляды, сидевший в темном углу человек, чье грубое морщинистое лицо над арфой в широких короткопалых ладонях вдруг сделалось удивительно хорошо различимым, заговорил первым.

— Так вы, значит, и есть его ученики? Ученики мэтра Деклана? Того, что созывает всех на состязание?

Ши гулко сглотнула, откашлялась, очищая горло от всех следов языка палочек.

— Да.

Неожиданно взволнованная, она поднялась из-за стола и рявкнула во весь голос:

— Пап! Гости!

— Иду! — живо откликнулся ее отец.

— Быстро же ты добрался, — заметил Оспри, поднимая опрокинутую кружку.

— Я как раз шел через равнину… — голос его был глубок и хрипл, как шорох гальки в волнах прилива. — Так я, выходит, первый?

— Не считая нас, — многозначительно ответил Блейз.

Лицо незнакомца озарилось мимолетной улыбкой — или то был лишь внезапный отсвет

пламени очага?

— Да, не считая вас. Уж вы-то пришли сюда самыми первыми, — он тронул струну, но тут же неуверенно поднял бровь. — Пожалуй, раз уж вы и сами — барды, так вряд ли подбросите мне монетку за мою музыку. Но я совсем на мели и сух изнутри, как камень.

— Хочешь — играй, — пожав плечами, ответила Ши. — Может, придут еще гости и решат, что твоя музыка стоит…

— Играй, — перебил ее Найрн. — Я поставлю тебе пиво.

— И я, — поддержал его добряк Оспри.

На сей раз улыбка незнакомца была отнюдь не иллюзорной.

— Очень любезно с вашей стороны, — пробормотал он.

Его пальцы касались струн слегка неуклюже, будто ему давненько не доводилось играть. Но ноты звучали чисто, нежно и без ошибок. Найрн, как обычно слушавший со всем возможным вниманием, время от времени слышал знакомые фразы, но всякий раз мелодия сворачивала с проторенного пути в совершенно неожиданную сторону. Эту музыку незнакомец не мог перенять ни в Приграничьях, ни в любом из королевств,

где довелось странствовать Найрну, включая сюда и равнину Стирл. Простая, красивая, полная призраков знакомых мелодий, она казалась очень и очень старой.

— Откуда ты? — спросил Найрн, когда пивовар принес арфисту его пиво и незнакомец осушил кружку до половины.

Арфист был немолод, крепок и коренаст, как кузнец; его старые кожаные сапоги и штаны порядком испачкались в дороге. В темных волосах и щетине на подбородке серебрилась седина. Под стать арфисту была и его арфа — простая, потертая, повидавшая виды. Странны были его глаза, оба синие, но один светлый, а другой темный, словно один — для света дня, а другой — для сумерек. Казалось, эти глаза, чуть суженные в любопытном прищуре, всегда готовы к улыбке.

Наконец незнакомец опустил кружку на стол.

— С верховьев реки.

— С верховьев Стирла?

— С самых северных границ равнины, — кивнул незнакомец. — А зовут меня Уэлькин[5].

— Издалека же ты шел. Наверное, и есть хочешь?

---

[5] Примечания: 5

Уэлькин (*англ.* Welkin) — небосвод, небесная твердь.

Пробежавшись пальцами по струнам, незнакомец окинул Найрна непроницаемым взглядом.

— Может, и да, — неуверенно сказал он. — Как тебе нравится моя музыка?

— Очень нравится, — улыбнулся Найрн. — Песен, что ты играл, я в жизни не слышал.

— О, все они так стары. А ты — очень любезный юноша.

— Мне и самому довелось побродить. Я знаю, что такое дорога.

Найрн покосился на Ши. Та раздраженно вздохнула и поднялась на ноги.

— Пап! Поесть!

— Иду!

Набросив на плечи плащ, она коротко бросила Найрну:

— Раз уж мы кончили разговор, я возвращаюсь наверх. Блейз, ты идешь? — Блейз неохотно заерзал и встал, одновременно с этим допивая пиво. — Одна в потемках я возвращаться не согласна. Особенно после того, что стряслось с Дрю.

— Я останусь и вернусь с тобой, — мрачно сказал Найрну Оспри. — Помогу отбиться от подтаявших сосулек.

— Не смешно! — огрызнулась Ши.

Резко развернувшись, она двинулась к выходу.

Блейз потащился за ней.

— Пап! Спок-ночи!

— Спокойной ночи, девочка моя!

Найрн с Оспри остались пить пиво и слушать Уэлькина после того, как тот опорожнил еще кружку и миску корнеплодов с тушенной в пиве бараниной. Когда Оспри улегся щекой на стол и захрапел, Найрн разбудил его, бросив на стол несколько позеленевших монет из Приграничий, и поднялся. Услышав сквозь музыку звон медяков, к ним вышел попрощаться тучный краснощекий пивовар. Закончивший песню Уэлькин подошел к камину погреться, прежде чем тоже уйти в ночь.

— Где остановишься? — спросил его Найрн.

— Найду местечко, — неопределенно ответил арфист, кладя арфу на стол и протягивая ладони к огню. — С этим трудностей никогда не бывало.

— Ты мог бы найти ночлег в школе.

— Может, и загляну как-нибудь вечерком.

Кутаясь в плащ перед тем, как выйти на мороз, Найрн пригляделся к арфе Уэлькина поближе. Оказалось, царапины на ней сделаны острием ножа, и вовсе не в случайном порядке. Их линии тут же сложились в очень знакомые знаки, заставив замереть все мысли.

Словно услышав сумятицу в его голове, арфист отнял руку от тепла камина и потянулся за арфой.

— Благодарствую за пиво и ужин, — сказал он.

Найрн проводил взглядом арфу, скрывшуюся в засаленном чехле из овечьей шкуры, и поднял глаза на него.

— Доброй вам ночи, юные мэтры, — с загадочной, едва уловимой улыбкой сказал Уэлькин.

— Оставайся, — коротко предложил пивовар. — Поспишь здесь, у огня. Ночь нынче не из приятных.

Арфист покачал головой.

— Спасибо, хозяин, обойдусь. Не впервой.

Он вышел за порог. За ним, зевая во весь рот, последовал Оспри. Закрыв за собой дверь, Найрн сделал шаг и тут же наткнулся на него: Оспри замер, как вкопанный, озадаченно озираясь и пристально вглядываясь в путаницу теней на озаренном луной снегу.

— Этот арфист… он просто взял да исчез! Просто так… — стуча зубами, проговорил он.

— Пусть его. Идем, — ответил Найрн, увлекая товарища за собой. — Ты же слышал, что он сказал.

— Но…

— Не сомневайся. Такой не пропадет.

К тому времени, как Найрн увидел этого арфиста вновь, суровая зима наконец-то ушла прочь, уступив место весне. Равнина снова покрылась травой, зазеленела до самого горизонта, пологие пригорки слились с ярко-голубым небом. Воды Стирла разлились во всю ширь, принося с собой музыкантов, рабочих, лес для строительства и домашний скот, чтобы кормить приезжающих. Равнина упрятала былую тишь глубоко в землю; ныне над ней без умолку стучали молотки и скрипели колеса фургонов; гомон толпы, смешанный с красочным буйством всевозможных мелодий, напоминал Найрну скотный двор перед утренней кормежкой. Каждое утро над травой, будто семейки грибов, поднимались новые и новые круги роскошных шатров и скромных палаток, тут же обраставшие бахромой лавок, торговавших всем, что только можно себе вообразить. С рассвета до полуночи пылали костры, на которых готовилась пища, немедленно раскупавшаяся приезжими бардами. Уже к середине весны деревню, такую маленькую, студено-серую зимой, стало просто не узнать. Повсюду, будто по волшебству, росли новые здания, одни — чтобы исчезнуть спустя пару месяцев после состязания, другие — чтоб

пережить не одно поколение.

Найрн постоянно вглядывался в толпу приезжих в поисках таинственного барда, знавшего язык древних камней и вырезавшего его знаки на арфе. Что было сказано на арфе, он вспомнить не мог: письмена-палочки исчезли под чехлом арфы так быстро, что совершенно смешались в его голове.

Зато слова, сказанные Декланом после того, как Найрн поведал ему об этом арфисте и старый бард наконец обрел дар речи, запомнились все до единого.

— Найди его, — резко сказал Деклан. — Найди и приведи ко мне.

Вновь замолчав, он обошел свой кабинет в стенах башни, спиралью тянущихся ввысь, а затем скупо добавил:

— Одно дело — бросить вызов забытому всеми чужеземному волшебству, и совсем другое — встретиться с тем, кто его не забыл. Будь осторожен.

Этому Найрн удивился: чудной арфист показался ему человеком вполне безобидным и в меру воспитанным. Однако человек, сумевший так обеспокоить невозмутимого Деклана и скрыться в тени и дыму печных труб, не оставив следов на

снегу, разжег в нем невероятное любопытство, и он принялся искать Уэлькина повсюду. Но даже пивовар, чей трактир уже к началу лета просто ломился от музыкантов, не видел его с того самого зимнего вечера.

«Должно быть, его отпугнул весь этот шум, — решил Найрн. — Или грядущее состязание».

В самом деле, на равнину съезжались придворные барды со всего королевства, игравшие куда более затейливую музыку, чем Уэлькин, на инструментах, украшенных не простой вязью царапин, а золотой филигранью. И, когда колокольчик у парадного входа однажды утром зазвонил, Найрн, проходивший мимо, рассеянно отпер дверь, ожидая увидеть за ней всего лишь еще одного музыканта, только что прибывшего на равнину и наивно рассчитывающего на немедленный интерес и внимание самого Деклана.

— Я слышал, Деклан хочет видеть меня, — сказал музыкант.

Этот глубокий, рокочущий, грубоватый голос лишил Найрна дара речи. Вцепившись в крепкую, мускулистую руку Уэлькина, он втащил странного барда внутрь, пока тот опять не исчез.

— Да, — сказал он, ведя арфиста через пустой холл к боковому входу в башню, чтоб миновать

кухню, где, судя по плеску и звону, Мэр мыла в котле горшки. — Хочет. Я ищу тебя не первый месяц. Ты покидал равнину?

— В некотором роде — да, — согласился Уэлькин. И добавил, словно для пущей ясности: — Но теперь я снова здесь.

— В некотором роде… — выдохнул Найрн. — Это в каком же?

Ответа он не ждал. И верно: идя по винтовой лестнице наверх, Уэлькин лишь молча поглядывал в узкие щели окон.

— Странное место для башни, — наконец сказал он. — Для чего же ее здесь выстроили?

— Может, это был маяк. Или дозорная башня. Не знаю. Никто не знает. Она много старше памяти любого в округе. А как ты узнал, что Деклан хочет тебя видеть?

Уэлькин только пожал плечами:

— В такой толпе вести разносятся сами собой.

Найрн оставил надежды.

— Долго же они до тебя шли, — сухо заметил он, гадая, на каком языке дошли до Уэлькина именно эти вести.

Очередной виток лестницы привел их к распахнутой двери и Деклану, стоящему на пороге. В том ли, ином ли роде, весть о приходе Уэлькина

опередила их по пути наверх.

Не сходя с места, Деклан и Уэлькин смерили друг друга коротким взглядом. Затем губы Уэлькина дрогнули в сдержанной улыбке, обрамленной двумя веерами морщин, и Деклан отступил в сторону, чтобы он смог войти.

— А мне… — неуверенно начал Найрн.

— Останься, — хором ответили оба.

Следуя за Уэлькином, Найрн вошел в кабинет Деклана. Уэлькин мягко прошелся по комнате, разглядывая небольшую коллекцию редких инструментов на стенах. Деклан не спускал с него глаз. Внезапно обернувшись, Уэлькин произнес нечто гортанное, неразборчивое. Силясь понять его, Найрн уловил внезапное потрясение, поразившее Деклана, будто незримая молния.

— Ты говоришь на нем, — прошептал Деклан. — Ты знаешь, как он звучит…

Уэлькин метнул в его сторону новую улыбку.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Я не слыхал этой речи даже в чьих-нибудь мыслях лет этак… Впрочем, к чему тебе эти подробности…

— Кто ты?

Уэлькин провел пальцем вдоль изгиба бараньего рога с рядом отверстий, окаймленных золотом.

— Средь равнины из костей, — негромко сказал он, — посреди кольца камней…

— Я не ослышался? — хрипло спросил Деклан.

— Нет, не ослышался.

Открыв чехол арфы, Уэлькин извлек инструмент и показал Деклану слова-палочки, вырезанные во всех возможных местах. Теперь их узнал и Найрн.

— Вырезал здесь, чтоб не забыть… — коснувшись одной из строк, он поднял разноцветные глаза и взглянул в глаза Деклана. — Старая, видавшая виды арфа — вот и все, что есть у меня против прекрасных затейливых инструментов всех этих придворных бардов. Но может, она и сгодится. Надеюсь, что так. Я, видишь ли, сызнова могу потерять все, и потому уж постараюсь победить, — отведя глаза от Деклана, Уэлькин отвернулся к широкому окну в каменной стене. — Река… Какой приятный вид… Что ж, если у тебя все, увидимся в день состязания.

Кивнув совершенно сбитому с толку Найрну и старому барду, едва успевшему раскрыть рот, он исчез — растаял, словно луч солнца, зашедшего за тучу.

Найрн шумно перевел дух. Деклан закрыл рот. Он был непривычно изумлен и мрачен.

— Кто это? — с дрожью в голосе спросил Найрн. — Кто же он такой?

Деклан попытался ответить, но, очевидно, ответы, рвавшиеся наружу, смешались так, что он не смог проронить ни слова. Подойдя к Найрну, он взял его за плечо и стиснул пальцы так, словно невзначай выпал за окно и изо всех сил старался удержаться от падения.

— Ты должен победить, — строго сказал он и слегка встряхнул Найрна, точно для того, чтобы сказанное поглубже да понадежнее улеглось в его голове. — Должен. Иначе победит он, и я понятия не имею, кому открою двери ко двору короля Оро своей же собственной рукой.

— Но я…

Совиные глаза, устремленные в глаза Найрна, полыхнули огнем.

— Ты должен победить. Во что бы то ни стало.

Глава тринадцатая

Фелан сидел на полу в полуразрушенной башне в окружении пыльных томов. Поверх камней лежал потертый ковер, почти такой же древний, как и счетные книги, первая из которых была начата во времена самого Деклана. Уносить эту забытую всеми историю украдкой было как-то неудобно, и Фелан решил дождаться разрешения Бейли Рена. Книг — толстых, скрупулезно составленных реестров всех скучных бытовых подробностей давнего прошлого школы — скопилось более трех дюжин. «Трею Симсу, лесорубу, за рубку и доставку двух подвод леса с севера… Хейли Коу за девять бочонков эля и пять бутылок вина из ягод бузины… Гару Хольму за шесть жирных лососей из Стирла и дважды по стольку же щук… Принята в пользу школы плата за стол и кров для ученика Анселя Тигса от его отца, вновь с запозданием… Принята в пользу школы плата за ночлег для мэтра Гремела с двумя слугами, следующего через равнину проездом…»

Фелан прекрасно понимал, отчего Бейли держал кабинет и спальню здесь, в этих холодных

стенах, а не в комфортабельной, недавно отреставрированной части древнего здания. Экономы писали и хранили историю школы, и древние камни стен пропитались ею насквозь. Здесь жил сам Деклан, под этими сводами до сих пор витали отголоски музыки первого придворного барда бельденского короля. Фелан с Зоей еще детьми излазали башню вдоль и поперек. Истертые ступени спиралью карабкались вверх вдоль округлых стен, мимо оконных проемов немногим шире лезвия ножа, на миг открывавших взгляду скупые, узкие полоски видов на город и Стирл. Ступени вели к тесным комнаткам, где покрывалось пылью и совиным пометом то, что не смогли унести за собой схлынувшие воды минувших столетий. Кабинет эконома располагался наверху, под самой крышей. Еще выше было лишь небо да обломки стен, некогда ограждавших комнаты, ныне открытые всем ветрам неведомой силой, сорвавшей с башни верхушку. Здесь, на той высоте, на какую только можно было взобраться по полуразрушенным ступеням, маленькие Фелан с Зоей часто сидели, пели солнцу и восходящей над равниной луне и дивились тому, как эти древнейшие в мире слова шествуют мерной царственной поступью в ночи и при свете дня,

не удостаивая вниманием шумный город, как короста покрывший берега древних вод.

Здесь, под луной, на вершине полуразрушенной башни, они с Зоей однажды попробовали заняться любовью. Фелан вспоминал это с неизменной улыбкой. Однако оба они слишком хорошо знали друг друга, потому-то эксперимент и завершился одновременно успехом и неудачей. Оба были искренне рады этому знанию, но удовольствоваться друг другом не позволяло любопытство.

«Сей день руку к сему приложил Лайл Ренне, школьный эконом…»

Фелан задумался, закрыл книгу и потянулся за следующей.

«Сей день руку к сему приложил Фаррел Ренн…»

Заинтригованный, он отложил и эту книгу и раскрыл еще одну. А за ней — еще. Дни, месяцы, годы, столетия жизненной прозы: новая лохань для кухни; полдюжины ученических мантий от швеи Кассел; повышенная до должности кухарки судомойка; три мешка муки; найм нового мэтра; гроб к похоронам скончавшегося от старости мэтра; уплачено из школьных средств повитухе за прием родов у ученицы, родители коей отказались забрать ее домой… И все эти записи день

ото дня подписывал кто-то из Ренов! Точно завороженный, Фелан листал страницы, все дальше и дальше углубляясь в прошлое. С течением времени почерк грубел, буквы меняли форму, правописание утрачивало строгость, становясь все капризнее и своенравнее. Рены превратились в Ренне, а потом в Реннов, чтобы затем, будто прыгнув вперед сквозь время, сделаться Ренами вновь.

— Рен… — пробормотал Фелан.

Дверь распахнулась, и в комнату, словно откликнувшись на его зов, вошел Бейли Рен. Фелан изумленно уставился на него — на этот осколок прошлого. Седина в золотистых волосах, глубокие морщины на строгом лице… Казалось, он замер на пике вечности.

— Что? — мягко спросил эконом, увидев выражение его лица.

— Вы же здесь, — изумленно проговорил Фелан, — с самого основания Бельдена! Как династия Певереллов!

— Да, кто-то из Ренов служил в этой школе всегда, со дня ее основания. В каждом поколении рождался некто, имеющий вкус к точности, к порядку, к ведению счетов. Действительно, выглядит как наследственная должность.

Фелан поднялся с пола, отряхнулся от пыли веков и нахмурился, вспомнив о нынешнем поколении.

— Что-то я не вижу здесь записей, сделанных Зоей.

— Я тоже, — с сухой невеселой усмешкой ответил Бейли. — Сам удивляюсь: как это истории удалось ее обойти? — он бросил взгляд на неопрятную груду книг у ног Фелана. — Ищешь что-то определенное?

— Да. Все, что касается Найрна.

— О-о, — негромко протянул Бейли.

— А также так называемого «Круга Дней».

На это эконом только покачал головой.

— Всех счетных книг я не читал. Упоминание Аргота Ренне о Найрне помню. А вот что могло иметься в виду под «Кругом Дней»… Понятия не имею. Если это было связано с получением или выплатой денежных сумм, то где-нибудь в записях да найдется.

Фелан поразмыслил над этим.

— В любом случае нужно с чего-то начать. Отчего бы не с начала? Нельзя ли взять самые ранние книги домой?

Мэтр Рен задумался, приняв такой вид, будто Фелан спросил, нельзя ли взять с собой его

палец.

— Эти книги никогда не покидали башни. Если сумеешь уговорить их выйти за порог…

Фелан ушел, унося с собой три самых древних тома и поручившись всем состоянием отца, что не забудет их в трамвае и не обронит в Стирл. Дом встретил его тишиной. И Софи, и Иона куда-то ушли — скорее всего, по совершенно разным делам и в совершенно разные стороны. Устроившись на софе, Фелан раскрыл первую книгу и всего дюжину страниц спустя ушел в чтение с головой.

Отвлек его только Саган, вошедший спросить, не надо ли зажечь лампы, и будет ли Фелан этим вечером ужинать дома.

— Нет, — ошеломленно ответил Фелан, скатившись с софы и собирая книги. Мысли путались: казалось, в голове борются два бесконечно разных столетия. — Спасибо, я ухожу.

— Позвольте, я уберу ваши книги.

— Нет, — поспешно ответил Фелан, тут же представив себе, как пьяный отец находит их, листает его закладки и фыркает от смеха над тем, в какие дебри заплесневелого прошлого зашло исследование сына. — Я спрячу их сам.

Он шел вдоль реки, почти не замечая, как

зажигаются в сумерках, отражаясь в воде разноцветными сполохами, окна и фонари. Вечер выдался теплым, по водной глади среди сверкающих фонарями роскошных барок, отошедших от пристани, чтоб их пассажиры поужинали над рекой, сновали торговые ялики. Возможно, на одной из этих барок была и мать. Иона же, скорее всего, сидел на верхушке стоячего камня с бутылкой в руке, пытаясь затеять спор с луной. Фелан шел, сам не зная, куда, и ничуть не удивился, когда, спустя милю-другую, ноги сами собой свернули в старейший кайрайский трактир, стоявший у самого берега реки, — в «Веселый Рампион».

Внутри обнаружилась шумная, пестрая толпа — ученики, мэтры, рыбаки и докеры, возвращавшиеся домой с реки, и богато одетые гости, явившиеся из города. Оглядевшись в поисках Ионы и не увидев его, Фелан облегченно вздохнул. Чейз Рампион радушно приветствовал его, принес ему пива и удалился. Оставшись в одиночестве среди шумной толпы, Фелан уставился в закопченное круглое оконце, глядя на чаек, кружащих над темнеющей водой.

Между первым появлением Найрна на страницах счетных книг и исчезновением его имени из записей явно произошло нечто необычайное.

Нечто, скрытое между строк — столь кратких, будто первый школьный эконом, Дауэр Рен, писал их сквозь накрепко стиснутые зубы. «Сего дня уплачено из школьных средств Вилу Хоумли, каменщику, за починку того, что служит теперь крышей башни, и уборку упавших камней со школьных земель». За пару дней до этого из школьных средств было уплачено «Саликс, за заботу о незначительных ранах школьного эконома, а также Брикстону Мару, столяру, за новый стол и кровать для него же. Чернила и новая чернильница приняты от Саликс и со школьной кухни с принесением благодарностей».

Очевидно, прямо посреди состязания бардов древняя школьная башня рухнула, взорвалась или дала трещину. Отчего? От старости, от землетрясения, под внезапным порывом ветра, под тяжестью рухнувшего дуба? Об этом эконом умолчал. Что бы ни произошло, прихода и расхода это не касалось.

— Фелан!

От неожиданности Фелан вздрогнул. Кто-то тихонько скользнул в свободное кресло за его крохотным столиком. Отвернувшись от окна, Фелан с облегчением увидел, что это Зоя: по крайней мере, с ней можно было обойтись без пустой

болтовни.

Лицо ее было на удивление странным — такого выражения Фелан не видел на нем ни разу за многие годы, проведенные вместе. Подошедший трактирщик поздоровался с ней и подал бокал ее любимого вина.

— Спасибо, Чейз, — сказала Зоя, поцеловав его.

Чейз Рампион задержался у столика, подобно Фелану, удивленный рассеянностью в ее взгляде и глубокой складкой меж сдвинутых бровей, но тут же отошел на чей-то зов, и Зоя глубоко вздохнула.

— Фелан, — негромко повторила она, коснувшись его запястья холодными пальцами.

— Что? — встревоженно спросил он. — Что-то с твоим отцом? Или с моим?

— Нет. С Кеннелом.

— Он умер?

Зоя замотала головой и склонилась к нему еще ближе.

— Нет. Он… он собирается созвать состязание бардов. Он хочет уйти в отставку.

Изумленный, Фелан откинулся на спинку скрипучего кресла.

— Прямо сейчас? Я думал, он умрет на посту лет через десять-двадцать, под звук струн арфы,

разорвавшихся вместе с его сердцем.

— Нет.

Зоя ненадолго умолкла. Фелан терпеливо ждал, не сводя с нее взгляда.

— Он… он такое сказал… даже не знаю, не вообразил ли он себе все это… Но он хочет… Да, Фелан, а ты участвовать будешь?

Он в ужасе поднял брови.

— Конечно, нет.

— Вот это хорошо. Не хотелось бы мне состязаться с тобой. Кеннел сказал… он меня попросил выступить.

— Естественно, он хотел бы видеть на своем месте тебя.

— Я пыталась отговорить его уходить в отставку, но, кажется, он совсем пал духом.

Зоя сделала глоток вина, и хмурая складка меж ее бровей сделалась еще глубже. Фелан пристально взглянул ей в глаза.

— Интересно, о чем ты не договариваешь? — задумчиво спросил он.

— Только кое о чем, сказанном Кеннелом, — поставив бокал на стол, Зоя рассеянно обмакнула палец в вино и провела им по краю бокала, о чем-то думая под пение стекла. — Вначале я хочу убедиться, что он прав. Поэтому… лучше не

спрашивай, ладно? Я все расскажу, когда придет время.

— Ладно, — согласился Фелан, хоть и был не на шутку озадачен.

Вдруг глаза Зои расширились. Услышав позади топот и голоса, ворвавшиеся в зал сквозь распахнутую дверь, Фелан оглянулся. Кто-то окликнул Зою по имени, она на миг прикрыла глаза и тут же раздвинула губы в улыбке. К столику подбежал Фрезер, а следом за ним — и Кельда. «Будто на скачках», — с легкой досадой подумал Фелан, хотя, если бы ему и взбрело в голову поставить на одного из этих скакунов, то уж точно не на Фрезера.

— Идемте с нами! — умоляюще воскликнул юноша. И с запозданием добавил: — И вы, Фелан, тоже!

— Нет, спасибо. Я уже ухожу.

Фрезер слегка понизил голос.

— Там, на заднем дворе, Кельду ждут остальные. Он собирается учить нас древнему языку. Говорит, эти письмена волшебные! Мы очень надеялись вас отыскать. Зоя, вы должны присоединиться к нам. Мы создадим тайное общество… — услышав хмыканье Кельды, он осекся и покраснел. — Да, наверное, теперь уже не тайное,

раз я проболтался.

Зоя перевела взгляд с его разгоряченного лица на барда лорда Гризхолда. В ее глазах вновь мелькнула затаенная тревога, совсем не вязавшаяся с ослепительно-яркой улыбкой.

— Волшебные? — переспросила она.

— Гризхолдский фольклор, — с готовностью объяснил Кельда. — Вот, подхватил в странствиях… Вероятно, его породили упражнения древних бардов. Фрезер завел разговор об этом, и я…

Фелан захохотал, и бард устремил на него вопросительный взгляд.

— В последнее время Фрезер только об этом и думает. Рад, что хоть кто-то сможет, наконец, ему ответить. Лично я в вопросах волшебства начисто лишен чутья и слуха.

— Да, так я и подумал, — жизнерадостно откликнулся приезжий бард, не трудясь объяснить, что имеет в виду.

— Пожалуйста, идемте с нами, — все с той же мольбой сказал Фрезер Зое. — Кельда говорит, ваш голос — сам по себе волшебство, а в тот день вы поняли, о чем я спрашивал. Ведь поняли же, я чувствовал!

На миг улыбка Зои сделалась искренней.

— Что ж, интересно будет узнать, какими закли-

наниями Кельда сумел развеять твой мрачный вид, — сделав глубокий вдох, она задержала дыхание и с бесшабашным видом поднялась из-за стола. — Отчего нет? Хотя бы послушаю.

— Прекрасно! — рука Кельды опустилась на плечо Фелана, надежно удерживая его на месте. — Конечно, я бы и вам был рад, но у вас, кажется, дела…

— Совершенно верно, — ответил Фелан, не делая попыток встать и глядя, как Зоя дрожащей рукой подносит к губам бокал.

Не глядя ему в глаза, Зоя в два глотка осушила бокал до половины и ослепительно улыбнулась.

— Куда мы идем?

— Сквозь заднюю дверь, — ответил Кельда, махнув рукой в сторону группы, ждавшей его у дальней стены, — туда, где намного спокойнее. Сегодня вечером — совсем недалеко. Ну а потом… кто знает, в какие дали?

— Я! — громким, нетрезвым голосом сказал вдогонку уходящим кто-то за спиной Фелана.

Фелан закрыл глаза, сдерживая стон. Кельда едва уловимо замешкался на полушаге, но тут же, не оборачиваясь, продолжил путь к выходу. Фрезер изумленно оглянулся, но Зоя твердой рукой увлекла его за собой, препоручив возникшую

проблему Фелану.

Фелан поспешно поднялся. Доселе не замечавший его Иона озадаченно заморгал, будто увидев перед собою призрак.

— А ты что здесь делаешь?

— Пиво пью, — ответил Фелан. — Присоединишься?

— Нет, спасибо. Я думаю присоединиться к тем, кто только что ушел.

— Не помню, чтобы тебя приглашали. И, кстати, мне нужно с тобой кое о чем поговорить.

— Позже. Вначале я с этим бардом поговорю кое о чем. О косточке в лососевом паштете.

— Отложи на потом, — умоляюще заговорил Фелан, которому вовсе не улыбалось гоняться за отцом по улицам, чтобы предотвратить драку. — Мне очень нужно знать, отчего верхушка школьной башни посреди первого состязания бардов разлетелась в куски, завалив обломками все вокруг и едва не убив эконома.

От изумления Иона на время забыл о своей неприязни и медленно опустился в единственное на весь зал свободное кресло.

— Что ты такое прочел, мальчик мой?

— Записи школьного эконома.

— Дауэр Рен писал об этом?

— О выплатах за новую крышу, за расчистку прилежащих земель, и какому-то Салису за лечение…

— Саликс.

— Словом, тому, кто лечил эконома после того, как крыша рухнула в его комнаты.

— Той. Это была женщина.

— Кто? Дауэр Рен?

— Нет. Саликс.

— Короче говоря, он — то есть Дауэр Рен — написал обо всем, что стоило денег, — сделав паузу, Фелан пристально взглянул в глаза отца. — Значит, ты тоже читал это?

— Нет. Я и понятия не имел… Но не могло же выйти так, чтобы… Что именно он говорил о разрушенной башне?

— Почти ничего. Только о выплатах за три гроба для отправки домой останков двоих учеников, погибших под обломками…

— Двоих?

— Третьего так и не нашли. Вероятнее всего, его разнесло на куски, как верхушку башни, хотя предположений на этот счет эконом не высказывал. Написал только одно: поскольку родственники Найрна неизвестны, а тело для помещения в третий гроб не отыскано, означен-

ный гроб отправлен назад к столяру, а средства, уплаченные за него, возвращены.

Подошедший официант промокнул со стола капли вина, пролитого Зоей, и поставил перед Ионой кружку пива, покрытую шапкой пены. Все это время сын молчал, испытующе глядя на отца.

— Странно, — наконец пробормотал Фелан. — Поначалу это от меня ускользнуло.

Иона, хмуро уставившийся в кружку, но даже не притронувшийся к ней, рассеянно поднял бровь.

— Я как-то не обратил внимания, что Саликс была женщиной. По-моему, эконом на это специально не указывал, и у меня в голове сложился образ этакого доброго, но строгого деревенского лекаря в окладистой косматой бороде, с пучками волос из ушей… Что ты читал о тех давних годах?

— Ничего.

— Тогда откуда ты знаешь…

— Ничего я не знаю. Оставь эту тему.

— Не могу, — азартно ответил Фелан. — Я решил написать итоговую работу о Найрне и загадочном «Круге Дней». Ты о нем что-нибудь знаешь?

Вопрос по какой-то неведомой Фелану причине

рассердил Иону. Полоснув сына хмурым взглядом, он, наконец, поднял кружку и осушил ее до половины.

— Его переводили раз десять, — брюзгливо ответил он, переведя дух. — Чаще всего скверно.

— Откуда ты знаешь? — с любопытством спросил Фелан.

Отец встал и покачнулся, расплескивая пиво.

— Паскудный из тебя сегодня собутыльник, — посетовал он. — Такими расспросами мне даже твоя мать никогда не докучала. А у меня еще дельце к этому барду.

— Я с тобой, — со вздохом сказал Фелан.

— Нет, — второй раз за этот вечер Фелана придавили к стулу, и рука Ионы была куда тяжелее. — Даже близко к нему не подходи. Сам с ним разберусь как-нибудь.

— Прекрасно, — устало ответил Фелан, надеясь, что Кельда с бандой адептов давно исчезли в кайрайских закоулках. — Разбирайся. Только дай знать, куда тебя упрячут, когда придет время вносить залог.

— Хорошо.

— Вот и прекрасно.

«Да что сегодня на всех нашло? — думал Фелан, глядя вслед отцу. Тот протолкался сквозь

веселящуюся компанию, на ходу прикончил свое пиво, сунул пустую кружку в чью-то протянутую для приветствия руку и исчез. — Кельда просто невыносим, Зоя ни с того ни с сего уходит с ним, несмотря на все свои сомнения и антипатии, Иона, чуть что, щетинится, как еж, все намекают на какие-то тайны, которых отчего-то не желают открывать именно мне…» Похоже, все в этот вечер крутилось вокруг гризхолдского барда. Поддавшись необъяснимо мощному притяжению его орбиты, готовой вот-вот поглотить отца, Фелан вскочил, одним духом прикончил свое пиво и устремился наружу.

Остановившись на верхней ступеньке трактирного крыльца, он оглядел улицу поверх голов толпы в поисках Ионы и вскоре увидел затылок отца, направлявшегося вдоль улицы вниз по реке. Но обзор тут же заслонило какое-то пурпурное пятно, поднявшееся к двери по ступеням.

— Кого ты ищешь?

Фелан моргнул. Рядом, оглядывая улицу, стояла принцесса Беатрис — в пышных пурпурных шелках с голубой, в цвет глаз, оторочкой; темно-рыжие локоны в беспорядке распущены по плечам.

— Отца, — лаконично ответил Фелан. — Он от-

правился искать неприятностей — в лице барда лорда Гризхолда, — осознав, что загораживает путь целой группе нарядно одетых друзей Беатрис, он поспешил посторониться. — Прошу прощения, принцесса.

Та и не шелохнулась.

— Ты о Кельде? Да, вчера вечером они явно узнали друг друга, не так ли?

— Разве? — изумленно спросил он.

— Возможно, мне просто показалось.

Фелан умолк, пораженный ее проницательностью.

— Нет, — медленно проговорил он. — Вы правы. Либо они встречались прежде, либо отец внезапно проникся загадочной неприязнью к совершенно незнакомому человеку.

— Я с тобой, — коротко сказала принцесса.

— Но, принцесса Беатрис…

— Мне нравится работать на твоего отца, и я не хочу терять эту работу из-за какого-нибудь скандала, который мать не сможет оставить без внимания.

Принцесса что-то сказала друзьям. Те со смехом двинулись в «Веселый Рампион».

— В какую сторону он ушел? — спросила она, спускаясь за Феланом на мостовую.

— Вниз по реке. Но, принцесса, стоит ли жертвовать вашими планами на вечер, чтобы полюбоваться, как отец пытается раскроить кому-то голову трактирной вывеской?

— Стоит, — с шумным вдохом ответила она. — А он действительно…

— Да.

— Ладно. Мне все равно предстоял умопомрачительно скучный вечер под постоянную трескотню будущей невестки о брыжах и рюшах.

— Это какая-то новая парикмахерская жуть?

— Лучше тебе не знать. Вон там — не твой отец? Проходит прилавки рыбного рынка?

— Да, — напряженно сказал Фелан. — Благодарю вас, принцесса. Ваше присутствие действительно может удержать его от чрезмерных безумств. Но в подобном состоянии у него в голове такая каша, что слушать его может оказаться… утомительным.

— Утомительнее суженой брата он точно не окажется, — пробормотала принцесса, без видимых усилий держась рядом. Ее высокие лиловые каблучки выбивали резкую дробь из истертой булыжной мостовой. — Сворачивает на рыбный рынок… Кельда может быть там?

— Среди пустых прилавков куда тише, чем в

«Веселом Рампионе»… Уходя, Кельда вел за собой целую орду адептов, которых обещал научить искусству древнего волшебства.

Устремив на Фелана изумленный взгляд, принцесса замедлила шаг.

— Волшебства? Как странно… так вот что у него в глазах…

— У кого?

— У Кельды, — озаренные светом уличного фонаря, щеки принцессы вспыхнули ярким румянцем. Увидев это, Фелан раскрыл было рот, но она быстро замотала головой. — Трудно объяснить.

— И все же попробуйте, — негромко попросил Фелан. — Прошу вас, принцесса. То, что заметили в нем вы, может помочь понять, что видит — или воображает, будто видит — в нем мой отец.

— Прости, — принцесса вновь взглянула ему в глаза и пригладила локоны, точно приводя в порядок растрепанные мысли. — Кельда… Он меня здорово смущает.

— Не вас одну, — мрачно выдохнул Фелан, вспоминая о том, как дрожал бокал в руке Зои, и о необъяснимой одержимости отца. — Что в этом барде такого? Отчего он всех так выводит из себя? О, выходит из-за прилавков.

Принцесса быстро взглянула вперед.

— Кельда?

— Нет, отец.

— Переходит улицу…

— И входит в…

— В «Портовую крысу», — пальцы принцессы с неожиданной силой стиснули его запястье. — Фелан…

— Туда я вас не возьму, — твердо сказал он. — Там полно…

— Портовых крыс?[6] Пожалуй, это послужит для матери одной из самых веских причин, чтобы упечь меня в деревню… Хотя нет — вот он выходит.

«Точнее, вылетает», — подумал Фелан, глядя, как отец, будто вышибленный за дверь сильным толчком, отчаянно машет руками в попытках удержать равновесие. Удача помогла Ионе устоять на ногах, а вот паре проходивших мимо докеров, в которых он врезался спиной, повезло куда меньше. Поднимаясь с булыжной мостовой, оба разразились ему вслед громкой бранью, но он уже сворачивал за угол, и Фелан ускорил шаг.

— Вон он, — сказала принцесса, стоило обоим

---

[6] Примечания: 6

Портовая крыса (*англ.* wharf rat) — вор, босяк, бродяга.

свернуть в узкий, темный переулок — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Иона перепрыгивает через калитку в невысоком белом заборчике, даже не удосужившись ее отворить. — Так. И еще этот цветочный бордюр… Что это — гостиница или чей-то дом?

Узнав выпуклые овальные окна дутого стекла и живописные стены, увитые аккуратно подрезанным плющом, Фелан вздохнул.

— Гостиница «У каменного танцора». Здесь отца знают. Когда я в последний раз отыскал его здесь, он сидел на полу среди содержимого целого чайного подноса, с осколками чайника на плечах и крышкой на макушке…

— Входит… — голос принцессы дрогнул, но тут же вновь зазвучал твердо. — Нет. Идет вокруг здания, к задней двери.

— Значит, мы войдем в парадную. И встретим его на полпути.

— Но отчего он решил, что Кельда здесь? — недоуменно спросила принцесса, спеша за Феланом по дорожке, вымощенной кирпичом. — Кельда вряд ли знает даже окрестности замка, не говоря уж о прибрежных закоулках Кайрая. Что могло привести его в эту респектабельную маленькую гостиницу?

Фелан отворил дверь. Владелец оставил свой пост за затейливой резной конторкой. Все двери вдоль стен видавшего лучшие виды холла были закрыты. Нарисованные на табличках руки с вытянутым пальцем указывали путь: «Столовая», «Библиотека», «Гостиная»… Фелан развернулся туда, куда указывал последний из пальцев.

— Может, подождете меня в библиотеке? — предложил он принцессе, но та молча двинулась за ним.

Резко распахнув дверь в гостиную, Фелан мельком увидел множество призрачных фигур за круглым столом у огромного древнего камина — единственного в комнате источника света — и тут же услышал знакомый звук. Звук нарастал, он загремел в ушах, заполнил собою всю комнату, точно аморфный рев древнего, как сам мир, неведомого существа, воспрянувшего ото сна, чтобы обратить на незваного гостя всю свою ярость.

Звук проник внутрь, переполняя тело, заставляя дрожать каждую косточку от макушки до пят. Какой-то миг Фелан вслушивался в гудение собственных костей, поражаясь тому, как их много, и вдруг услышал голос отца. Струна, которой Фелан стал, жалобно застонала и лопнула, и он с грохотом рухнул на пол, точно безвольная

марионетка.

Мгновение — а может, и целую ночь спустя — он открыл глаза. Впереди, между ножек стола, виднелась задняя дверь в гостиную — распахнутая, повисшая на одной петле, и пара незнакомых башмаков, бурно споривших с другой парой, знакомой, потрескавшейся от множества невзгод, прожившей на свете довольно, чтобы покрыться коркой ракушек в палец толщиной. Третья пара — пара туфелек на изящных лиловых каблучках — приблизилась к Фелану, замедлила шаг и задержалась у стола. Вспомнив эти туфельки, он с трудом поднял голову, чтоб разглядеть лицо принцессы.

Принцесса замерла, разглядывая что-то на столе. Каким-то чудом Фелан отчетливо услышал сквозь набиравшую силу схватку голосов двух пар башмаков ее голос:

— «Круг Дней»…

Туфельки заговорили, застучали по полу, вновь направляясь к нему, и тут Фелан узнал всепоглощающий звук, что проник в его тело до самого мозга костей.

Одну-единственную ноту. Звон струны арфы.

Глава четырнадцатая

Записи экономa ни словом не упоминают о трудностях, с которыми Деклан, несомненно, столкнулся, пытаясь устроить справедливое и организованное состязание среди собравшегося на равнине великого множества музыкантов самого разного уровня. Все это, за исключением нечастых просьб о ночлеге, лежало за рамками прихода и расхода. За этими деталями следует обратиться к иным источникам — хроникам, частной переписке, придворным летописям и даже балладам, ведущим начало от тех нескольких дней. Бард герцога Гризхолдского жаловался летописцу герцога, что в тот первый день ему, наряду с несколькими бардами, прекрасно знакомыми с традициями куртуазной музыки, пришлось состязаться с «менестрелями, уличными дудочниками и прочим того же разбора сбродом». Второй день порадовал его значительно больше: суровые испытания первого дня отсеяли новичков, дилетантов, уличных и кабацких музыкантов, а также тех, кто, умея играть лишь один-два приятных мотива, с самого нача-

ла не питал никаких надежд и явился по большей части для того, чтобы послушать других.

Городскому жителю трудно представить, какой должна была казаться в те дни равнина Стирл тем, кто привык к ее безлюдным зеленым просторам и стоячим камням. Вся равнина «от восхода солнца до заката луны», как выразился один писатель, была сплошь усеяна палатками, фургонами, кострами, шатрами, лошадьми, волами, собаками, при всех сопутствующих звуках, запахах и красках. Школьный эконом приводит список из нескольких знатных приближенных короля Оро, приглашенных Декланом остановиться в школе. В различных хрониках и личной переписке описывается и красочная толпа, и множество разношерстных музыкантов, однако, по мнению лорда Кливера, полководца короля Оро и также неплохого музыканта, «хотя таланты их к музыке и велики, никто из них не обучен тем потребным королю Оро искусствам, что принес в эти погрязшие во мраке невежества земли Деклан».

Никто, кроме, пожалуй, одного необычного арфиста.

«К вопросу о Непрощенном»

«Сей нищий музыкант невеликого обаяния и

неясного происхождения своею незатейливою арфою творил такие чудеса, что и роскошные инструменты бардов знатнейших дворов умолкали под ее звуки. Откуда явился, он не сказал, а назвал себя просто Уэлькин».

Виру Стайд, придворный летописец герцога Гризхолдского. «На равнине Стирл»

К концу первого дня первого состязания бардов на равнине Стирл его имя рвалось со всех уст, катилось по земле, как зачарованный самоцвет, хранящий в себе всю гамму человеческих чувств. Благоговение, отвращение, зависть, смятение, подозрительность, восхищение, вожделение, любопытство, восторг и досаду — все можно было услышать в этом коротком слове, менявшемся всякий раз, как его произносили вновь. Все были поражены: неказистый, оборванный, никому не известный музыкант со старенькой арфой, без родового имени, без прошлого, явившийся откуда-то «с верховьев реки», сумел заставить замолчать искуснейших, опытнейших придворных бардов! В тот первый день его имени чаще всего сопутствовали более простые, знакомые слова: «Кто он?».

Кто же он был, этот Уэлькин? Из каких неведомых мест пришел? Где выучился так играть?

Так, будто на арфу его натянуты струны самого сердца, а рамой и резонатором служат ей кости самой земли, что помнят всю музыку мира с тех пор, как день еще не открыл свое око, и не было ни ночи, ни времени?

Расхаживая в толпе, Деклан с обычной невозмутимостью отвечал, что и сам знает о прошлом странного арфиста не больше всех остальных. Найрн мог бы слушать этакие чудеса всю жизнь и не сходил с места, ошеломленный его мастерством, пока образ невзрачного музыканта с загадочным прошлым, искрой в глазах и силами, о которых сам Деклан мог только догадываться, не заслонила иная картина: Уэлькин, разодетый в кожу и шелка, скачет на коне рядом с королем Оро, дает королю советы и прибегает к своему волшебству, стоит лишь Оро пожелать…

Единственные слова, на которые вдохновила Деклана музыка Уэлькина, он сказал только Найрну и только наедине.

— Сделай что-нибудь, — потребовал он, когда соперники устроили перерыв, чтобы поесть, прежде чем сыграть колыбельную заходящему солнцу.

— Но что? — спросил Найрн, смущенный его страхом. — Он играет лучше, чем я.

— Слушай его.

— Я слушаю. Только его и слушал весь день. А как было не слушать? Он играет такое… должно быть, эту музыку слышали стоячие камни, когда были новее нового.

— Вслушайся в его волшебство, — настойчиво сказал Деклан. — Играя, он использует те самые слова, которым учил тебя я.

— Но как…

— А этому учись у него. Ты знаешь слова, ты обладаешь силой. Учись же пользоваться ей! Этому я научить не могу. Это ты должен отыскать в самом себе. Ты был рожден с этим даром. Я дышу воздухом этой страны, хожу по ее земле, но я не рожден ею, у меня нет в ней корней, как у тебя и Уэлькина. Я обладаю той силой, той музыкой, с какой родился на свет, обертонов и полутонов твоей мне не различить никогда. Теперь ты должен учиться у него. Он знает язык твоей силы.

— Одного я не понимаю, — сказал Найрн с искренним изумлением. — Он хочет стать бардом короля Оро. В нем есть все, что нужно королю. Ради такого, как он, ты и объявил это состязание. Отчего же ты так боишься его победы?

Деклан, безостановочно расхаживавший по своей спальне, будто порожнее судно, кача-

ющееся взад-вперед на волнах, раздраженно отмахнулся.

— Подумай головой. Ты видел слова на его арфе. Он — нечто древнее, поднятое из этой земли разбуженными мною словами и надеждой на второй шанс.

— Какой шанс?

— Шанс обрести смерть, если нам повезет. Может статься, ему только это и нужно. Но вряд ли. Думаю, на сей раз ему нужно все, чего он не смог добиться с первой попытки. Все силы, заключенные в Трех Величайших Сокровищах. Все это он принесет с собой ко двору иноземного захватчика и сокрушит его одним ударом по струне.

Казалось, в горле застрял клубок засохших, спутанных древних корней. Сглотнув, Найрн попятился назад, сделал шаг, другой, уперся спиной в твердые камни и тяжело привалился к ним.

— Что ты хочешь сказать? — голос взвился ввысь, вскружился бешеным вихрем. — Те древние стихи, что ты дал нам… Ты хочешь сказать, все это — правда?

— А что, по-твоему, такое поэзия? — рявкнул в ответ Деклан. — Простое украшение? Прелестный гобелен из слов вместо нитей? Столь древние сказки не сохраняют жизнь без причин. Думаю,

некогда — кто знает, как давно это было — этот арфист рискнул подвергнуться Трем Испытаниям Костяной равнины. И проиграл все три. А о том, что ждет оплошавшего барда, в этих стихах сказано прямо и недвусмысленно.

— Ни песни, ни стиха, — почти беззвучно прошептал Найрн, — ни покоя…

— Ни конца дней.

— Но он же не… он… ты слышал, как он играл. Он не потерял своей силы.

— Так ли это? — Деклан, наконец, остановился прямо посреди скомканной овчины на полу. — Я думаю, волшебство не в нем. Волшебство — в его арфе. Может, он украл ее, может, нашел, а может, ее подарил ему из жалости какой-нибудь умирающий бард. Думаю, если он возьмется сыграть на любом другом инструменте, хоть на простой дудке, все его ноты тут же зачахнут. Струны арфы начнут играть не в лад, свирель рассохнется и даст трещину…

— Но он еще может… ты же видел, как он растворился в воздухе!

— Он прожил долгое время. Кто знает, чему мог выучиться за сотни лет? — Деклан покачал головой. — А может, наш перевод неточен и эти слова означают что-то еще… Кто знает? — он сде-

лал паузу и смерил охваченного дрожью Найрна тяжелым взглядом. — Допустим, он снова откроет путь туда — на ту равнину, в ту башню. На что бы ты пошел, чтобы заполучить такие таланты? Если сердце этой земли раскроется перед тобой, покажет, кем ты мог бы стать, предложит все песни, какие хранит в себе — неужели откажешься? Или все же сделаешь то, что делал всю жизнь, с того дня, как сбежал из свинарника? Ты следовал за музыкой. За ней ты пришел на эту равнину. На это состязание, — он резко отвернулся, не дожидаясь ответа. — Ступай вниз, еще раз прислушайся к музыке этого арфиста и подумай: на что ты решился бы, чтобы играть, как он? Не сможешь найти ответ — все, что уготовано тебе, достанется ему.

Не говоря ни слова, Найрн вышел из башни и спустился с холма на равнину, сиявшую навстречу звездам созвездиями костров, и быстро отыскал в развеселой неразберихе мелодий музыку Уэлькина. Слушая издали, вышагивая, как Деклан, он обошел арфиста раз, другой, третий, но вскоре понял, что круги становятся у́же и у́же, сходятся к центру спиралью. Вот он в последний раз обошел огромную толпу, сидевшую и слушавшую, как Уэлькин обменивается песнями с

одним из придворных бардов, и здесь, в задних рядах, ему пришлось остановиться.

Уэлькин выводил замысловатую мелодию, аккомпанируя куртуазной любовной балладе. Даже в свете костров он казался размытым, расплывчатым, как клякса, как тень. Ничто в нем не привлекало глаз, ничто не задерживалось в памяти. Высокий, плечистый, золотоволосый придворный бард одной из богатейших семей Уэверли был облачен в разноцветную мантию, отороченную золотым шитьем, повторявшим узоры, что украшали его инкрустированную золотом арфу. Были при нем и иные инструменты — длинная флейта черного дерева, маленький барабан, рожок о трех раструбах. Исполняя песню, он легко переходил от одного инструмента к другому, а, значит, не носил всю свою музыку в одной лишь арфе. Он играл песни, которые Найрн едва выучил, на инструментах, не более необычных, чем любые другие.

Найрн понимал: все, чем владеет этот придворный бард, может получить и он сам. Богатство, высокое положение, прекрасные инструменты, неоспоримый талант, позволяющий вот так — добродушно, ободряюще — смотреть на бродячих арфистов из никому не ведомой глуши… Нужно

только выиграть состязание и выстоять перед лицом тех древних испытаний, что Уэлькин намерен пробудить своей музыкой от многолетнего сна.

Башня, котел, камень… Что трудного может оказаться в том, чтоб догадаться, чего они хотят? Да, это слова из стихов, а такие слова всегда означают больше, чем кажется с первого взгляда. Но раз существуют награды, значит, Три Испытания хоть кто-то да может пройти. А если это вообще возможно, то не заказано и Найрну Свинопевцу — тому, кто ушел от собственного прошлого так далеко, как только мог, и теперь нуждается в новых горизонтах!

Чудесная баллада подошла к концу, заслужив множество аплодисментов и неразборчивых возгласов. Придворный бард улыбнулся, величаво простер руку в сторону Уэлькина и сменил арфу на флейту. Уэлькин помедлил, извлекая очередную песню из древнего кургана памяти. Заметив одинокую фигуру за спинами толпы, он шевельнулся, и отсвет костра блеснул в его глазах, словно улыбка.

Первая же нота переполнила сердце Найрна всей сладостью любви, которой он никогда не чувствовал, вторая коснулась его губ поцелуем,

а третья пробежалась вдоль упрямых подколенных жил, и Найрн рухнул в траву, словно камень. Беспомощный перед такой красотой, как ребенок, он, как ребенок, радовался нежданному подарку.

Но тут в голове прозвучал голос Деклана:

— Сила не в нем. Сила в арфе.

В арфе…

Найрн заморгал и увидел, что стоит на коленях, скорчившись, уткнувшись носом в лепестки полевого цветка, сомкнувшиеся под луной. Чувствуя себя крайне глупо, но все еще не в силах противиться такому искусству, он медленно выпрямился. Найдя в себе силы встать, он украдкой отошел прочь и двинулся вдоль реки, вниз по течению, подальше от этого арфиста и его коварной, зловещей арфы, чтобы взглянуть, какие чары сумеет извлечь из собственного инструмента. Однако, кроме пробуждения пары жаб да каких-то непонятных шорохов в кустах, похвастать ему оказалось нечем.

На следующий день таинственный арфист бросил ему еще более явственный вызов.

Первый день состязания заметно поубавил ряды соперников. Менестрелей, певших непристойные баллады на перекрестках и в трактирах ради брошенных в шапку медяков, самонадеян-

ных не по таланту новичков, бардов из усадеб купцов и богатых крестьян, где одни и те же песни играли десятками лет на инструментах, переходящих из поколения в поколение, — всех будто метлой вымело. Все они уступили великим придворным бардам, горстке учеников Деклана и искусным бродягам наподобие Уэлькина. Однако никто из отсеявшихся не ушел: все, как один, остались на равнине послушать, что последует дальше.

На второй день среди состязающихся остались Найрн, Ши и Оспри. Остальные ученики, по настоянию Деклана, выступили накануне — чтобы набраться опыта. Еще в первый день он разделил невероятное множество назвавшихся бардами на три группы, и никому из учеников не пришлось состязаться с Уэлькином.

Теперь три группы по общему согласию и приговору Деклана сократились до двух. В одной из них выступал Найрн, в другой — Уэлькин. Дело пошло всерьез. Придворные барды, расчехлив все имевшиеся при них инструменты, обрушили на противников отточенное мастерство и затейливые песни, охватывавшие всю историю пяти королевств. На это Найрн отвечал песнями, рожденными в морях, туманах и суровых долинах

Приграничий — такими, каких не слышал ни один двор. И все же к концу дня он был немало удивлен, обнаружив себя среди оставшихся, рядом с Оспри, дюжиной придворных бардов и Уэлькином.

Солнце склонялось к закату, залив равнину ярким светом, затем укрыв ее длинными тенями, строгими, как стоячие камни, а затем и скрывшись за горизонтом. Толпа разбилась на мелкие группки, разошлась разжигать костры и готовить пищу. Еще немного — и кто-нибудь заиграет вновь, другой подхватит, и слушатели опять сольются воедино, закружат водоворотом вокруг музыкантов, чтобы вскоре перетечь в другой омут. Не желая еще сильнее расстраивать Деклана своей уверенностью в том, что Уэлькин наголову разгромит даже придворных бардов, Найрн направил стопы сквозь многоцветье палаток, фургонов и шатров к трактиру местного пивовара.

Проходя мимо прекрасного шатра, увешанного яркими гобеленами и увенчанного развевающимся флагом, он увидел знакомое лицо — но откуда оно ему памятно? Он неуверенно замедлил шаг. Воспоминание — высокая грациозная девушка в воздушных шелках, со светлыми

кудрями, перевитыми золотыми нитями, унизанными крохотными самоцветами, стоявшая у костра перед входом в шатер — взглянуло на него в ответ.

И вновь этот взгляд, как когда-то, заставил замереть сердце. Затем она улыбнулась, и сердце забилось опять — чуть беспорядочно, точно крылья, трепещущие в груди. Поспешно обойдя костер под любопытными взглядами кучки роскошно одетых дам, оставшихся позади, она с нетерпением шагнула к Найрну.

— Оделет? — прошептал он.

При виде его замешательства она залилась смехом.

— Ты меня еле узнал! Неужели я так изменилась с тех пор, как ты увидел меня на кухне за разделкой курицы?

— Да, — все так же, еле слышно, выдохнул он. — Нет. Ты выглядишь… ты… Что ты здесь делаешь?

— Ну, как я могла усидеть дома? Здесь собрались лучшие музыканты всего королевства, и я просто не могла не… — она умолкла на полуслове, скривив полные губы в язвительной усмешке и устремив взгляд вдаль, в глубины собственной памяти. — Конечно, пришлось многое пообещать отцу, прежде чем он дал позволение, да еще взять

с собой брата, Бервина. Но все это не так уж обременительно… Мы слышали, как ты сегодня играл. Брат был тронут до глубины души. Я видела. Ты играл ту эстмерскую куртуазную балладу, и глаза Бервина были полны слез. Я и не думала, что тебе знакома подобная музыка. Он даже побился об заклад, что ты победишь. Просто поразительно, как золото умеет найти лазейку куда угодно, правда? Даже в любовь и музыку.

— Да, — снова сказал Найрн, борясь с желанием коснуться ее прохладной бледной щеки, провести пальцем по улыбке на губах. — Деклан учил меня, — объяснил он. — Он хочет, чтобы выиграл я.

— О-о… — понимающе охнула Оделет. Глаза ее потемнели. — Он хочет послать тебя к королю Оро.

— Да.

— Потрясающе! Тогда ты и в самом деле сможешь приехать и поиграть при дворе отца! — вновь чудный, мелодичный перезвон ее смеха. Казалось, от радости у нее слегка захватило дух. — О, вот бы все получилось! Я так надеюсь на это!

Найрн кивнул, проглотив комок, подступивший к горлу.

— И мне хотелось бы этого больше всего на свете.

— Я так скучаю по тем вечерам, когда мы играли и разговаривали… Скучаю по запахам равнины, по свисту ветра, продувающего ее от края до края… — на миг устремив на него глаза, нежно-зеленые, как молодая листва, она бросила взгляд через его плечо и криво улыбнулась. — А вот и Бервин. Удивляется, куда я исчезла.

— Я еще увижу тебя?

— Да. О, да! Завтра. Я буду слушать все твои песни, — ее легкие теплые пальцы коснулись его запястья. — Ищи меня среди зрителей.

— Хорошо, — точно в оцепенении пообещал он. — Хорошо.

Оделет вернулась к своей компании. Найрн провожал ее взглядом, пока пламя костра не разделило их, а после медленно побрел прочь, все еще слыша музыку ее голоса и явственно чувствуя ее мысли. Никакие слова, никакие опасения Деклана не смогли бы придать столь сложному, невероятному делу такую внезапно простую цель: он должен выиграть ради нее.

Трактир был полон народу, но единственным, кого, войдя в дверь, увидел Найрн, оказался Уэлькин.

Сидя на табурете у камина, он негромко играл, его толстые грубые пальцы рассеянно блуждали

по струнам. Вскинув на Найрна разноцветные улыбчивые глаза, Уэлькин проводил его взглядом к креслу, которое приготовили для друга Оспри и Ши.

Глубокий голос, перестук осколков сланца, остановил Найрна на полпути.

— Поиграй со мной.

Найрн молча смерил его взглядом и засмеялся.

— Зачем? Чтобы твоя арфа снова повергла меня на колени?

Уэлькин слегка сощурился. Улыбка не исчезла из его взгляда.

— Так одолей и арфиста, и арфу, — предложил он. — Порви мои струны, повергни меня на колени.

За этим последовал свист зевак, грохот кружек о дерево и радостный крик Оспри:

— Я закажу пива!

Найрн пожал плечами, готовясь к любому унижению. Ладно. По крайней мере, он будет знать, чего ожидать в последний день.

Он вынул арфу, сел на скамью по другую сторону от огня, над которым бурно кипел котел бобовой похлебки со свининой и луком.

— Ужин за счет заведения, — сказал обоим пивовар, радуясь множеству посетителей, среди

которых было и несколько придворных бардов, несомненно, явившихся в его трактир следом за Уэлькином.

— Очень любезно с твоей стороны, — откликнулся Уэлькин.

Коснувшись струн, он завел песню, столь старую и редко исполнявшуюся, что Найрн едва вспомнил, что вышла она из Приграничий — «Загадки Корнита и Корната».

– Снова и снова
По кругу дней
Ходят солнце с луной,
Да моя пара глаз.
Угадай мое имя и овладей
Музыкой моего сердца!

Пальцы Найрна пробежались по струнам, и он услышал собственный голос, без раздумий ответивший:

– Под спудом мира я живу,
Сокрыт я между словами.
Отыщи мое имя в ветре и свете
И тайной души моей овладей!

«Кто ты?» — слышал он в каждой из этих пере-

ливчатых строк. Так, с легкой издевкой, Уэлькин возвращал всем вокруг тот самый вопрос, что все задавали о нем. «А еще он что-то раскрывает», — вдруг понял Найрн. Здесь, между концом и началом этих древних строк, был и вопрос, и ответ. Все, что требовалось Найрну для победы, было здесь, в старом доггереле[7], вновь пробужденном к жизни. Когда возникает нужда, слова говорят именно то, что значат, и в случае этих допотопных — старше стоячих камней — нескладных виршей это было нужно, как никогда.

Найрн углубился в музыку, без запинки отвечая на каждый новый куплет Уэлькина своим, и прежде, чем эта нескончаемая песня подошла к концу и даже придворные барды разразились криками восторга, понял еще кое-что.

Сам факт, что после этого часа — а то и двух, а то и пяти — они еще играют вместе, что Уэлькин и его зачарованная арфа не вышибли Найрна за дверь, обескуражив настолько, чтоб он и думать не смел продолжать состязание, означал одну загадочную вещь.

Уэлькину было что-то нужно от Найрна.

---

[7] Примечания: 7

Доггерель — форма неравносложного «вольного» стиха в старой английской поэзии.

Глава пятнадцатая

О решении придворного барда принцесса Беатрис узнала от матери, призвавшей ее к себе прежде, чем ей удалось удрать из замка, облачившись в комбинезон. Начинался отлив, и вскоре ребята из бригады должны были собраться у Докерского моста, ожидая, когда принцесса на паромобиле подберет их. Перед уходом она надеялась перебросится парой слов с мэтром Берли и расспросить его об увиденных вчера вечером в гостинице «куриных следах», нацарапанных угольком на столе. Но нет: и бригаде, и куриным следам, и любым мыслям о Фелане придется подождать, пока она не явится к королеве, в пурпурную малую столовую.

Как обычно, при виде дочери в штанах и грязных рабочих башмаках королева Гарриет прикрыла глаза и деликатно ущипнула себя за переносицу. И это, как обычно, заставило ее дочь задаться вопросом, отчего мать так и не привыкла к этому — после стольких-то лет раскопок. Как будто думает, будто у нее две дочери по имени Беатрис, и в глубине души надеется, что одна из

них исчезнет окончательно и бесповоротно.

— Да, мама?

Королева открыла глаза и нахмурилась.

— Ты так и не появилась вчера у леди Филиппы на праздновании помолвки Дэймона и Дафны. Это было замечено. Тебя очень ждали.

— Они уже столько раз празднуют помолвку… Я и не думала, что обратят внимание.

— Мне сказали, что ты ушла куда-то с Феланом Кле. Однако никто не смог сказать куда. По крайней мере, никто из знакомых. Ты дни напролет пропадаешь в каких-то грязных ямах, и я — а также отец — решительно возражаем против того, чтобы ты исчезала еще и по ночам.

— Прости, — покаянным тоном сказала Беатрис, не на шутку встревожившись за свою свободу. — Это всего лишь… У Фелана Кле были небольшие неприятности, и…

— Я знаю. Счет за эти небольшие неприятности был доставлен нам с самого утра, на подносе с завтраком для лорда Гризхолда.

Беатрис округлила глаза и изо всех сил сжала губы, сдерживая смех. В голосе матери зазвучали визгливые нотки.

— Старинная задняя дверь вместе с дверной коробкой и петлями того же периода в гостини-

це, пусть и имеющей историческую ценность, но расположенной не в самой респектабельной части доков. И в нанесении ущерба был обвинен бард лорда Гризхолда. Твой дядя едва не лишился дара речи. Подобные мелочи — не для его внимания. Не говоря уж о моем. По-видимому, Иона Кле предложил возместить весь ущерб, но владелец гостиницы, видя его непотребное состояние, усомнился, что наутро он вспомнит хоть что-то, и обратился с претензиями к моему брату. Как получилось, что в этом омерзительном мелком скандале оказалась замешанной ты? Объясни!

— На самом деле это был не… мы были… Откуда ты узнала, что я была там?

— Владелец гостиницы узнал тебя и упомянул как свидетельницу.

— Ой…

Королева Гарриет вновь ненадолго прикрыла глаза.

— Будем считать, он видел тебя на каких-нибудь публичных мероприятиях. Ничего иного я и знать не хочу.

— Да, мама, — с отчаянием вспомнив об отливе, принцесса покосилась на старинные водяные часы на каминной полке. — Мне правда очень жаль. Фелан так беспокоился за отца, что я… я

решила пойти с ним и помочь.

— По-видимому, его беспокойство было не напрасным. Право же, Беатрис, ты бросаешь друзей, исчезаешь следом за пьяным в стельку мэтром Кле, вдребезги разносящим все на своем пути…

— Он не ломал этой двери. Это Кельда, убегавший через задний ход…

— Избавь меня от подробностей, — твердо сказала мать. — Бардам пристало играть со сцены, а не устраивать сцен. Однако… Вначале несчастье с Кеннелом и лососевым паштетом, затем этот скандал, затем я узнаю, что в город вот-вот хлынут целые толпы бардов…

Беатрис подняла руку, но тут же опустила ее, борясь с детской привычкой в недоумении закусывать прядь волос.

— Хлынут?..

— Вне всякого сомнения, если только твой отец не сумеет убедить Кеннела не подавать в отставку. Конечно, с его стороны — то есть со стороны Кеннела — это полный абсурд. Он уже совершенно здоров, если не считать легкой боли в горле, и ему вовсе незачем навлекать на наши головы подобное… состязание.

Следы куриных лап, отблеск в глазах молодого барда, ослепительный свет, вырвавшийся из ка-

ракулей, нацарапанных угольком на столе — все это вдруг слилось в голове Беатрис воедино.

— Кельда… — выдохнула она, озаренная догадкой.

Взгляд королевы сделался ледяным.

— Кельда?

Беатрис тут же пожалела, что не может втянуть сорвавшееся с языка слово обратно в горло.

— Прости, мама, — в который уж раз сказала она. — Я не хотела перебивать тебя. Я постараюсь вести себя не так импульсивно.

— Вот что я хотела сказать… — вдохновленная затрапезным видом и покладистым настроением дочери, королева Гарриет сделала паузу и перешла к новой теме. — Полагаю, — медленно начала она, — тебе пора серьезно подумать о собственном будущем. Отец потакает твоим прихотям, потому что у вас с ним схожие интересы. Но для него это хобби, а для тебя превращается в дело всей жизни. Весьма недостойное и совершенно неуместное. Довольно копаться в грязи. Пора последовать примеру твоей сестры Шарлотты… Да, Люциан? Я как раз разговариваю с твоей дочерью. Что случилось?

— Мне только что передали престранное известие от твоего брата, — озадаченно сказал

появившийся в дверях король. Но тут он заметил дочь и оборвал фразу. — Беатрис! Ты почему еще здесь? Отлив проворонишь!

Беатрис поспешила сбежать, пока ненароком не посвятила себя на всю жизнь детям, собакам и бесконечной череде сельских вечеринок в саду.

На дне раскопа, помогая Кэмпиону извлечь каменный выступ из земляной стены, она работала так рассеянно, что Ида, просеивавшая землю у ее ног, сочувственно спросила:

— Все хуже и хуже?

— Что хуже и хуже?

— Влюбленность.

Беатрис недоуменно уставилась на нее.

— Влюбленность? А-а…

Вспомнив то давнее-давнее время, когда она, встретившись взглядом с Кельдой, чувствовала его взгляд всем телом, принцесса покраснела. Как она только могла так обмануться насчет этой силы в его взгляде?

— Ушла любовь, иль вовсе не было ее… — звучно продекламировал Кэмпион.

— Ни в кого я не влюблялась, — раздраженно сказала Беатрис. — Это была случайность, — общий хохот заставил и ее невольно улыбнуться. — Глупейшая ошибка.

Это лицо — такое, каким она увидела его накануне вечером — никак не шло из головы. Фелан распахнул дверь гостиной, и Кельда, стоявший у стола в окружении учеников и обгорелой лучинкой чертивший на выскобленных добела досках древние письмена, поднял взгляд навстречу незваным гостям. В этот миг в глазах его не было почти ничего человеческого. Казалось, то были глаза ворона, дикого жеребца, жабы! И к арфе он даже не прикоснулся. Звук — низкий гул струны, вибрировавшей, пока пол не задрожал под ногами — порождал либо он сам, либо начертанное им слово. Затем — вспышка, и… Когда в глазах прояснилось, задняя дверь качалась на одной петле, Фелан лежал на полу, а в комнате, словно из ниоткуда, возник Иона Кле. Все остальные исчезли.

Под ноги упала чья-то тень, заслонившая солнце. Вздрогнув от неожиданности, принцесса вскинула взгляд и обнаружила наверху Иону, заглянувшего в раскоп.

— Вы все же здесь, принцесса?

— Да. Еле вырвалась, — печально ответила она, слыша, как стих шум инструментов вокруг, и чувствуя, как все навострили уши. — Мать была мной очень недовольна. Как там Фелан?

— Не знаю. Я не был дома. Не подниметесь ли на минутку?

Мрачно дивясь такой родительской беззаботности, принцесса полезла наверх. Иона как будто прочел ее мысли.

— Можете спросить его сами, — добавил он, подавая ей руку, чтобы помочь сойти с трапа.

Разило от него, как из пивной бочки, глаза болезненно щурились от яркого света, но с виду он был достаточно трезв.

— Откуда же вы знаете, что Фелан дома? — терпеливо спросила она, подавив непривычное стремление повысить голос.

Накануне Иона посадил их обоих в кэб. Фелан к этому времени уже пришел в чувство, но глаз не открывал. Он пообещал, что вызовет врача. Нет, принцессе не стоит провожать его до дому: до замка кэб доберется раньше. Да, с ним все будет в порядке, нужно просто прилечь, однако он должен сказать ей кое-что важное — только бы вспомнить что… До того как кэб остановился у ворот замка, вспомнить этого он так и не смог. Принцесса проводила взглядом кэб, с шипением выпустивший струю пара и укативший прочь, и больше Фелана не видела.

— А куда он еще мог деться? — с раздражающей

беззаботностью отмахнулся Иона. — Я всю ночь искал Кельду. Вы не видели его в замке с утра?

Принцесса покачала головой.

— Нет. Впрочем, и не искала. Кстати о бардах: мать вскользь упоминала о том, что Кеннел собрался в отставку, и в город вот-вот хлынут толпы бардов. Вы ничего об этом не слышали?

— Состязание бардов, — мрачно проговорил Иона. — Так вот что привело сюда Кельду…

— Но он же не… Кельда же понятия не имел, что Кеннел… — тут она осеклась, потрясенно глядя на Иону. — Уж не хотите ли вы сказать, что это он все подстроил? И… и использовал против Кеннела свое волшебство?

— Кеннел подавился словом, — резко сказал Иона.

Принцесса заморгала. Разрозненные словоподобные объекты в голове вдруг сложились в единое целое, точно осколки разбитого горшка.

— «Круг Дней»…

Глаза Ионы сузились. Ей удалось привести в изумление самого мэтра Кле!

— Вы знаете о нем?

— Мне рассказал о нем мэтр Берли, когда я вспомнила, где видела лицо под капюшоном, изображенное на том диске. Он сказал, что это

древний язык, в котором самые обычные слова содержат невероятные силы. Так гласит теория. Докопаться до глубинного смысла этих слов пока не удалось никому. Я видела символ, начерченный Кельдой на столе. Этот же символ был и на диске. Что он означает?

— «Хлеб».

— «Хлеб»?

— Загляните в любую пекарню. Увидите: этим символом до сих пор украшают деревенские караваи.

— В самом деле? — изумилась принцесса. — Потрясающе! Но каков его другой смысл? В чем его тайна?

— Вы знаете и это. Вы видели его силу вчера вечером.

Принцесса вновь изумленно уставилась на него, не в силах сказать ни слова. Несмотря на яркое полуденное солнце, ее внезапно охватило ощущение леденящего холода и странной, непривычной беспомощности.

— И вся эта сила, — еле слышно прошептала она, — под кровом моего отца…

— Именно.

— Но… откуда вы все это знаете? Когда вы впервые встретились с Кельдой?

Иона не мигая смотрел ей в глаза. Казалось, он собирается ответить — она почти слышала слова, собирающиеся в разделявшей их тишине. Но в следующий миг он резко отвернулся, взглянув в сторону города за рекой.

— Берегитесь его, — только и сказал он. — Он видел вас там прошлым вечером?

— Не знаю.

— Не позволяйте ему застать вас в одиночестве.

— Но что мы можем сделать? — с мольбой в голосе спросила принцесса. — Вы знаете этот язык… А силой его владеете?

Иона раскрыл было рот, чтобы ответить, но вместо этого лишь грустно, очень искренне улыбнулся.

— Хотел бы я владеть ею… Что бы ему ни было нужно, он будет ждать, чтобы взять свое во время состязания бардов. Возможно, к тому времени я сумею заставить его изменить планы. А вы просто постарайтесь держаться от него подальше. И навестите Фелана, если сможете.

— Хорошо, — ошеломленно ответила Беатрис.

Иона двинулся прочь, петляя среди безлюдных развалин. Проводив его взглядом, принцесса спустилась вниз, подобрала кисть и снова взялась

за более простую загадку — загадку камней под землей.

— О чем вы это? — с любопытством спросил Кэмпион.

Принцесса ответила ему туманной историей о том, как Фелан попал в беду, пытаясь уберечь от беды отца, и в результате все вышло наоборот: Ионе пришлось выручать сына. Казалось бы, придраться в этой истории не к чему, но, подняв взгляд, Беатрис увидела в глазах Кэмпиона нешуточное недоумение.

— И у тебя не нашлось лучшего занятия, чем весь вечер носиться по прибрежным кварталам Кайрая в погоне за Ионой Кле?

— Ты говоришь, как моя мама! — посетовала принцесса, чувствуя, как на губах, вопреки ее собственной воле, появляется улыбка. — В тот момент это вовсе не казалось странным.

Сосредоточиться на работе после разговора с Ионой оказалось затруднительно. Кропотливое извлечение из земляной стены предмета, больше всего похожего на старую кирпичную каминную полку, при помощи орудий сродни кистям живописцев и зубоврачебным инструментам казалось каким-то абсурдом. Терпение было на исходе. Никогда прежде Беатрис не жаловалась

на его нехватку, но сейчас ей больше всего на свете хотелось со стоном швырнуть кисть под ноги. Стиснув зубы, она следила за солнечным лучом, мучительно медленно скользившим от одной песчинки на дне раскопа к другой, и даже не замечала, что напряжение ее молчания заставило умолкнуть всех, пока тишину, наконец, не нарушил Каррен.

— Езжай, — мягко сказал он. — Езжай, куда нужно. Ты все равно уже не здесь, а где-то далеко, просто еще не успела догнать саму себя.

Раздумывая, не стоит ли переодеться, она переехала мост; так и не приняв решения, миновала замок и остановила паромобиль на тихой старой улице, где жил Фелан. Дверь ей открыл нестареющий Саган, и тут она на миг пожалела о своем комбинезоне и пропыленных волосах.

Но Саган лишь пробормотал в ответ на вопрос из глубин дома:

— Леди Софи, к вам принцесса Беатрис. Насколько могу судить, по пути с раскопок.

— Простите, — сказала принцесса вышедшей ей навстречу Софи, не в силах сосчитать, сколько раз успела произнести это слово всего за одно утро.

Но Софи, как-никак вышедшая замуж за эксцен-

тричного Иону, увидела лишь то, что предпочла увидеть, а именно — принцессу у своего порога.

— Как мило с вашей стороны нанести нам визит! Ионы нет, но Фелан дома, отдыхает.

— Да. Что с ним?

— Небольшой жар. Я заварила ему чаю с белоголовником и убрала прочь все чернильницы. Прошу, садитесь.

— Я немного испачкалась…

— Вздор. Саган, будьте любезны, скажите Фелану, что здесь принцесса Беатрис.

Беатрис примостилась на краешке кресла. Софи спорхнула на софу и добавила с той же очаровательной улыбкой:

— Просто теряюсь в догадках, что могло случиться накануне вечером. Фелан выражается крайне туманно, Иона… одним словом, верен себе. Возможно, вы знаете?

— Кое-что, — сдержанно выдавила Беатрис. — Совсем немногое.

Серые глаза, так похожие на глаза Фелана, взирали на нее с обычной сдержанностью. Впервые в жизни Беатрис поняла, какое множество забот кроется за завесой обезоруживающей легкомысленности, которой окружила себя Софи. Эта завеса надежно берегла ее от необходимости

отвечать на вопросы о непутевом муже, но не от собственных мыслей. И вот теперь ей нужно было знать…

— Да, — выпалила Беатрис. — Кое-что знаю. Но понимаю далеко не все. Все это так сложно…

— Что ж, оно и неудивительно, учитывая характер Ионы, не так ли? У него все так непросто, непредсказуемо… А теперь и Фелан туда же. Я через пару минут должна идти. У нас девичник: мы забронировали барку для леди Петры, чтобы прокатить ее вверх по реке и устроить пикник на берегу, в одном местечке, откуда открывается просто чудесный вид на равнину. И все, безусловно, были бы очень рады видеть вас в нашей компании.

— Но я совершенно не одета для…

— И к тому же приехали поговорить с Феланом. Прямо с раскопок, с пылью древних времен в волосах.

Беатрис смахнула со лба непослушную прядь.

— Думаю, эта пыль вряд ли старше пары сотен лет.

— Значит, ничего особо интересного?

— Вполне обычная кирпичная кладка. Нет, я заехала без повода. Импульсивно, — помедлив, принцесса не менее импульсивно добавила: —

Простите мне всю эту загадочность. Я просто сама точно не знаю, с чем столкнулась.

— Вот и Иона на многих так действует… Да, Саган?

— Очевидно, Фелан ушел, — виновато сообщил дворецкий. — Совсем недавно, а по пути заглянул на кухню, так что завтрак смог взять с собой. Кухарка сказала, что при нем были книги. Возможно, он в школе.

Софи сокрушенно цокнула языком.

— Это я виновата во всем. Не следовало запрещать ему работать.

Беатрис поднялась.

— Тогда я поищу там.

— Принцесса Беатрис, у меня есть превосходная юбка…

— Умоляю…

— Да, я уверена, она придется вам впору — разве что немного короче, чем вы привыкли, ведь я ниже ростом.

Беатрис улыбнулась.

— Очень хорошо, что вы напомнили об этом. Да, я буду вам крайне признательна: выходит, мне не придется заезжать домой, — и красться к себе, прячась за дверьми и цветочными горшками от матери и от гризхолдского барда, но об этом

принцесса предпочла промолчать. — Благодарю вас, Софи.

Частично спрятав под юбкой Софи покрытые коркой грязи башмаки и вытряхнув пыль из волос, принцесса поехала назад вдоль реки. Вскоре она свернула наверх, к школе, напугав пару норовистых серых гудком клаксона и лязгом переключаемых передач. На полпути к вершине холма она резко нажала на тормоз. Вновь лязгнули шестерни, паромобиль со свистом выпустил клуб пара и остановился рядом со светловолосым юношей, устало тащившимся к школе с охапкой книг в руках.

— Фелан! Садись!

Фелан бросил на нее задумчивый взгляд, и задумчивость в его глазах сменилась изумлением. Распахнув дверцу, он вместе с книгами рухнул на сиденье рядом с Беатрис.

— Принцесса Беатрис? — казалось, он тает, словно свеча: пот градом лил с его лба, бледного, как воск, глаза горели, совсем как глаза Ионы с утра, после бурной ночи. — Что вы делаете здесь, над землей, среди бела дня?

— Ищу тебя. Твой отец не смог сказать, благополучно ли ты добрался домой, а ты очень удачно улизнул от меня, когда я заехала к вам. Ты что, на

трамвай сесть не мог?

Фелан пожал плечами. В его страдальческом взоре внезапно мелькнула улыбка.

— Наверное, ждал, когда вы меня догоните. Мне нужны еще книги для работы. И я пропустил весь утренний урок. Возможно, ученики до сих пор томятся там, под дубом, в безысходной тоске.

— Еще бы! Но ведь в библиотеке твоего отца…

Улыбка во взгляде Фелана померкла.

— Отец не держит в библиотеке книг о том, что я хочу узнать, — с ожесточением ответил он. — Он уносит их из дому и хоронит на неведомо чьих полках. Прошлым вечером, в кэбе…

— Да?

— В голове все разваливалось на куски. Я хотел вам кое-что сказать, но никак не мог собрать мысли воедино. А вот теперь они снова складываются в нечто целое.

— Что же это за мысли?

Фелан сосредоточенно сдвинул брови.

— Когда я говорил с отцом в «Веселом Рампионе»… он рассказывал любопытные подробности об этих вот самых книгах. Которых, по собственным же словам, никогда не читал, — он резко встряхнул головой и зажмурился, будто переживая внезапный приступ боли. — Должно быть,

ошибся. Память у него — как решето…

— Вчера вечером ты говорил, что у него каша в голове. Уж либо одно, либо другое.

Фелан улыбнулся.

— Пожалуйста, принцесса, не перебивайте, — попросил он. — У меня у самого мозги сейчас, как гнилая рыбацкая сеть, мысли ускользают. Но я никак не могу выкинуть из головы тот разговор в «Веселом Рампионе», которым пытался отвлечь отца от погони за Кельдой. Я просмотрел эти книги от корки до корки, чуть ли не с ювелирной лупой, и…

Это произвело на принцессу впечатление.

— Солидные тома, — заметила она. — Что это?

— Счетные книги школьных экономов. Их вели с того самого дня, как Деклан основал нашу школу. Однако никто не удосужился их прочесть! Их даже хранят не в архивах. Бейли Рен прячет их у себя, в башне. Кстати, Рен! Это еще одно…

— Подожди, — взмолилась принцесса. — Не все сразу. Разберемся сначала с первой мыслью. Так уж я привыкла работать.

— Это все та же мысль, даю слово. Отец знает имя первого школьного экономa, хотя говорит, что счетных книг не читал.

— Ну, это вовсе не тайное знание: сейчас ведь

все пишут научные работы обо всем на свете.

— Еще он знает, что верхушка башни рухнула именно тогда, в тот первый год. И что Саликс была женщиной…

Беатрис прикрыла глаза, но тут же поспешила открыть их, услышав впереди стук колес парового трамвая.

— Саликс?

— Я перепутал. Решил, что это мужчина. Отец меня поправил. Я проверил по книге — так и есть. Но откуда отцу знать об этом? — Беатрис раскрыла рот. — И о третьем гробе…

— О каком гробе?

— Найрн погиб под камнями, рухнувшими с башни, и его следовало похоронить. Но тела найти не удалось. Гроб вернули столяру, деньги за него были возвращены, и это попало в счетные книги.

Беатрис свернула к школе, въехала на мощенную камнем площадь, где находилось кольцо паровых трамваев, и остановила паромобиль.

— Я не вполне понимаю все это, — виновато сказала она, — но вижу, что для тебя это очень важно.

— Да, это определенно объяснило бы некоторые вещи.

— Наверняка объяснение есть. Но я не могу с уверенностью сказать, что все это может значить. Возможно, твой отец читал другие книги о первом годе существования школы? Взял все эти факты откуда-то еще? — она ждала ответа, но Фелан отвернулся и устремил взгляд на дубовую рощу в погоне за своими загадочными видениями. — Фелан? Что у тебя на уме?

— Отец… — выдохнул он. — Мой отец всегда… Это невозможно. Но объяснило бы… Мне нужно узнать, что произошло во время первого состязания бардов. А еще — откуда появился Кельда.

— Из Гризхолда, — сказала принцесса, но вновь без особой уверенности. — Он говорит на языке «Круга Дней»… Может, в Гризхолде его знают все?

Фелан резко повернулся к ней и впился в нее тяжелым, воспаленным взглядом.

— Вы распознали этот язык вчера вечером.

— И твой отец — тоже, — голос принцессы звучал слабо, словно откуда-то издали. Фелан ждал, настойчиво, требовательно глядя на нее. — Мэтр Берли сказал, что еще никто не смог перевести его так, чтобы… чтобы… чтобы не только понять прямое значение слов, но и проникнуть в скрытые в них секреты. Фелан, скажи, о чем именно

ты думаешь?

— О том, что должен как можно скорее закончить исследовательскую работу о Найрне. Взгляните.

Наконец-то отведя от нее взгляд, он кивнул в сторону деревьев. Там, в тени древнего дуба, в кругу учеников сидел темноволосый арфист.

— Кельда! — тихо ахнула принцесса.

Фелан вновь взглянул ей в глаза. Смертельно бледное, измученное солнечным светом лицо, плотно сжатые губы… Принцесса без слов поняла, что он имел в виду. В кольце замерших без движения учеников, слушая музыку Кельды, сидела Зоя.

Глава шестнадцатая

На третий день состязания бардов верхушка башни разлетелась на куски, и Найрн вновь исчез из истории.

Оба эти события отражены в форме приходо-расходных записей в счетной книге школьного эконома. Здесь Дауэр Рен появляется перед нами собственной персоной: из школьных средств уплачено за лечение ран, полученных им, когда в его комнате рухнула крыша и обломки зубцов башни. При этом разбитой чернильнице он уделяет больше внимания, чем самому себе. Двое учеников погибли под обломками, а один пропал без вести. Имена двоих погибших, отосланных домой в гробах, имеются как в их семейных счетных книгах, так и в хрониках данного периода. Оба слышали музыку Деклана во время визитов короля Оро к их родителям и оставили домашний уют, чтобы найти свою смерть в Школе-на-Холме.

По-видимому, судьба третьего ученика, Найрна, минимум пару сотен лет не волновала никого, кроме нескольких остроглазых бардов и менестрелей, увидевших в происшествии на равнине

больше, чем было зафиксировано где-либо вне пределов поэзии.

Основной вопрос, коим в первую очередь должен задаться историк в попытках понять и объяснить события третьего дня состязания, не выходя из строгих рамок исторической науки, таков: что же в действительности видели те, кто находился на равнине?

Записи Дауэра Рена касаются только последствий этого дня, и то предельно сжато. За описанием событий, имевших место ранее, когда из всех, состязавшихся за высочайшую в мире награду, остались только два барда, Уэлькин и Найрн, следует обратиться к иным источникам. Сам Деклан, подобно школьному эконому, умолчал об этой последней напряженной схватке двух музыкантов. Его комментарии появляются позже, в письме к королю Оро.

«…посылаю тебе лучшего из оставшихся на этой земле. Льщу себя надеждою, что в следующий год или два сумею вновь отыскать человека, наделенного теми талантами, что ты привычен видеть в своем барде, и посему обучение продолжаю».

И это все. Ни ученик, подававший такие надежды, ни странный, неизвестно откуда явившийся

арфист, бросивший ему вызов, не упомянуты ни словом. Что случилось с Уэлькином в конце дня? Почему ни один из двоих не одержал победу? Кто знает…

Наверняка об этом знал Деклан, но он предпочел промолчать.

Обратившись к свидетельствам придворных летописцев, находившихся на равнине и усердно заносивших на бумагу все, что видели, обнаруживаем странно противоречивые комментарии относительно конца состязания. Летописец лорда Гризхолда, Виру Стайд, сознается в необычайно несвоевременном невнимании. Он флиртует с женой какого-то барда, он отходит вниз по реке, чтоб облегчиться за деревьями, и все это — посреди финальных песен состязания! Естественно, это не может не удивлять и не внушать подозрений.

Его оговорка обретает некий смысл в свете уму непостижимого описания, данного придворным летописцем самого короля Оро: «Арфисты играли, и виделось мне, что сам ветер сделался древним, как мир. Луна округлилась, как в полнолуние, хотя при появлении на небе едва перевалила за первую четверть. Сердце мое переполнилось восхищением, словно кипящий котел. Даже стоя-

чие камни в кольце закружились, повели хоровод и запели... Таков был мой сон... Затем же сей сон разлетелся на части, и, пробудившись, я обнаружил, что состязание кончено».

Не менее туманно повествуют об окончании этого великого состязания воспоминания и письма, написанные позже, в кабинетной тиши. О разрушении башни в них упоминается удивительно скупо, словно о мелочи, почти не сохранившейся в памяти. Один вспоминает, как соблазнился «пряным ароматом варева», кипевшего в огромном котле, настолько, что совершенно забыл о музыке, но угоститься из котла ему никто не предложил. Другой сетует на то, что разум его, очевидно, был «одурманен зловредным грибом», случайно съеденным за ужином, поскольку того, что он помнит о последней песне, произойти просто не могло. И так далее, и так далее.

В конце дня королевский летописец сжато фиксирует исход состязания: «И видел я, как сам Деклан провозгласил придворным бардом короля Бельдена барда герцога Уэверли».

...Ни песни, ни стиха, ни покоя,
Ни конца дней, ни забвенья.

Неизвестный автор. «Костяная равнина».
Перевод древних рун – И. Кле

Они играли и играли. Казалось, их музыке не будет конца. К рассвету в трактире остался лишь Оспри да пара придворных бардов. Голова Оспри покоилась на столе, в кольце пустых пивных кружек. Придворные барды подыгрывали знакомым мелодиям на арфе, флейте и маленьком барабане, и молча, с застывшими от изумления и усталости лицами, слушали песни всех пяти королевств, от веку не проникавшие за толстые стены, окружавшие куртуазную музыку.

Трактирщик, давным-давно отправившийся спать, пробудился и подал им завтрак. Опьяненные музыкой, Найрн и Уэлькин продолжали испытывать друг друга, урывками жуя хлеб с беконом. Найрн извлекал музыку из глубин души, вспоминая песни, что выучил, должно быть, в те дни, когда был Свинопевцем, слушая, как растет трава, как щебечет пролетающий мимо дрозд — ведь иных учителей у него тогда не было. Но Уэлькин, похоже, учился у тех же наставников, вот только во всей его музыке чувствовалось что-то зловещее, жутковатое. Наконец они вста-

ли со скамей под аккомпанемент звона золота, брошенного придворными бардами на столы, и поднялись на холм.

Оба были так поглощены собственным состязанием, что почти не замечали музыкантов, сошедшихся на холме в тот последний день. Придворные барды ушли играть, затем вернулись, да не одни. К исходу дня сделалось ясно: настоящее состязание — здесь, между юным, очаровательным учеником из Приграничий и оборванцем с разноцветными глазами, явившимся неведомо откуда. Борьба их была равной — равной во всем. Песню за песней пели они во всех мыслимых вариантах, порой уходивших в давнее-давнее прошлое, где слово сливалось с ветром, а ноты журчали в ручьях, звенели в щебете птиц.

Так подошли они к языку «Круга Дней». Найрн чувствовал его, точно приливную волну, прекрасный и смертоносный водоворот восторга, тянувший, манивший к себе, в темную глубину. Шажок за шажком, пядь за пядью, его мастерство подступало к бурной пучине. Уэлькин услышал это, и в глубине его улыбчивых глаз мелькнула тревога. Услышали это и остальные: все больше и больше слушателей, оставляя толпу, окружившую последних состязающихся, стягивалось к

месту их личной битвы. Они стояли, безмолвные, неподвижные, точно камни, венчавшие вершину холма, пока где-то там, в ином мире, придворный бард тягался с придворным бардом, но вскоре и эти уступили, поддавшись неодолимой, поразительной тяге, что пересилила даже их великое искусство.

К тому времени солнце пересекло равнину, чтобы скрыться за западным лесом. На траву легли длинные тени камней, деревьев и бардов. Увлекаемый в водоворот силы, открытый им и Уэлькином, Найрн в последний раз увидел лицо Деклана — его пронзительные серые глаза, яростную победную улыбку…

Солнце исчезло.

Толпа вокруг точно растворилась в сумраке. Казалось, они с Уэлькином остались наедине среди самых простых, самых древних слов в мире: «ветер», «земля», «камень», «дерево». В этом туманном царстве не было ни ночи, ни дня; равнину окружало небо, серое, как сланец. Тут Найрн впервые почувствовал усталость. Нет, не в пальцах, не в голосе, не в идущей кругом голове. Утомляло само состязание, тянувшееся без конца, вынуждавшее все глубже и глубже забираться в память и опыт, тянуться в такие дали, каких

не прошел он за всю свою бродяжью жизнь. Сила древних песен влилась в его руки и арфу, завладела им без остатка — он будто сам стал инструментом, порождающим музыку кровью и костным мозгом. Но состязание все не кончалось, и он был полон решимости играть, пока ноги не пустят корни и птицы не совьют гнезда в его волосах, но не уступить Уэлькину.

Над равниной пронеслось первое дыхание вечернего бриза. От принесенных им запахов Найрн едва не рухнул на колени — нежный лосось, лук, сельдерей, горох, розмарин, лаванда, перец… Аппетитные ароматы затмевали разум, как летучий туман, одолевая даже овладевшие Найрном силы. Наконец он сдался и бросил взгляд туда, откуда доносились запахи. Там, над травой, в отсветах пламени, обращавших медь в золото, возвышался огромный котел.

Почуял запах еды и Уэлькин.

— Не прерваться ли нам на минуту? — сказал он сквозь вьюгу их нот.

— Нет.

— Глоток свежей воды? Или эля? Или ложку-другую вот этого?

— Угощайся, — коротко отвечал Найрн.

— Внутри все пересохло, как камень в пустыне.

Может, ты и не лучший бард, но ты моложе. Сжалься над старым, измученным арфистом. Объявим перемирие? А после продолжим играть.

— Нет. Может, ты и не лучший бард, но ты хитроумнее. Ты в зимней метели — как дома. Я не остановлюсь. Что, если я остановлюсь, а ты — нет, и тогда ты заявишь, что победил?

Уэлькин рассмеялся все тем же смехом, подобным шороху щебня, и ненадолго умолк. Мелодия подошла к концу, и он извлек из своей бездонной памяти следующую, лишь чудом подхваченную Найрном на слух. Оба углубились в музыку.

— О, глянь-ка, — негромко сказал Уэлькин.

Какая-то девушка — может, Мэр? — спустилась с вершины холма, чтобы вывалить в котел полный передник еще какого-то ингредиента. Опорожнив передник, она помешала варево. Пар заклубился вокруг нее, скрывая ее фигуру. Когда же клубы пара рассеялись, она словно бы сделалась выше, стройнее, изящнее. При виде ее длинных, пышных, бледно-золотистых кудрей Найрн вытаращил глаза и едва не пропустил ноту. Оделет? Здесь? Делает то, чем всегда занималась в школе — режет, мешает, варит, кормит голодных?

— Ради такой я бы уж точно устроил перерыв, — проворчал Уэлькин, насмешливо глянув на Найрна сумрачным глазом.

Вполне понятная ярость разом вскипела в груди. Выходит, этот трухлявый старый пень копается заскорузлыми лапами в его мыслях? Он взял новую ноту так резко, что едва не порвал струну. Уэлькин тихо ахнул, а палец его еле заметно дрогнул, передав дрожь струне. Миг — и он вновь превратился в твердую каменную плиту с парой рук. Найрн потрясенно уставился на собственные пальцы. Ярость прошла, сменившись недоумением. Он причинил боль непрошибаемому Уэлькину одной-единственной случайной нотой?

На что же еще он способен?

Он был так поглощен новыми возможностями, что и не заметил девичьей фигуры, появившейся перед ним какое-то время спустя.

— Найрн! — с улыбкой окликнула его она, помешивая ложкой в миске, источавшей ароматный пар. — Не хочешь ли перекусить?

Стало еще темнее. Луна и огонь под огромным котлом ярко сияли в бескрайних водах нахлынувшей ночи, но кроме них на равнине не видно было ни искорки. В сумраке черт лица девушки

невозможно было различить, а чистый и нежный голос казался далеким, как давние воспоминания. Должно быть, то была лишь мечта, морок, порожденный измученным, изголодавшимся мозгом. Или это Уэлькин нащупал ее в голове Найрна и придал ей облик звоном струны? Так или иначе — настоящей она быть не могла.

— Нет, — кратко ответил он.

Она тут же, в мгновение ока, исчезла, и Найрн убедился, что это всего лишь чары, но тут Уэлькин укоризненно сказал:

— Мог бы быть и пообходительнее. Не прогнал бы ты ее, ей бы пришлось предложить перекусить и мне.

— О ком это ты?

— «О ком...»

Фыркнув, как лошадь, Уэлькин тронул струны и запел длинную разухабистую балладу. Найрн поспешил вернуться из таинственных владений волшебства на землю и через такт-другой подхватил мелодию. Взошедшая луна залила равнину серебром. Странное дело: она была полной, как будто с начала их битвы прошло куда больше времени, чем он думал. Казалось, баллада будет продолжаться вечно. Найрн извлекал из памяти куплет за куплетом — должно быть, эти древние

стихи он знал от рождения, ибо совершенно не представлял себе, где и когда мог выучить их.

— Можем спуститься вниз вместе, — предложил Уэлькин, когда баллада кончилась, и Найрн бросил ему вызов, заиграв танец, который до сего дня слышал лишь в исполнении волынки. Уэлькин только хмыкнул, подхватив мелодию. — Пусти в ход толику обаяния, и она накормит нас обоих.

— Конечно. Ты подождешь, пока я не набью рот и не смогу пропеть ни ноты, и заявишь, что победил, прежде чем я успею прожевать.

Уэлькин пожал плечами.

— Да кто ж заметит? На нас никто и не смотрит, кроме него.

Казалось, так оно и есть. Все отошли — возможно, послушать последних придворных бардов, и только этот высокий старик стоял рядом, повернувшись спиною к луне. Он с головы до ног был закутан в плащ. Из-под капюшона виднелась прядь белых, как лунный свет, волос, трепещущая на ветру, но лица было не разглядеть.

Вдруг в глазах прояснилось, и Найрн понял: все это — лишь игра неверного света.

— Это не человек, — сказал он. — Это всего лишь стоячий камень.

— Похоже, ты совсем выбился из сил, раз не можешь отличить человека от камня. Мы играем уже целую ночь, и целый день, и вот-вот начнется вторая ночь. Сколько еще сумеешь ты продержаться вровень со мной? У меня за спиной долгий-долгий путь, я истоптал эту землю вдоль и поперек. А ты отошел от своего свинарника на какую-то жалкую милю.

— Немного дальше, — парировал Найрн. — И еще держусь на ногах. А эти слова — «еда», «эль» — их произнес ты. Это тебе нужно и то и другое, — он кивнул в сторону стоячего камня. — Может, он принесет тебе все это, если попросишь, как следует?

Уэлькин вновь разразился смехом, сухим и резким, как скрежет щебня.

— Я могу заставить его сплясать. Могу и заставить спеть.

— Это камень.

— А могу заставить предсказать нам будущее. Поведать, кто из нас останется на ногах и встретит песней рассвет. Предлагаю спор: кто из нас сумеет его разговорить, пойдет вниз и уломает ее вернуться сюда с миской похлебки.

— Он — камень. А ты все равно сплутуешь.

— Ты просто боишься встретиться с ней.

— С кем? Она — всего лишь призрак, рожденный звуками струн твоей арфы. Не стану я зря утруждать пальцы и голос, пытаясь заставить камень заговорить. Придет рассвет, и я буду стоять на этом самом месте, а ты — гадать, куда девалось волшебство твоей арфы.

— Неужто?

— Да, старик, — ответил Найрн сквозь стиснутые зубы. — Я найду способ этого добиться.

Уэлькин захохотал.

Небо потемнело, покрылось россыпью звезд, густой, как толпа на равнине. Звезды вспыхивали одна за другой, будто собираясь послушать музыку, и Найрн играл и пел им, не видя вокруг иной публики. Оставленные без внимания, на всей равнине погасли даже ночные огни, кроме костра, что все еще горел под огромным котлом. Однако и за угощением к котлу не подходил никто. Должно быть, все собрались где-то там, в темноте, за гранью времени, и молча, застыв без движения, ждут, кто из двух бардов первым дойдет до конца песен и опустит арфу… При этой мысли Найрн наконец почувствовал усталость, и стертые в кровь пальцы, и воспаленное горло, распухшее так, что больше ему вовек не издать ни звука, кроме хриплого жабьего кваканья.

И все же, глядя на хоровод звезд над головой, Найрн слышал, как музыка Уэлькина крепнет, черпая силу из ночи, звучит с такой чистотой и таким неуклонным буйством, что всеми его помыслами вновь овладел вопрос, на который никто не знал ответа.

«Кто ты такой?»

Глаза старого арфиста блеснули в свете звезд, и Найрн вновь услышал голос Деклана — его единственный ответ.

«Волшебство не в нем. Волшебство — в его арфе».

Может быть, струны играют сами собой, а Уэлькину остается лишь держаться на ногах да вспоминать стихи? Здравого смысла в этом не было ни на грош, но ведь и во всем остальном тоже — ни в котле, полном еды, которой никто не ест, ни в толпе, которая не танцует, не подпевает бардам и вовсе не издает ни звука, ни в единственном различимом в темноте то ли камне, то ли старике в плаще с капюшоном — в любом случае безмолвном, как и все остальные.

Спина Найрна покрылась гусиной кожей, точно от леденящего дыхания летней луны. Пальцы похолодели, опухшие глаза пересохли так, что он не мог ни моргнуть, ни отвести взгляда от

того, что только что узнал и понял, а скорее знал и понимал с самого начала, каким-то дальним уголком сознания, не занятым попытками сокрушить стоящего напротив барда своими великими талантами.

«Я же знаю эту песню», — подумал он. Нет, не ту песню, что извлекали из струн пальцы. Ту, что возникла на равнине прямо перед ним. Котел. Камень. Башня ночи вокруг и бесконечное вращение звезд над головой. И сама древняя равнина, где все немы и эфемерны, как призраки.

Костяная равнина…

Внезапная бурная волна восторга и ужаса накрыла его с головой. Найрн понял: вот он, желанный конец нескончаемого состязания! Вначале образ башни возник в памяти. Она стояла совсем недалеко от них с Уэлькином, и камни в ее стенах вились, тянулись вверх, к звездам, бесконечной спиралью. Однажды он, наивный и невежественный, уже видел ее появление, еще не зная, что у нее есть имя. Теперь он знал его — и назвал, глядя на башню глазами сердца, призывая ее появиться, воздвигнуться нота за нотой, камень за камнем, спиралью подняться ввысь под его музыку, по камню на каждую ноту, и дотянуться вершиной до хоровода звезд в ноч-

ном небе. Именно она, единственное место, где смогут рассудить их спор, и нужна была обоим — и ему, и Уэлькину.

Вьющаяся башня…

Играя, он погрузился в грезы. Где-то вдали, в ином мире, арфист — пот со лба каплет на струны, разбитые пальцы в крови, все мускулы жжет, как огнем — собрал все силы и с болью, с кровью вырвал из сердца еще одну песню. Огромная башня в грезах начала расти, поглощая равнину, огни костров внутри ее камней казались крохотными, не больше мерцающих звезд. Башня наполнилась голосами — угрожающими и добродушными, остановившими нескончаемый спор. В сравнении с последней песней, что извлекал он из костей лодыжек и слуховых косточек, Испытания и Кары казались проще пареной репы. Голоса отдали приказ, он сделал, как велено. Он согласился на суд, предложенный строками древних стихов, и наконец-то мог отдохнуть.

Нужно было только открыть дверь башни…

Он видел ее — светлую, цвета стоячих камней, продолговатую каменную плиту на фоне темной стены. Вдоль притолоки тянулись строки словпалочек, и лишь одно слово мерцало посреди двери — круг, заключавший в себе бесконечную

спираль, начинавшуюся от центра, раскручивавшуюся, чтобы слиться с внешним кольцом и устремиться обратно к центру. Слово дразнило, смеялось над Найрном. Он знал его, и он его не знал. Деклан не учил Найрна этому слову, однако пальцы знали его и раз за разом пытались сыграть, как песню, извлечь его из струн, придать ему форму, высказать теми способами, к каким не мог прибегнуть измученный разум. Тут Найрн почувствовал на себе взгляд Уэлькина — тот будто услышал в музыке соперника перемены: странные фразы, неожиданные ритмы, что вели молодого барда вперед. Оно, это слово, было дверным запором — и замком, и задвижкой, и ключом. Пот ел глаза, ослеплял. Встряхнув головой, Найрн почувствовал на щеке тяжелые, мокрые пряди волос. Они играли всю ночь, и весь день, и начали новую ночь, и за все это время в рот Найрна не попало почти ничего, кроме собственного пота. Но что за важность? Теперь ему было плевать даже на Уэлькина. Он забыл обо всем, кроме этого слова, казалось, выведенного огнем посреди двери.

Закрыв глаза, Найрн позволил этому слову, чем бы оно ни было, заполнить свой разум, дал волю пальцам и почувствовал его еще до того, как

услышал — дикое, резкое, точно звук лопнувшей струны или визг раненого зверька.

От изумления он открыл глаза и услышал собственный голос — хриплый, прерывистый крик ужаса.

«Смерть» — вот что значило слово на двери, и теперь смерть окружала его со всех сторон. Призрак за призраком восставали над скелетами, покоившимися на плитах желтого, точно сливки, камня и давным-давно дочиста обглоданными временем. Духи были облачены в память о своем богатстве и знатности — в роскошные разноцветные плащи и мантии, украшенные пышным мехом, затейливой вышивкой, резными костяными пуговицами. Их браслеты, ожерелья и украшения в волосах были искусно выкованы из золота и серебра. На инструментах в их руках сверкали драгоценные камни, другие инструменты в изящных кожаных чехлах стояли, прислоненные к их смертному ложу. Найрн понял: все это — призраки древнейших бардов равнины. Каждый выглядел в точности так же, как накануне смерти, если не считать глаз. В глазах их — пустых, черных, точно глазницы черепа — плескались отблески пламени одинокого факела, горевшего рядом с открытой дверью.

— Добро пожаловать в нашу обитель, — приветствовали Найрна на том же самом языке, что слышал он от Уэлькина.

На сей раз он понял этот язык и сделал шаг назад. Добро пожаловать в обитель мертвых? Этого ему вовсе не хотелось слышать ни на каком языке. Пришлось вспомнить о том, что он — там, куда и стремился попасть, внутри строк древнейших стихов в мире.

Ответ Уэлькина заставил Найрна вздрогнуть от неожиданности. Он совсем забыл о том, что не один, что у этого барда есть собственные (и весьма веские) причины прийти сюда, и что спор их еще не закончен.

— Что же мы должны делать?

От голоса Найрна остался лишь жалкий бесплотный призрак былого великолепия, разбитого вдребезги, разорванного в клочья страхом и изумлением и бессчетными песнями, которые пришлось спеть, чтобы попасть сюда.

— Играть, — зловеще ответил Уэлькин. — Играть всей душой и всем сердцем. Это единственный истинный выход отсюда.

— Играйте, — подхватил дух женщины в оранжевых и пурпурных одеждах, с золотистыми с проседью косами, перевитыми золотой нитью. —

«Балладу об Энеке и Критале». Ты, Свинопевец. Играй так, как ее пела я.

Все мысли разом вылетели из головы. Эти духи были придворными бардами — неважно, сколь давно забытых правителей, и Найрн сильно сомневался, что даже познания самого Деклана уходят в прошлое так же далеко, как память этих призраков. Но его пальцы внезапно ожили, пробежались по струнам, следуя за короткой задорной мелодией, выскочившей неведомо откуда и пустившейся в пляс в голове. К концу ее на губах призрачной женщины заиграла улыбка, и отблески пламени зазмеились спиралями вдоль толстых золотых нитей в ее косах в такт ее кивку. Она не сказала ни слова. Недолгую тишину, воцарившуюся после того, как Найрн закончил мелодию, нарушил другой бард — длинноволосый, долгобородый старик в белом.

— Ты, Уэлькин. Играй «Куда вороны сбирались».

Песня, которой Найрн в жизни не слышал, баллада об умирающем юном воине, тронула его до глубины души. Казалось, старый бард поет о суровом начале времен — песню, обнаженную до самой сути. Песня звучала жутко, зловеще, как будто камень с равнины пел ее сам себе. От леде-

нящего ужаса по спине Найрна вновь пробежали мурашки. Он проигрывал. Этот грязный бродяга с разноцветными глазами и голосом, похожим на стук древней кости о камень, знал песни, сошедшие в могилу вместе с этими духами. Где Уэлькин мог слышать их, на каких могилах сидел, слушая пение ежевичных кустов, растущих из пустых черепов, Найрн и представить себе не мог. И все же где-то в странствиях Уэлькин выучил песни этих мертвецов…

Значит, не Найрн, а он выйдет из этой гробницы с победой, живым, и займет место барда при дворе короля Оро. Богатство, почести, вся музыка мира — все это достанется ему. А Найрн, как всегда, останется снаружи — за стенами, под окнами, украдкой глядеть на то, чего ему никогда не получить.

И в этот ничего хорошего не суливший миг, стоя в самом сердце древнейшей тайны равнины, он снова услышал голос Деклана.

«Волшебство — в его арфе».

Юный любовник в песне умер, вороны спустились к нему. Ни слова, ни звука, ни даже отблеска пламени на серебре и золотом шитье — слушатели замерли без движения.

— Ты, Свинопевец, — сказал третий дух. —

«Путь колеса».

Найрн поднял арфу, вопреки здравому смыслу надеясь, что его пальцы знают и эту песню, которой он, вне всяких сомнений, никогда не встречал во всех своих странствиях. Пальцы безмолвно повисли в воздухе. Духи столь же безмолвно ждали.

И тогда пальцы потянулись к самой низкой струне арфы и разом ударили по ней, вторя глубокому неукротимому вожделению и отчаянию, дрожи натянутых жил, отдавшейся гулом в костях, бессловесному крику о том, что Уэлькин плутует, что в нем нет никаких великих талантов, что вся сила древнего волшебства заключена в его арфе, и он, Найрн, может одним лишь желанием порвать ее струны и доказать свою правоту.

И верно: одна из струн арфы Уэлькина лопнула, и сам старый бард пронзительно, жалобно вскрикнул. Арфа со звоном упала, за ней рухнул наземь арфист…

…и с неба, вдруг вспыхнувшего мириадами звезд, градом посыпались камни.

Глава семнадцатая

Письмо Кеннела — сверкающее цветными чернилами и королевской печатью официальное уведомление о том, что поиски нового королевского барда надлежит без промедления объявить по всей стране, и в первый день лета всех музыкантов, из замков и из деревень, ждут на равнине Стирл для состязания меж собой — было доставлено в школу еще до конца дня. Дата состязания вогнала Зою в ступор. Как скоро… Казалось, до назначенного срока всего несколько вздохов — одна-единственная улыбка весенней луны, после которой та повернется лицом к лету. Но было ясно: те же самые чувства внушил бы ей любой день в ближайшую сотню лет, что свел бы ее в состязании с Кельдой.

— Я не справлюсь, — беззвучно шептала она, глядя на пергамент, пришпиленный к доске объявлений для всеобщего сведения. Воздух словно гудел в лад всеобщему возбуждению: ученики и учителя толпились вокруг, восклицали, оживленно смеялись, мысленно подтягивая струны и прикидывая собственные шансы. — Кеннел, в

этом состязании мне не победить.

«Сделай это. Любой ценой», — прозвучал в ушах ответ, сопровождаемый горящим, яростным взглядом светлых старческих глаз.

— Зоя!

Зоя вздрогнула от неожиданности. Рядом остановился Фелан. Она не видела его с прошлого вечера, когда он так внезапно появился в той претенциозной маленькой гостинице одновременно с отцом, точно шквал ворвавшимся сквозь заднюю дверь. Затем Кельда — а может, Иона? — что-то сказал, и в следующий миг она обнаружила, что бежит по дорожке между цветочных бордюров, увлекаемая учениками, спешащими убраться прочь так быстро, будто их застали за кражей чайного серебра.

Фелан поманил ее из толпы за собой. Остановившись в тени дуба, она молча, озадаченно взглянула ему в глаза. Он выглядел усталым, лицо его странно потемнело. «Что-то с отцом», — тут же подумала Зоя. Однако разговор пошел совсем о другом.

— Отчего ты вчера пошла с Кельдой? — с недоумением спросил он.

Это Зоя и сама не слишком понимала, и потому, чуть помедлив, выбрала самый простой ответ.

— Кеннел сказал мне кое-что. И я хотела проверить, правда ли это.

— И как?

Зоя вновь чуть помедлила, вглядываясь в его лицо. Они знали друг друга так давно и так хорошо — казалось бы, нет на свете того, чего она не смогла бы прочесть в его глазах. Но сейчас Фелан выглядел встревоженным, обеспокоенным и странно рассеянным, точно мысли его свернули на какую-то окольную дорогу, о существовании которой Зоя и не подозревала. Выходит, им обоим есть что скрывать друг от друга?

— Не знаю, — к собственному удивлению ответила она. — Может быть. Пока не знаю. Это еще нужно выяснить. Фелан… Я не могу понять, что произошло там, в гостинице. Когда ты вошел, я услышала какое-то слово, и…

Фелан покачал головой.

— Это был звон струны арфы.

— Нет. Кто-то из них — то ли Кельда, то ли твой отец — сказал…

— Думаешь, это был отец? — недоверчиво спросил он. — У него не было арфы.

— Я не слышала никакой арфы.

— А я слышал. Вся сила была в арфе. Именно так… Ладно, — он на секунду отвел взгляд, словно

вглядываясь в воспоминания. — Сейчас неважно, кто и что сделал. Важно другое. Ты делаешь все это ради Кеннела?

Зоя кивнула, но в следующий же миг усомнилась, что это действительно так.

— Он боится Кельды, — сказала она. — И я хочу выяснить отчего.

Неловкость частично сгладилась, и взгляд Фелана вновь сделался прежним — знакомым, понятным. Однако он все еще хмурился.

— Будь осторожна, — попросил он. — Я сам толком не пойму, что случилось, но, похоже, страхи Кеннела вовсе не напрасны. По крайней мере, отец в этом уверен.

— А ты? — быстро спросила Зоя. — Еще вчера ты был к Кельде совершенно равнодушен.

— Со вчерашнего вечера — больше нет. Этот звук буквально снес заднюю дверь с петель, а арфа была только у Кельды.

Зоя изумленно уставилась на Фелана. Тот криво улыбнулся.

— Волшебство, — признался он, и это слово показалось Зое водой, оросившей иссохшую, растрескавшуюся землю.

— Да, — с негромким смехом покачав головой, она вышла на свет и подняла лицо к солнцу.

Яркий свет ослепил глаза, ветер зашелестел в волосах, точно в дубовой листве. — Да.

— Да ты околдована, — выдохнул Фелан, глядя на нее из тени.

— Нет, просто восхищена, — поправила его Зоя. — Все лучше, чем страх.

— Зоя…

— Не волнуйся. Обещаю быть осторожной. И ты тоже держись подальше от летающих дверей и говорящих струн.

С этим Зоя оставила Фелана. Большего она сейчас сказать не могла: через лужайку в их сторону шел Кельда, а ей отчего-то вовсе не хотелось, чтобы они с Феланом столкнулись нос к носу. К счастью, Фелан, искоса глянув на нее, с несвойственной ему энергией и целеустремленностью направился в противоположную сторону, к библиотеке. Зоя повернулась навстречу подходящему барду.

С каждым его широким шагом, с каждой волной складок черного шелка рубашки, трепещущей на ветру, с каждым отблеском солнца на медных заклепках, украшавших ремень его арфы, ток времени замедлялся, тянулся, точно каучук. Казалось, его путь через лужайку, над затейливыми узорами теней дубовых ветвей в траве, бесконеч-

но далек, словно он вышел из давнего прошлого — даже выражения его лица было не разобрать. Но вот в свете солнца его черты сделались четче, и время тронулось вперед в обычном ритме. Не дойдя до Зои пары шагов, он с ходу заговорил — на сей раз, разнообразия ради, без улыбки.

— Это ведь был Фелан Кле? Я хотел извиниться перед ним.

— За что именно? — с искренним любопытством спросила Зоя.

— За то, что произошло вчера вечером. Похоже, я прогневал его отца — уж и не знаю чем. Быть может, один из моих предков оскорбил кого-то из его пращуров. Или он просто без всяких причин не может спокойно меня видеть. Фелан ничего не рассказывал?

— Разве что в самых общих чертах, — осторожно ответила Зоя. — Кстати, я тоже не смогла объяснить ему, что произошло. Вот мы сидим вокруг стола в совершенно обычной гостиной и говорим то ли о яйцах, то ли об облаках, то ли о цветной капусте, а в следующий миг дружно бежим через задний двор, будто хотим удрать, не уплатив по счету. Что там случилось?

— Всего лишь некоторая неосторожность, — с сожалением ответил он, — как со стороны Ио-

ны Кле, так и с моей. Досадная случайность. Я позабочусь о том, чтобы этого не повторилось. На свете есть куда более уединенные места для встреч. Вы видели объявление Кеннела? Я был просто поражен.

— В самом деле?

— Еще бы! Ведь он же сказал нам, что хочет умереть посреди своей последней песни, выступая перед королем. Я и не думал в этом сомневаться. А вы?

Он умолк, ожидая ответа, и столь удивленно поднял бровь, что в сердце Зои тоже начал разгораться гнев.

— Конечно, нет, — сказала она, давя этот гнев в зародыше. — И что же? Вы собираетесь состязаться?

— Такого состязания я не пропустил бы, даже если бы оно привело к моей смерти, — самодовольно ответил он. — Более того — я собираюсь победить. — Тут он, наконец, блеснул своей обычной ослепительной улыбкой. — Но, прошу, пусть это не мешает вам состязаться со мной. Я так люблю ваш голос! А Фелан? Он собирается участвовать?

— Он сказал, что нет.

— Жаль. Постарайтесь переубедить его, хоро-

шо? Чем лучше соперники, тем лучше сыграю я. Вызов придает мне сил. Возможно, вы это заметили.

«Да, что-то уж точно придает тебе сил», — мрачно подумала Зоя, и тут же увидела, как глаза егосузились и насмешливо блеснули, словно он прочел ее мысли.

— Мне пора, — сказала она, отступив на шаг назад. — Нужно приготовить отцу ужин.

— О, вы еще и готовите? Как ему повезло! Тогда встретимся завтра? В «Круге Дней»?

Он выжидающе умолк. Теперь в нем не было ни самодовольства, ни вызова; вот только от ответа Зои явно зависело нечто очень важное для него.

Зоя кивнула.

— Прекрасно, — негромко сказал он. — У меня будет время завтра, в конце дня, перед королевским ужином. Будет играть Кеннел — я должен прийти и выразить ему свое почтение. Я подыщу более подходящее место для встречи и дам всем знать.

Он отвернулся — как раз вовремя, чтобы приветствовать множество учеников, только что покинувших класс и спешивших поделиться с ним восторгом, вызванным объявлением Кеннела. Распираемая изнутри невысказанными

вопросами, Зоя пошла своей дорогой — в башню, на кухню, где принялась разделывать курицу, стараясь не думать о них.

К ее немалому раздражению, гризхолдский бард то и дело возникал в ее мыслях весь этот день и весь следующий. Он просто источал противоречия — в этом, наверное, и крылся секрет его притягательности. Его язык говорил одно, взгляд — совсем другое, а улыбка опровергала все сказанное. Он родился в семье гризхолдского свинопаса и никогда не покидал Гризхолда. Если верить его словам. Однако же легко ориентировался в Кайрае без помощи карты. Волшебством он — опять же, если верить его словам — просто баловался, играя с языком «Круга Дней», будто ребенок с палочками. Но его музыка говорила совсем другое — казалось, она доносится сквозь время из давнего прошлого, древнего, как стоячие камни на вершине холма. Он лгал — лгал в каждой сыгранной ноте. Или в одной лишь музыке и не лгал.

В чем же правда? Это Зоя видела лишь урывками: безумные разрозненные мысли порхали на грани разума, как летучие мыши в потемках — едва различимые, тут же исчезающие, стоило только попытаться вникнуть в их смысл. По-

груженная в раздумья, она почти не обращала внимания на Фелана. Он, будто нечто привычное, вроде предмета мебели, то возникал за столом, читая какой-то древний том из отцовских книг, то спускался по лестнице с целой охапкой томов. Он был так же задумчив и рассеян, как и она. Когда, очнувшись от раздумий, Зоя спросила, о чем думает он, он пробормотал в ответ что-то невнятное и поспешил убраться с дороги. «Похоже, он с головой ушел в свое исследование», — догадалась она. Что ж, для этого было самое время. О чем он писал? О Костяной равнине? Очевидно, наконец-то нашел, что о ней можно сказать такого, что говорилось до него не сотню раз, а всего лишь дюжину.

Узнав, что за место выбрал Кельда для нового собрания «Круга Дней», Зоя на миг онемела от изумления.

Прямо под крышей королевского замка. Или, по крайней мере, под замковым двором.

— Мне показала его одна из фрейлин королевы, — неискренне, с хитрецой сказал он. — Очень старый подземный ход, ведущий из внутренних покоев замка к берегу реки. Несомненно, за сотни лет ему нашлось множество применений — тайные свидания, шпионаж, бегство из

осады… Скорее всего, это был туннель древней канализации; теперь он наглухо заперт от любопытствующих и злоумышленников. Думаю, там нас не отыщет даже Иона Кле.

— Какая… какая таинственность. Мы словно плетем заговор под самым носом у короля.

— Да, так и есть! — сама простота и каверзность, он улыбнулся ей той самой улыбкой кэльпи. — По крайней мере, там нам никто не помешает. Лорд Гризхолд потребовал: чтоб больше никаких необъяснимых инцидентов с дверными петлями и счетами от хозяев гостиниц. А что может случиться в этаком всеми забытом месте?

«В самом деле, что?» — гадала Зоя, пока беспечные, жизнерадостные ученики, точно заговорщики, собирались у железной решетки, перегородившей сводчатый каменный туннель, начинавшийся в тени широкого Королевского моста невдалеке от замка. Она могла бы поклясться, что решетка была заперта, но Кельда отворил ее легко и просто, будто дверь в детскую. Все быстро проскользнули внутрь и двинулись вперед по сухому, пахнувшему плесенью водоводу. Вскоре клонившееся к закату солнце скрылось позади, и Кельда извлек откуда-то — из рукава, а может, из кармана — огонь, вызвав волну восторженных

вздохов, эхом отразившуюся от каменных стен и унесшуюся вдаль, навстречу волнам реки. Изумленная, Зоя почувствовала чьи-то нетерпеливые пальцы, сомкнувшиеся на запястье, и услышала голос Фрезера.

— Вы видели? Он зажег огонь прямо из воздуха — из тени…

— Видела.

— Я был прав! Я чувствовал, что в этих словах — волшебство, и он его знает! Зоя, он может научить ему нас!

— Да, — ответила Зоя.

В пустом потайном туннеле, что вел в самое сердце королевского замка, ей было очень не по себе. Яростная хватка Фрезера разжалась, но его пальцы, от возбуждения холодные как лед, то и дело касались руки Зои — очевидно, ее присутствие успокаивало его, придавало ему уверенности. Однако ей самой искать поддержки было не у кого. Каждый шаг по неровной земле вел все ближе и ближе к загадочному сердцу оборотня-кэльпи, и она прекрасно понимала, что идет по этому пути одна: в приглушенных голосах вокруг не было ни грана подозрений — лишь нетерпение да предвкушение чуда.

Для человека, никогда прежде не бывавшего в

Кайрае, бард потрясающе уверенно ориентировался в лабиринте коридоров, раскинувшемся под замком. Он игнорировал одни ходы и сворачивал в другие, пока не достиг места, с виду ничем не отличавшегося от всех остальных, и не остановился.

Ни слова не говоря, он опустил огонек на землю и жестом пригласил всех сесть вокруг. Затем он снял с плеча футляр и вынул из него ту самую странную арфу, что была при нем в гостинице, очень старую на вид, не украшенную ни серебром, ни золотом, ни самоцветами — ничем, кроме царапин, словно бы наобум вырезанных ножом неведомого арфиста от великой скуки.

Подняв арфу над огнем, чтобы все могли разглядеть ее, Кельда заговорил.

— Мне показал эту арфу старый крестьянин, чьи пальцы так одеревенели, что он больше не мог играть на ней. Ему понравилась моя музыка и мой интерес к его арфе. Написанных на ней слов не мог прочесть ни он, ни его отец. Семейное предание гласило, что их могла знать его прабабка. Передавалось от отца к сыну и другое предание: будто бы эта арфа странствует по свету своим собственным путем, идет, куда хочет, и сама выбирает себе владельцев, — он улыбнулся. — Я

почувствовал, что она выбрала меня, и взял ее себе. И выучился играть на ней. Очень хорошо выучился… — он легонько тронул струну, и огонь откликнулся: пламя ярко вспыхнуло, потянулось вверх, закружилось спиралью, повинуясь звуку, рожденному струной. — Вы могли слышать ее в тот, прошлый вечер. А если и нет, неважно. Обещаю: сегодня вы ее услышите. А вскоре ее услышит и весь Кайрай.

— «Круг Дней»! — выпалил Фрезер, не отрывая от арфы глаз. — Это же те слова, которым вы нас учили — вырезаны по всему дереву!

— Да, арфа заговорит этим языком, — просто ответил Кельда, — если знать, как попросить ее об этом.

Зоя почувствовала глубоко внутри дрожь, как будто арфа уже зазвучала, и кровь ее сердца откликнулась на звук ужасом, изумлением, страстным желанием. Она ненадолго смежила веки, пытаясь вспомнить, для чего последовала за этим арфистом под землю, в столь потаенное место, такое далекое от всего, что она знала, и настолько близкое к ни о чем не подозревающему королевскому двору над головами, что стоит Кельде взять неверную ноту — и сам король может свалиться сверху в их круг вместе с грудой

камней.

Открыв глаза, она обнаружила, что смотрит прямо в темные глаза Кельды, тут же спрятавшиеся, скрывшиеся за отблесками пламени.

— Слушайте, — сказал он.

Первая нота была так чиста и сладкозвучна, что сердце Зои переполнилось изумлением. Она вновь смежила веки, вдыхая с воздухом следующие ноты, вбирая их до мозга костей, проникаясь ими до тех самых глубин, где начинаются слезы.

Глава восемнадцатая

Итак, куда привела нас судьба Найрна? Для истории он погибает при разрушении школьной башни. Но, едва исчезнув из истории, он обретает новую жизнь в поэзии — большей частью в различных балладах, что исполнялись задолго до того, как были записаны на бумаге. Он раз за разом появляется всюду, от вульгарных уличных виршей до элегантных куртуазных баллад, без каких-либо вводных комментариев, как будто за сотни лет его имя и сказка о нем стали настолько общеизвестными, что никаких пояснений не требуется. Он — «Неудачливый бард», «Бродяга», «Заблудший», менестрель-попрошайка с вечно настроенной не в лад арфой, вызывающий скорее смех, чем отторжение. Он — «Проклятый», трагический персонаж назидательных сказок, бард, достаточно одаренный, чтобы предстать перед Тремя Испытаниями Костяной равнины, но такой глупый, что терпит поражение во всех трех.

И он же — «Неприкаянный» и «Непрощенный».

Как поэтический образ, он не представляет интереса для историка, в чьих глазах то, что

исчезло, уходит в примечания и сноски, а раз умерший остается мертвым навсегда. Но если историк в настроении строить гипотезы и склонен различать и чувствовать в песнях и символах прошлых столетий следы реальных событий, картина исчезновения Найрна принимает весьма интересный, пусть и совершенно фантастический, оборот.

Явного следа, ведущего из истории в поэзию, он нам не оставил. В абсолютно прозаических записях школьного эконома он признан погибшим в конце состязания бардов и более не упоминается ни Дауэром Реном, ни кем-либо из более поздних Ренне или Реннов на протяжении столетий. Что до Деклана, он, храня верность королю Оро, еще некоторое время после состязания преподавал в своей школе, пытаясь, по всей вероятности, воспитать более подходящую кандидатуру на должность королевского придворного барда. Блассон Персер из Уэверли, по словам придворного летописца, «…радость немалую королю музыкой своею доставляет, однако ж к любым иным силам барда, в коих король столь отчаянную нужду испытывает, глух».

Основатель первой школы бардов в Бельдене умер во сне черед двенадцать лет после состя-

зания. Из школьных средств было исправно уплачено за «гроб из лучшего дуба и ясеня с петлями и оковкой чистого золота для погребения первого королевского барда Бельдена», а также за «похороны и все, что для пира поминального потребно». Эти суммы, вместе со стоимостью трехдневного пребывания в школе придворной знати, были вычтены из «средств, полученных от королевских посланников в виде весьма прещедрого в пользу школы от короля пожертвования».

Далее в повествовании придворного летописца появляется странная подробность: он отмечает, что позже один из посланников жаловался королю, что «самоцветы с арфы Деклана украдены были пред тем, как оную арфу во гроб его положили». Король, продолжает летописец, «интерес немалый к сему выказал, но всякие следствия и обвинения супротив школы настрого воспретил». Так все и кончилось ничем — по крайней мере, для короля Оро. Самоцветы отправились странствовать своим путем, а придворный бард короля Блассон занимал эту должность почти тридцать лет, пока сам король Оро не вдохнул «воздуси чужих земель», таких далеких от его родины, в последний раз в жизни.

И вот, через двести двадцать девять лет по-

сле разрушения верхушки школьной башни и исчезновения Найрна, его имя вновь появляется в счетных книгах школы. И слова, сопутствующие ему, наконец-то открывают нам путь из истории в поэзию. В скрупулезных записях Аргота Ренне внезапно появляется следующее: «…принимая во внимание нестареющее морщинистое лицо, беспросветно темные глаза и тот факт, что ему было ведомо мое имя, Ренне, хотя он и пробыл камнем всю нашу жизнь, а наипаче всего принимая во внимание его поразительный вопрос касательно существования древнего «Круга Дней», тайного конклава, на краткое время возникшего во времена Деклана, я убежден: это тот самый бард, ищущий смерти, а именно — Найрн».

«Круг Дней» — вот оно, связующее звено, которого нам не хватало!

Вошел в сапогах и штанах к ней, как был,

А вышел в платье одетым,

И снова исчез среди пестрой толпы

С прощальным подарком – монетой.

Неизвестный автор.
Из «Баллады о Бродячем барде»

Второй раз в жизни опозоренный Найрн тайком бежал, спеша скрыться от всех и вся, с глаз долой, и чувствуя себя ничтожным, точно земляной червь. Нет, еще ничтожнее — ведь даже черви под ногами были созданиями добрыми и полезными, и жизнь вели бессребреническую и плодотворную. А вот ему не было места нигде — что нужного или желанного он может хоть кому-нибудь предложить? Ничего. Спотыкаясь о корни, наталкиваясь в темноте на деревья, он мрачно размышлял о том, что стихи кое о чем умолчали. Даже поверженный герой в когтях дракона мог испустить дух, зная, что стремления его были достойны, храбрость непоколебима, он сделал все, что мог, и погибает с честью. Однако бард, потерпевший неудачу во всех Трех Испытаниях Костяной равнины, подобного утешения был лишен. Список его поражений был точен, и приговор суров. Вот только в стихах ни слова не говорилось о неистребимом привкусе в горле — таком, точно он наелся сухой и горькой золы вчерашнего костра. Стихи и не заикались об ощущении, будто даже кости горят от стыда, и

во всем теле нет укромного уголка, куда можно забиться и спрятаться. И Найрну, в отличие от героя, было не найти освобождения даже в смерти от драконьих когтей, разрывающих сердце.

И это было еще не самое худшее.

Самое худшее открылось после, с течением дней, недель, месяцев. Арфа звучала не в лад, и уши больше не различали той точки, когда натянутая струна зазвучит верно. Пальцы словно превратились в туго набитые колбасы — проворства и гибкости в них осталось не больше. Из памяти исчезали строки, куплеты, а то и целые песни. Если на деревенской улице ему и подавали монетку-другую, то только из жалости к дурачку, с трудом извлекающему из скорбной головы обрывки танца или баллады. Играя против Уэлькина, он будто сжег себя дотла, и от всей его музыки осталась лишь пара крохотных, медленно дотлевавших угольков.

Ни о чем таком поэт не упоминал.

Не предупреждали стихи и о постоянном одиночестве, о необходимости прятаться, менять имя, постоянно кочевать с места на место, только уже не из любопытства, без той радости, что приносили прежние странствия. Теперь он шел вперед, чтоб убежать от самого себя, но всякий

раз уносил себя с собой. Все это он узнал за первые месяцы новой жизни — немилосердно погожее лето начала его изгнания и яркую, красную с золотом осень. Остальное сделалось ясно лишь годы, а то и века спустя.

В те долгие первые месяцы его неотвязно мучил один и тот же сон — одни и те же жуткие разрозненные видения из башни. Надежда, что башня однажды вернется, что он сможет войти в нее снова и изменить, исправить прошлое и будущее, держала его у границ равнины. В маленьких деревушках на опушках лесов можно было найти какую-нибудь бездумную работу, разжиться толикой денег и продолжать путь — но лишь туда, откуда, стоит повернуть голову, увидишь необъятный зеленый простор от края до края света, покатые холмы, кривые деревья, торчащие там и сям над волнами зелени, одинокие и загадочные, точно стоячие камни. Казалось, глядя на все это, он слышит в ветре отголоски музыки — быть может, доносящейся из Школы-на-Холме, а может, звучащей в памяти самой равнины — и вот-вот вспомнит все, что когда-то любил.

Ночью, если случался поблизости стоячий камень, он устраивался спать, прижавшись к нему. От не подвластных времени монолитов веяло хо-

лодным уютом, и это, вопреки всякому здравому смыслу, внушало надежду, что каменный столп каким-то чудом сольется с его сновидениями и снова воздвигнет вокруг него стену из камней, бесконечной спиралью уходящих ввысь, — то самое место, в образе, имени и силе которого он так безнадежно запутался.

На то, чтобы смириться с истинным положением дел, ушел не один десяток лет. Мало-помалу, с течением времени, за неприкрытой обыденностью жизни, ему почти удалось забыть даже эти стихи. Сыном крестьянина был он рожден, и посему сам сделался крестьянином — поначалу батрачил на хозяев, а после обзавелся собственным клочком земли у края равнины. Выстроил дом, определил арфе место в самом дальнем его углу, взял себе жену, та родила ему детей, и от всего этого можно было ждать вполне предсказуемой судьбы — так любой живой твари на свете сделалось бы легче. Но время шло, и он с леденящим кровь ужасом обнаружил, что пережил всех прочих обитателей своего крохотного мирка, включая собственных детей. И внуков переживет — те уже скоро начнут тревожно поглядывать на него и загибать пальцы, вспоминая, сколько ему лет. Конечно, когда он решил осесть на этом

клочке земли, никто из живущих не знал его возраста, и все же… Все это было неестественно. Время не желало писать на его лице историю его жизни, как на лицах других, отчего он казался одновременно и нестареющим, и каким-то незавершенным.

В конце концов он извлек из паутины арфу, вышел за порог и смирился с тем, что он — Неприкаянный. Но как же теперь с этим жить? Не зная ответа и не чувствуя ничего, кроме полного отчаяния, он отправился обратно в школу.

Школа тоже переживала трудные времена. По всему Бельдену цвели города. Уединенная деревушка Кайрай, столь многообещающая тем давним летом, увядала: суровые зимы гнали прочь всех, кроме самых крепких да самых упрямых. Молва о школе разнеслась по всей стране, и, в подражание ей, школы бардов появились повсюду. Школа-на-Холме стала легендой — и, как порой бывает с легендами, по большей части отошла в мир воображения. Таланты из состоятельных семей, вдохновленные ее существованием, отправлялись в более комфортабельные школы поближе к дому; учиться и учить в школу на равнине шли нищие гении, привлеченные сказаниями о Деклане и первом состязании бар-

дов. Когда вернувшийся почти сотню лет спустя Бродяга остановился в темноте, вслушиваясь в музыку, доносившуюся изнутри, школа была почти такой же, какой сохранилась в его памяти.

Он уселся на склоне холма, среди кольца стоячих камней, откуда мог видеть горстку огоньков вдоль берега реки и бесконечное, необозримое море звезд над равниной. Что делать? Он и понятия не имел. Играть на прихваченной с собой арфе он больше не мог, а сверкающие ленты куплетов и строк, что, развернувшись, могли бы вытянуться от края до края равнины, но некогда с невероятной легкостью умещавшиеся в голове, почти позабыл. Назваться? Вряд ли его хоть кто-нибудь вспомнит. А если и вспомнят, то что с того? Даже если поверят…

И тут ему удалось разбудить в себе волшебство. С безмерным удивлением почувствовав переполнившую его силу, он загадал желание. Оставив позади прошлое и видя впереди лишь вечность без будущего, глядя на камни, венчавшие холм, он пожелал стать одним из них — обычным древним, видавшим виды валуном, глубоко ушедшим в землю равнины, не имеющим ни нужды кому-то что-то объяснять, ни воспоминаний, кроме самых простых. Должно быть, пока

нежданное, но с такой радостью встреченное превращение трудилось над его сознанием, сердцем, дыханием и телом, он неосознанно оставил себе путь к возвращению: в последний миг он пожалел лишь о том, что этот выход не пришел ему в голову раньше.

Так Найрн на пару сотен лет сделался камнем. Как ни странно, небытие не мешало ему преуспевать. В балладах, в стихах его слава росла, как неистребимый сорняк, и ветры разносили ее семена по всему Бельдену. Он спал мирным сном старого замшелого валуна, полным неспешных сновидений, лишь слегка просыпаясь в самой глубине души, когда ученики присаживались на него поупражняться в музыке — и в то же время против собственной воли жил бесчисленным множеством жизней!

Полностью прогнала его сон песня, проникшая вглубь камня и нащупавшая внутри человеческую душу. Услышав эту песню, он навострил ухо, а за ним и другое, и, наконец, открыл глаза, чтобы увидеть певицу со столь роскошным голосом, буйным и чистым, как ветры над равниной. Давно забытым привычным движением он выпрямил ноги, поднимаясь из земли, примятой валуном, чтоб угнездиться в ней поудобнее. Песня умолкла

на полуслове. Утро пахло весной, сырой землей и свежей травой. Он встал во весь рост, с арфой, о которой давно позабыл, на плече, и заморгал, очищая мозг от камня, под изумленным взглядом темноволосой девушки, собиравшей землянику среди стоячих камней.

От неожиданности она на миг замерла без движения. Найрн кашлянул, прочищая горло. При этом звуке девушка вздрогнула так, точно все ее кости разом рванулись прочь из тела. Развернувшись, она без оглядки кинулась в кусты боярышника и выскочила с другой стороны, всполошив пару зябликов, с отчаянным щебетом взвившихся в воздух за ее спиной.

Найрн постоял на месте, наблюдая за успокаивающимися птицами. Кусты были новыми, незнакомыми. Он обошел их кругом, вновь привыкая к движению. Земли вокруг школы выглядели непривычно ухоженными: цветники, выкошенные лужайки… Вниз по склону холма к мосту через реку тянулась дорога, аккуратно обнесенная низкими каменными оградками. Деревня по обе стороны реки заметно разрослась вдаль и вширь. Сколько новых домов и амбаров успело вырасти здесь с тех пор, как он закрыл глаза! Дома на том берегу разделял надвое отрезок

булыжной мостовой. В отдалении, у воды, росло огромное здание — камни, скрепленные известковым раствором, слагались в стены, спиралями тянулись вверх, образуя мрачные недостроенные башни, как две капли воды похожие на полуразрушенную башню школы. Повсюду вокруг Кайрая бурное море трав было разделено, разгорожено, разграничено квадратами, треугольниками, ромбами черной вспаханной земли.

Сколько же времени он пробыл камнем?

Тут что-то вторглось в его мысли. Поняв наконец, что это, он по привычке пошел к задней двери школы — туда, откуда впервые за две сотни лет почуял запах еды.

Чтобы попасть туда, пришлось отворить калитку в заборе, окружавшем изрядных размеров огород. Тут на него легла тень башни, и он попятился назад, опасливо глядя наверх. Вид башни, лишенной верхушки, пробудил воспоминания о падавших с неба камнях. Найрн озадаченно покачал головой, не понимая, какую же башню разрушил. Он-то думал, то была Вьющаяся башня! Быть может, эту зацепило разлетом призрачных камней? Или Вьющаяся башня на самом деле была тенью, призраком древней сторожевой башни на холме? Как бы там ни было, странно, что ее так

и не починили. Неужели кто-то действительно помнит о волшебстве, разнесшем ее верхушку? Или она просто стоит над равниной, точно загадка? Точно еще одна тайна прошлого — место, где некогда случилось нечто ужасное или чудесное, только никто не помнит что…

Сквозь распахнутую дверь в кухню он вновь увидел ту же темноволосую девушку.

Она безмолвно смотрела на него, помешивая жаркое, кипевшее в котле над огнем. От запахов лука, грибов и баранины в дымном воздухе все тело внезапно, мучительно встрепенулось, возвращаясь к жизни.

Тут он снова услышал ее голос — слабый, слегка дрожащий.

— Можешь взойти наверх по этим ступеням. Ученики как раз завтракают. Присядь там, я принесу тебе поесть.

Он с благодарностью кивнул, вспоминая нужные слова.

— Спасибо тебе.

— Если… если захочешь сыграть им, они послушают. Музыканты часто платят за еду песнями, а новым песням мы всегда рады.

Он повернулся к знакомым истертым ступеням.

— У меня нет новых песен, — с непривычки его голос, тяжкий, выветренный голос камня, звучал грубо и резко. — Только самые старые в мире.

Она принесла ему огромную миску жаркого, хлеб, сыр и собранную среди камней землянику. Он съел все до крошки, радуясь ее прозорливости, подсказавшей ей, что старый валун, лежавший на холме задолго до ее рождения, может проголодаться сильнее многих. Никто из учеников не заговорил с ним, хотя все то и дело с любопытством поглядывали на него и его арфу. Но он не стал предлагать сыграть в уплату за еду, и вскоре ученики разошлись, оставив пустые миски и кружки в беспорядке разбросанными по столам.

«Что ж, по крайней мере, на это-то я сгожусь», — подумал он, возвращаясь на кухню.

Кухня была пуста. Он отыскал поднос, поднялся наверх за грязной посудой и снова спустился вниз. Покончив с мытьем мисок наполовину, он услышал с лестницы шаги.

Следом за девушкой в кухню спустился человек со стопкой грязной посуды в руках. Найрн оглянулся, и он чуть задержался на последней ступеньке, точно остановленный чем-то во взгляде Найрна. Что до него самого — этого вдумчивого, пристального взгляда нельзя было не узнать

даже после стольких лет. Его взгляд совершенно не изменился, хотя лицо было куда старше, чем то, что сохранилось в памяти, а в волосах густо серебрилась седина.

— Рен? — догадался Найрн, принимая миски. — Школьный эконом? Значит, ты все еще здесь, в башне?

Человек с опаской кивнул.

— Да, я — Аргот Ренне. А это — моя дочь, Линнет. А ты кто?

Найрн отвернулся к лохани с водой.

— Никто. Просто прохожий, нуждавшийся в пище.

— Я сказала ему, — пробормотала девушка, — что он может расплатиться за еду музыкой.

Голос ее звучал, точно журчание ручья.

— Еще один арфист вам здесь вовсе ни к чему. Домою посуду и пойду.

— Куда? — резко спросил эконом. — Куда ты пойдешь?

Найрн снова оглянулся на него. Аргот Ренне смотрел на него круглыми от изумления глазами, пораженный собственной догадкой, словно узнал сказку, выбравшуюся из земли и камня только затем, чтобы заглянуть на школьную кухню и вымыть посуду.

— Не знаю, — наконец ответил Найрн, отскребая очередную миску. — Пока что об этом не думал.

— Здесь, в башне, имеется свободная комната. Можешь остаться на время. И подумать здесь.

Найрн покачал головой.

— Нет, — коротко ответил он. — Только не здесь.

— Что ж… — школьный эконом замялся, с трудом подыскивая нужные слова. — Могу ли я… могу ли я тебе чем-то помочь? Прежде чем ты уйдешь?

Найрн сполоснул вымытую миску. Линнет молча протянула руку и приняла ее, чтобы вытереть, и он снова вспомнил голос, разбудивший и вернувший его к жизни, а затем и собственное волшебство, что уложило его в землю.

— Может быть, — хрипло ответил он, — ты сможешь сказать мне, давно ли умер Деклан?

Эконом ответил. Посчитав в уме, Найрн был изумлен.

— И все это время… Понятно, отчего я был так голоден.

Он взялся за новую миску. Следующий вопрос порхал в голове, как бабочка, пока не присел отдохнуть и Найрн не сумел изловить его.

— А существует ли… существует ли до сих пор что-нибудь вроде «Круга Дней»?

Эконом открыл рот, но тут же закрыл его.

— «Круг Дней»… — тихо повторил он, помолчав.

— Ты знаешь, что это?

— Да. Я читал ту старую… Словом, читал о нем. Нет. Даже не слышал, чтобы поблизости было что-то подобное, — задумавшись, он снова ненадолго умолк. — Хотя, может быть, где-то еще? Сейчас в Бельдене столько школ бардов. Думаю, стоит поспрашивать в них.

Найрн оценил эту мысль, отдавая Линнет очередную кружку.

— Да. Пожалуй, так и сделаю. Поброжу по свету… — он подал девушке еще одну миску и улыбнулся ей. Казалось, губы раздвигаются медленно, с трудом, со скрипом. — У тебя самый красивый голос, какой я только слышал, — сказал он, вызвав робкую ответную улыбку на ее губах. — Смотрю на тебя и вспоминаю одну девушку, которую знал когда-то, давным-давно… Та тоже кухарничала, а ее пение было прекрасным, как встающая над миром заря.

Покончив с посудой, он покинул башню и отправился на поиски «Круга Дней».

Глава девятнадцатая

Фелан начал следить за отцом.

Нет, это решение не было сознательным. Рассудок не имел с ним ничего общего. Почему он то и дело оказывался в самых неожиданных местах в разные часы дня и ночи, прятался за мусорным баком или элегантным паровым экипажем, наблюдая, куда Иона отправится дальше? Этого он не пытался объяснить даже самому себе. Случайно найденные крупицы информации, совершенно разрозненные факты, которые он едва мог вспомнить, сойдясь друг с другом, высекли искру, точно кремень и кресало. Свет этой искры озарил Иону, и, раз увидев то, что сделалось явным, Фелан уже не мог оставить поиски. Вот только обсудить все это с точки зрения разума он не мог ни с кем, а уж с Ионой тем более. Он искал нечто, прячущееся за языком, меж строк, и это нечто, как ни одна из прежних выходок отца, влекло его вперед, к решению головоломки по имени Иона Кле.

Поглощенный этим, он почти не замечал хлынувшего в город потока музыкантов, кроме тех

случаев, когда приезжие переполняли улицы и трактиры настолько, что мешали следить за Ионой. Если внимание привлекала незнакомая песня честолюбивого провинциала из какого-нибудь дальнего уголка Бельдена, вдохновленного древней историей и легендами о состязаниях бардов и спешащего добавить к ним еще одну прямо здесь, посреди улицы, Фелан в удивлении замедлял шаг и вспоминал, отчего Кайрай наполняется людьми и музыкой. Порой услышанная мелодия эхом отзывалась в сердце, заставляла остановиться, замереть, и тогда он, как его учили, откладывал ее в памяти, вплетая музыку в аромат ухи, в крики чаек над доками, в отблески света на инструментах музыкантов, запоминал на будущее и шел дальше.

Если Ионе удавалось ускользнуть, покинув дом в те редкие часы, когда Фелан спал (урывками и зачастую с книгой на лице), он заново обходил любимые места отца — музеи, заброшенные раскопы, стоячие камни на берегах Стирла, где отпечатки ног и пустые бутылки в грязи вполне могли принадлежать Ионе. Впрочем, он не забывал о занятиях с учениками, и спорадически, в тех редких случаях, когда и он, и Иона были дома, работал над статьей. Он рылся в школьной

библиотеке и в счетных книгах экономa, и стопка страниц медленно, но верно росла. Подобно его мыслям, страницы исследования стремились к тому, что еще не могло появиться на свет: чтобы закончить работу, следовало отыскать путь сквозь лабиринт фактов, домыслов и дичайших нелепостей, из которых складывалась жизнь Ионы.

Что же до самого Ионы — он преследовал гризхолдского барда Кельду.

Фелан понял это, когда Иона в третий раз появился на приеме в замке — трезвым, вовремя и без затейливых ухищрений со стороны Софи. Более того: как оказалось, он вполне может поддерживать светскую беседу интеллигентными и уместными замечаниями, в то же время будто вбирая каждую ноту гризхолдского барда зловещим непримиримым взглядом. Кельду это, однако ж, ничуть не беспокоило. Сталкиваясь с Ионой в толпе, он добродушно заговаривал с ним, как правило, о приближающемся состязании бардов, отчего Иона на глазах мрачнел, пока Кельда с довольной улыбкой не удалялся очаровывать кого-нибудь более учтивого.

«Я слежу за тобой, — говорил взгляд Ионы. — Я глаз с тебя не спускаю». Но с какой целью? Этого

Фелан никак не мог понять. На приближение Кельды Иона отвечал лишь тем, что тянулся к ближайшему подносу с бокалами. По крайней мере, так Фелан думал, пока слежка за отцом не привела его в заброшенную канализацию.

Тот день, уже с утра казавшийся слишком долгим, обещал стать еще длиннее. Формально он начался довольно рано — с завтрака с Зоей перед занятиями. В то утро они встретились в профессорской трапезной, среди немногочисленных преподавателей и отставных бардов, все еще просыпавшихся с рассветным пением птиц. Войдя, Фелан увидел Зою, в одиночестве сидящую за столиком, залитую разноцветными солнечными лучами, струившимися в зал сквозь витражи окон. Растрепанная, с покрасневшими глазами — похоже, она чувствовала себя не лучше, чем он. Он придвинул стул и сел рядом, и она непривычно нервно вздрогнула от неожиданности. «Должно быть, это все надвигающееся состязание, — подумал он. — Такое событие кого угодно сделает пугливым, как кошка». Неформально его день вовсе не начинался, а просто плавно вытек из предыдущей ночи: следя за Ионой, он оказался в древнем трактире на юге Кайрая, выстроенном в круге стоячих камней и в эту ночь

собравшим под своей крышей половину заезжих музыкантов.

Вероятно, поэтому Зоя, бросив на него один лишь сонный взгляд, неожиданно расхохоталась.

— «Веселый Рампион», — лаконично объяснила она, прочитав его мысли. — А ты?

— Кажется, это называлась «Приют рыбака», — зевая, ответил он. — По крайней мере, рыбой там воняло жутко, — официант поставил перед ним кофе. Склонившись к чашке, Фелан глубоко вдохнул его аромат. — И музыкантов было, что сельдей в бочке, — добавил он после обжигающего глотка.

— Везде сейчас так, — кивнула Зоя. — Полночи с ними играла.

— Оценивала противников?

— Да, именно, — невесело улыбнулась она. — А ты?

— Нет.

— Кельда думает, тебе следует выступить.

Слишком утомленный для драм, Фелан сделал еще один глоток и мягко спросил:

— А не все ли мне равно, что там думает Кельда?

Затаив дыхание, Зоя уставилась в свою чашку,

затем взглянула на Фелана. Его искренняя улыбка смягчила ее взгляд.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты выступил. Это могло бы меня вдохновить. Вряд ли, конечно, поможет играть лучше Кельды — не думаю, что кто-то вообще на это способен, — но мне бы хоть саму себя превзойти.

Возникший в голове Фелана вопрос удивил его самого.

— Ты боишься?

Зоя вновь принялась разглядывать чаинки в чашке.

— Да. Нет. Какая разница? Почему я должна бояться? И отчего не должна?

Она выпрямилась и убрала со стола локти, освобождая место для тарелки, которую официант (в другой жизни — один из учеников) поставил между ними. На завтрак в этот день подавали спаржу, завернутую в тонкий омлет с зеленью, землянику со сливками и сухарики с луком. Официант взглянул на Фелана, вопросительно приподняв брови.

— Да, будьте любезны, — ответил Фелан.

В ожидании он снова принялся разглядывать Зою. Та жадно ела, то ли не обращая на него внимания, то ли избегая его взгляда. Вскоре прибыл

и его завтрак, и он полностью сосредоточился на еде, но вдруг Зоя спросила:

— Так ты будешь?

— Что?

— Играть на состязаниях. За компанию со мной.

Вилка в руке Зои замерла над тарелкой. Теперь она смотрела на Фелана, и ее блестящие глаза были полны тревоги. Поежившись, Фелан пробормотал что-то неразборчивое. Призрак гризхолдского барда начинал влиять даже на решения, касающиеся только их двоих, и это не на шутку раздражало.

— Если да, — с воодушевлением продолжала она, — ты мог бы написать итоговую работу об этом состязании. Ведь здорово выйдет: первая серьезная работа, написанная с точки зрения музыканта, который в нем участвовал. Ты говорил, у тебя трудности с той темой, что ты выбрал, и…

— Уже нет.

Чувствуя ее мимолетное удивление, Фелан подцепил с тарелки кусок омлета и отправил его в рот, чтобы избавиться от лишних вопросов.

Пока он жевал, Зоя не сводила с него взгляда и через некоторое время сказала только:

— Ну и хорошо. Значит, она больше не будет

тебя так мучить. Я понимаю, почему состязание тебе не интересно. Но есть причины… — голос ее осекся, и Фелан удивленно взглянул на нее, но Зоя опустила лицо, спрятавшись за завесой волос. Это было так необычно, что он, пораженный, отложил вилку. — Есть кое-что, — наконец продолжила она, — даже не знаю, что об этом и думать. Хотелось бы, чтобы и ты на это взглянул.

— О чем ты…

Но Зоя быстро замотала головой, и Фелан снова увидел ее лицо — тонкий профиль на темном фоне и глаза, почти черные от полноты чувств.

— Я была бы очень благодарна, — тихо, с дрожью в голосе сказала она, — если бы ты играл вместе со мной — от всей души, от всего сердца, как самый волшебный инструмент на свете. Не знаю, чего ожидать от этого состязания, но думаю, это будет нечто такое, чего никто не смог бы предугадать. Играй, чтобы победить. Против Кельды меньшим не обойтись. Тут нужно все, что может дать твое сердце.

В мыслях тут же возник фрагмент того, на что Фелан наткнулся в своих исследованиях. Поняв, что именно он узнал в словах Зои — старейшее состязание в Бельдене, какого не бывало ни в пяти королевствах, ни до них, — он окаменел.

— Мне не выиграть, — предупредил он. — Скорее всего, вылечу в первый же день.

— Неважно. Пожалуйста. Ты мне очень нужен.

Кивнув в ответ, Фелан почувствовал, как ее пальцы, холодные, как камень, коснулись его руки.

Таково было начало его дня.

Фелан провел урок, на котором, как ни удивительно, отсутствовал Фрезер, вероятно, приходивший в себя после более увлекательных тем прошлой ночи. Впрочем, на упражнениях памяти не мог сосредоточиться никто: ученики без зазрения совести забывали стихи и знать не желали ничего, кроме состязания бардов. Кроме этого их интересовал лишь один вопрос — как полагает Фелан, может ли существовать на свете бард лучше Кельды, или нет?

С облегчением отпустив учеников, он отправился следить за отцом.

Он вовсе не думал застать Иону спящим дома, в постели, ввалившись домой ни свет ни заря. Тем не менее первым делом следовало посмотреть там. Войдя, он обнаружил мать за завтраком, с парой стеклянных ущербных лун, балансирующих на изящном носу. Попивая кофе, она читала его неоконченную статью.

Он поморгал, не веря своим глазам. Но мать не исчезла, а только склонила голову, глядя на него поверх очков.

— Ах, это ты, дорогой. Полагаю, отца ты не видел?

— Что ты делаешь?

— Читаю.

— Это же моя работа.

— Да, и, по-моему, она просто изумительна. Надеюсь, ты не возражаешь? Иногда я в самом деле интересуюсь, чем вы живете.

Оправившись от оцепенения, Фелан присоединился к ней за столом и только тут вспомнил, что на нем все еще вчерашняя одежда, от которой, скорее всего, здорово разит «Приютом рыбака».

— Должно быть, чтение не из легких, — заметил он, наливая себе кофе. — А я ведь даже не знал, что у тебя есть очки.

— Вот видишь, есть вещи, которых мы друг о друге не знаем. Например, где сейчас может быть Иона?

— Я видел его несколько часов назад. Точнее, незадолго до рассвета, в трактире на южном берегу. Он слушал музыкантов.

Помолчав, он неловко добавил:

— И был один.

— Не считая тебя, естественно, — невозмутимо сказала Софи.

— Ну… да.

— Но у него, определенно, что-то на уме, тебе не кажется? — подняв изящные брови, мать нацелила на Фелана ущербные луны. — Как ты думаешь, может, это из-за состязания бардов? Ведь ты участвуешь? — Он молча кивнул. — Возможно, жалеет, что не может участвовать, как ты считаешь? Вчера… Кажется, это было вчера… Да. Мы давали наш ежегодный обед с ухой в королевских доках в пользу «Общества помощи вдовам и сиротам Стирла». Какой был успех… Он прислал мне цветы.

— Кто? — удивленно спросил Фелан.

— Твой отец.

— В таком случае, это серьезно. Уж не собрался ли он умирать?

— Да, вот и мне интересно. Ты не мог бы поискать его? В последнее время он был слишком… слишком вежливым. Меня это тревожит.

Осознав, что таращится на мать с отвисшей челюстью, Фелан закрыл рот и снова открыл его, чтобы спросить:

— Ты хочешь, чтобы я ему что-нибудь передал? Он должен куда-то явиться?

— В том-то и дело. В последние дни он всегда именно там, где должен быть. Приглядывай за ним, хорошо? Только ненавязчиво. И дай мне знать, если у него будут какие-нибудь неприятности. Ну, помимо обычных. Ты не против?

— Нет, — оторопело ответил он. — Думаю, время у меня найдется.

Проехав на паровом трамвае вдоль реки, он некоторое время бродил по улицам, ведомый музыкой, звучавшей из распахнутых дверей, несшейся над пирсами, собиравшей толпы на перекрестках. Музыка подсказывала, где искать, или по крайней мере придавала его блужданиям некую упорядоченность. Но по большей части он исходил из предположения, что Иона объявится сам собой — нужно только не упускать его из головы. Что, учитывая собственные безумные подозрения, было совсем не сложно. Правда, порой в мысли вторгался образ взбалмошной, непредсказуемой матери в домашнем халате, читающей его исследовательскую работу. Да еще Зоя… Во что она его втравила? Он же вовсе не хотел этого!

Под ярким утренним солнцем Ионы нигде не наблюдалось. Повинуясь интуиции, Фелан перешел реку по Докерскому мосту, посмотреть, нет

ли отца в раскопе. А может, он спит где-нибудь на куче мусора прошлого века? Или, может, принцесса что-нибудь знает?

Беатрис поднялась к нему, уже испачканная с ног до головы и взмокшая на жаре. Сняв соломенную шляпу, она обмахнулась ею, как веером, и непокорные золотистые локоны, вырвавшиеся из безжалостного плена заколок, затрепетали в воздухе у ее щек.

— Заходил несколько раньше, — ответила она на вопрос Фелана. — Спрашивал, не видела ли я Кельды с утра, перед уходом из замка. Конечно, не видела — в такой одежде я вообще стараюсь ни на кого не наткнуться. Больше он не сказал ничего. Ушел, а я вернулась вниз, расчищать эту каминную полку. Понятия не имею, куда он мог направиться, — принцесса помолчала, вопросительно глядя на Фелана. Ее глаза сияли яркой синью на фоне пыльной маски, в которую превратилось ее лицо. — Я вижу, как он в последнее время смотрит на Кельду во время приемов при дворе.

— Да, — с нажимом ответил Фелан. — Думаю, в прошлом между ними что-то произошло, что бы там Кельда ни говорил. Вот я и пытаюсь присмотреть за отцом. И понять, в чем дело.

Надев шляпу, принцесса пристально взглянула на Фелана из тени ее полей.

— Ничего не пойму, — прошептала она. — Ничего. Кельда… он не может, не должен знать того, что знает. И не может быть таким молодым, как утверждает, если в прошлом сталкивался с Ионой.

— Вот и я не думаю, что он так уж молод.

Фелан провел ладонью по лицу, чтобы невзначай не проговориться о том, что думает. Лоб оказался мокрым от пота.

— Если я снова увижу твоего отца, сказать ему, что ты его ищешь?

— Не надо. Он только спрячется от меня понадежнее.

— Потому что иначе вы оба окажетесь в опасности, — принцесса на миг сжала губы и испустила глубокий вздох. — Как мне хотелось бы тебе помочь! Но, если я снова влипну в неприятности, мать сошлет меня в деревню, к сестрице Шарлотте, под благотворное влияние детишек, яблоневых садов и коровьих стад. И это меня с ума сведет.

Представив ее среди цветущих яблонь, в чинном сельском наряде, уныло швыряющей палки собакам, Фелан улыбнулся.

— Ужасающая перспектива, — согласился он. — Но представьте, как хорошо вы научитесь понимать «Круг Дней»!

Размышляя об этом, принцесса чудом успела подхватить шляпу, едва не унесенную порывом ветра в Стирл.

— Наверное, с него-то все и началось. С языка бесконечно повторяющихся дней. Может, волшебство жило в нем с самого начала? А мы просто забыли его?

— Кельда не забыл.

В голове вновь мелькнули хитросплетения нитей этой невероятной сказки, и, несмотря на жаркое полуденное солнце в ясном небе, Фелана охватила дрожь. Принцесса — в комбинезоне, покрытая пылью веков, точно леденец сахарной пудрой — не сводила с него серьезного взгляда.

— Если я чем-то могу помочь, только скажи, — коротко сказала она. — Переживу как-нибудь и Шарлотту, и круг дней.

«А можете ли? — подумал Фелан. — Может ли тут помочь хоть кто-то из нас? И чем?»

Он молча кивнул и вновь двинулся к мосту. И, оглянувшись, увидел, что принцесса провожает его взглядом. Криво улыбнувшись ему, она отвернулась и полезла вниз — а потом, шаг за шагом,

ступенька за ступенькой, скрылась под землей.

Фелан снова перешел реку и вернулся в город.

Толпа кишела музыкантами с инструментами за спиной и просто приезжими, явившимися послушать музыку и посмотреть на легендарное состязание. Полуденный водоворот влек всех к угощению, выпивке и веселой компании. Услышав оклик, Фелан замедлил шаг и увидел друзей, призывно машущих ему из раскрытых дверей трактира. В предвкушении обеда и беззаботной дружеской болтовни, он присоединился к ним. В трактире яблоку было негде упасть; музыканты ели стоя, а их инструменты свисали за окна, покачиваясь над водой. Вокруг только и разговоров было, что о грядущем состязании: кто что будет играть или петь первым номером, кого из бардов каких великих дворов видели в Кайрае, где, кем и какие ставки принимаются на то, кто займет место Кеннела. Конечно же, фаворитом был Кельда. Но ведь он, в конце концов, всего лишь провинциальный бард из Гризхолда! Как знать, какие еще дивные чудеса из отдаленных дворов, быть может, в эту самую минуту едут к столице?

— А ты выступаешь? — спросил кто-то Фелана, заставив его с удивлением вспомнить, что он действительно выступает.

Под нажимом друзей он признался, что будет выступать, но практически не готовился и на победу вовсе не рассчитывает. Просто — чтоб было, что рассказать детям, когда они начнут приставать с вопросами, сделал ли он в жизни что-нибудь хоть чуточку интересное. После ухода друзей он задержался за пивом, слушая разных музыкантов, вновь пойманный в паутину восторгов, ожиданий и песен, накрывшую весь город.

Наконец он снова вышел на улицу, с удивлением оценил высоту солнца и длину теней на булыжной мостовой, и тут-то увидел отца.

Иона быстро, целеустремленно шагал куда-то вдоль берега, вверх по течению. Фелана он не заметил. Фелан устремился за ним, стараясь не спотыкаться о раскрытые футляры от инструментов на мостовой да пореже сталкиваться с гуляющими. Шли долго. Вот доки кончились, и толпа поредела. Следить за Ионой сделалось проще, хотя, вздумай он оглянуться, спрятаться было бы труднее. Однако Иона не оглядывался. Ближе к замку, где на улицах еще попадались кучки людей, толпившихся вокруг заезжих музыкантов, и чувствовалась прохлада предвечернего бриза, дувшего с реки, отец наконец-то свернул с неуклонно прямого пути, перелез через парапет

набережной и скрылся из виду.

Фелан ускорил шаг, осторожно пересек усаженную деревьями набережную и, спрятавшись за толстым стволом, оглядел берег внизу. Иона шел вдоль реки по обнажившемуся после отлива илистому берегу, оставляя в грязи глубокие следы. Вот он снова свернул — к огромной трубе, наполовину заросшей кустарником, проложенной еще до того, как шлюзы, каналы и новые водопроводные сети изменили облик древнего русла реки.

Иона подошел к трубе и скрылся внутри.

Фелан издал негромкий стон, неуклюже перебрался через парапет и, увязая в иле, последовал за отцом в темноту.

Глава двадцатая

На этом следы Найрна вновь исчезают из истории. Все, что мы можем видеть, — «Круг Дней», то там, то сям поднимающийся из мутной болотной воды, точно поросшие травой кочки. Таинственное лицо, наполовину скрытое под капюшоном, и три параллельные линии, средняя из коих с обоих концов длиннее двух внешних (древнее начертание слова «хлеб»), подают знак тем, кто может узнать их, увидев в великом множестве самых невероятных мест. Чеканка на рукояти меча. Гравюра на фронтисписе книги. Резные розовые камеи на обеих сторонах дамского медальона. Рисунок на вывеске трактира под многозначительным названием «Бродяга». И на другой вывеске — над входом в пекарню. Наконец, древнейшая, лишь недавно сделанная находка — металлический диск, на одной стороне которого изображено лицо под капюшоном, а на другой — загадочные линии.

Чье это лицо?

Кто носил этот диск?

Что он мог означать для носителя?

Может ли статься, что Найрн находил в этих относительно твердых кочках нечто знакомое, оставшееся неизменным в течение столетий, берущее начало в его прошлом, такое же долговечное, как он сам? Вполне возможно. В нескончаемом круговороте его собственных дней ничто другое не было так непреложно, как эти символы его юности. Вероятно, изначально это было его лицо. После разговора с Арготом Ренне он действительно мог отыскать в своих странствиях этакий тайный конклав. Мог раскрыть его членам историю своей жизни, и даже то, что когда-то узнал о тайных силах, которыми они стремились овладеть. Возможно, он сам основал это общество в попытках возродить силу, которой некогда обладал, и которая иссякла или была отнята у него на Костяной равнине. Не исключено, что какое-то время члены этого оккультного общества носили такие диски как отличительный знак.

А может быть, это лицо принадлежало Декклану, который умер, так и не завершив поисков придворного барда, достойного короля Оро и равно одаренного в музыке и волшебстве?

Возможно также, что все эти знаки оставлял в истории сам Найрн в разных обличьях — печат-

ника, булочника, воина, любовника, трактирщика — как крик в бескрайних сумерках, в которых он жил, обреченный вечно, день ото дня, видеть, как все, что он знал и любил, уходит, уплывает в ночь.

Таким образом, «Круг Дней» указывает нам путь Бродяги, так и не прощенного неумолимой силой земли, по которой он странствовал. Охваченные жалостью и страхом, мы начинаем задаваться вопросом: с какого же деяния, коему нет прощения, начался его одинокий поход сквозь историю?

Что может оказаться столь непростительным?

Что же случилось в той башне?

Пошел он, побрел в неведомый мир
Неприкаянный,
Непрощенный,
В дали такие, где слово и звук
Оторвались от корней.
Долго их время трясло в решете,
Пока каждое слово не стерлось,
Не износилось до блеска
Нового ясного смысла.

Вот как далек был его
Путь сквозь родную речь,
Умиравшую и воскресавшую.

Э. М. Найт.
Из «Песни о Непрощенном»

В первом путешествии за пределы равнины Стирл, где Найрн прожил в том или ином обличье больше трех сотен лет, он оставил следы по всему Бельдену.

Он снова, как в дни юности, бродил по свету, но на этот раз искал не музыку, а «Круг Дней». Как знать, вдруг этот источник силы поможет оживить призрачное, едва тлеющее в нем волшебство, позволявшее скрывать возраст и превращаться в камень, когда тянуло забыться, но не более… Ему никак не удавалось настроить арфу в лад этому волшебству. Даже простейшего строя было не добиться. Быть может, вновь обретенное волшебство вернет ему и музыкальный слух?

Поэтому-то он и бродил по быстро растущим городам, бросая клич каждому, кто мог бы его услышать. Времени на то, чтоб выучиться новым ремеслам, хватало с избытком, мест, где можно было применить их к делу — тоже. Его знак, его печать висела над дверьми самых разных ла-

вочек, ею были помечены драгоценности, хлеб, оружие, книги — все, что могло бы привлечь понимающий взгляд и родственную душу. Мало этого: прибегая к методам Деклана, он основывал на каждом новом месте собственный «Круг Дней». Отыскивать пытливые умы, восторженных последователей, падких на тайны, церемониальные мантии и опознавательные знаки — диски, покрытые убедительной патиной времени, было нетрудно. А вот найти в этом царстве обыденной прозы обладателя истинного дара казалось делом безнадежным. Волшебство словно умерло оттого, что вырезанные в камне древние слова отошли в прошлое и никто больше не мог произнести их вслух, даже если бы расшифровал их из научного любопытства или в мечтах о волшебстве.

В конце концов он сдался. Бросил все, закрыл последнюю лавочку, распрощался с друзьями, приверженцами и любовницами, покинул разросшийся город, в который превратилась крохотная деревенька Кайрай, и отправился вниз по Стирлу, в море. Корабль шел в те земли, где родился король Оро.

Но земли эти то ли исчезли в мифах, то ли были благоразумно окутаны завесой волшебства, хранящего их от чужаков. Карты были неточны,

рассказы моряков туманны, а когда казалось, что цель уже близка, поднялись неистовые ветры, сбившие корабль с курса. Узнав те самые силы, что скрывали от него волшебство, Найрн не уставал дивиться их могуществу даже в тот миг, когда грот-мачта переломилась со звуком лопнувшей струны, и он с облегчением думал, что наконец-то обретет вечный покой.

Очнувшись на границе воды и суши с полным ртом песка, он вяло поднял голову и увидел птиц — таких ярких и пестрых, что даже его острый глаз ювелира не мог различить всех оттенков. Птицы весело щебетали, порхая среди огромных деревьев — глянцевитых, темных, с прожилками цвета янтаря и слоновой кости. Оглядевшись, он вновь рухнул лицом в песок. Дело было ясным: все это — лишь новый поворот его постылой жизни.

Вернувшись в Бельден со следующим попутным судном, он привез с собой образцы древесины и перьев и в течение следующих десятилетий, несмотря на непреходящую скуку и беспредельное разочарование, поразительно преуспел в торговле. Затем он стал пиратом и принялся грабить собственные корабли, отчего становился только богаче. Потом на время сделался легендой

Кайрая — затворником, собиравшим книги и пускавшим на порог лишь торговцев самыми экзотическими редкостями. Потом он запер свой особняк на берегу Стирла и превратился в трактирщика. Потом — в главного повара ресторации, часто посещаемой вельможами из королевского замка. Какое-то время был вором, но вскоре понял, что большая часть украденных им вещей уже принадлежала ему в то или иное время. Потом он стал библиотекарем. Смотрителем музея. И снова путешественником — на сей раз профессиональным искателем старинного хлама и сокровищ древней истории в чужих землях.

И все это неизменно делало его богаче.

К тому времени он уже давно потерял счет женам и любовницам, которых любил и оплакивал, детям, во множестве расселившимся по всему Бельдену, и способам, коими пытался покончить с жизнью. Забылись даже преступления, за которые он был приговорен к костру, повешению или отсечению головы — пиратство, подстрекательство к бунту против династии Певереллов, попытки взорвать себя среди толпы, или еще что-нибудь этакое. Костер заливало дождем, веревка на шее рвалась, и он падал ничком на землю с болью в вывихнутом колене и явственным зво-

ном лопнувшей струны арфы в ушах. Даже топор палача отказался прикасаться к нему, со свистом слетев с топорища и едва не лишив головы ни в чем не повинного зеваку. И всякий раз, согласно традициям давнего прошлого, правосудие считалось свершившимся, и Найрна отпускали на волю, ибо нельзя казнить за одно преступление дважды.

В конце концов он оставил попытки умереть. В очередной раз начав новую жизнь, он сделался юным учеником в школе бардов на холме, ныне со всех сторон окруженной городом. Огромное богатство единственного наследника усопших родителей позволяло держаться в школе вопреки тому, что он, несомненно, был самым бездарным учеником за всю ее историю, и всем намекам на то, что ему следовало бы уйти. Он не мог отличить ноты от ноты, свирели в его руках трескались, струны арф лопались, барабаны сбивались с ритма. Голос, довольно приятный, пока он говорил, становился дрожащим и резким, стоило только запеть. Баллады и стихи, что он пытался запомнить, зияли великим множеством прорех.

— Музыку ты любишь, — без обиняков сказал один из мэтров. — Но музыка не любит тебя.

— Тебя будто заколдовали, — прозорливо ска-

зал другой. — Или прокляли. Возможно, стоит попробовать преуспеть на другом поприще?

Но он стоял на своем — и во всем терпел неудачи, невзирая на очевидное, огромное и совершенно напрасное усердие. Темой итоговой работы он выбрал убеленную сединами тайну местонахождения Костяной равнины, но в решении этой загадки тоже не преуспел, несмотря на все изыскания и собранные за сотни лет книги и манускрипты.

Когда Софи Уэверли — миловидная, богатая, с обширными связями в свете, ради развлечения баловавшаяся уроками в школе бардов, прониклась к нему жалостью и вышла за него, он был безмерно рад. Она забрала его из школы, поселила в старинном доме, купленном для них ее отцом, и поощряла его причуды, чтобы иметь возможность заняться собственными увлечениями — как правило, свершением благих дел в приятном окружении. Она представила его ко двору, где юный король Люциан поощрял его исследования прошлого Кайрая и дивился его хватке во всем, что не имело отношения к музыке.

Вскоре у них с Софи родился сын.

Тогда Найрн начал бродить по ночам тихими городскими улицами — коридорами среди

каменных стен, тянувшихся к небу, чтобы заслонять звезды, вместо того, чтобы говорить с ними по примеру древних стоячих камней. Он искал те места, где прошлое сливается с настоящим, где отголоски древних песен еще живут среди ветхих громад заброшенных зданий. Он жаждал общества луны и древних ветров, свистевших в выгоревших окнах и черных проемах, давным-давно лишившихся дверей и позабывших, куда ведут. В таких местах заплутавшие ветры говорили древним языком, а луна плыла над головой, точно пришелица из далеких времен. Казалось, ее бледный луч, создающий тени из пустоты, шарит в руинах в поисках прошлого, которое она помнит, но никак не может найти. Погруженная в грезы, луна не могла разглядеть ни большого современного города, ни кораблей, приводимых в движение машинами, ни пыхтящих паровых трамваев. С этой луной было о чем поговорить, и часто Найрн так и делал, устроившись на куче щебня, сжимая бутылку в одной руке и опершись на другую.

— Ты должна знать, где она, — молил, требовал, кричал он. — Ты должна была видеть ее. Прикасаться к ней. Скажи же мне, где она?!

Время от времени он затевал раскопки там,

куда падал свет древней луны. Почему бы и не здесь? Место — ничем не хуже других. Он мог позволить себе тратиться на свои прихоти, а потому ему не требовалось никому ничего объяснять. Раскопки в этих местах приносили столько диковин и ценностей, что его безумие оборачивалось предвидением. Находки он жертвовал городскому музею или дарил королю для его личной коллекции. То, что он на самом деле искал, при свете дня казалось столь же эфемерным, как луна. Но оно существовало, и сам Найрн был тому доказательством, каждый час, каждый год, каждый век носившим в себе его проклятие.

Во всех этих местах он искал свою смерть.

Камень. Котел. Башню.

Один-единственный намек на ту равнину, где он рискнул всем и проиграл — вот все, что нужно было ему от луны. Шанс отыскать ее и изменить свою жизнь. Сделать ее обычной. Настроить арфу. Вновь обрести голос. Хоть раз в своей бесконечной жизни поговорить с сыном, не чувствуя сурового, невыносимого бремени предвидения судеб обоих.

Об этом он молил луну, ради этого изрыл Кайрай ямами, но лишь нашел еще больше богатств, еще больше того, чем уже обладал. Ни единого

следа, ведущего к дверному косяку, к притолоке, к древнему камню порога — на Костяную равнину.

Из всех, кого он знал в жизни, одна луна видела, что там произошло. Только с ее бледным ликом он мог говорить об этом, сидя среди обугленных костей прошлого, и луна никогда не осуждала его — просто безмолвствовала и шла своим путем, как сгорбленная, шамкающая старуха из сказки, собирающая в лесу хворост для своего очага. Только она знала его имя.

Он прочел все научные работы о Костяной равнине, какие сумел отыскать. Но где она находится, не знал никто. «Лишь в воображении поэтов, — говорилось в них. — Или, возможно, внутри того или другого круга стоячих камней. Или это — курган, где похоронены, чтобы вечно обмениваться песнями, великие барды вместе с воспоминаниями и инструментами. Очевидная метафора смерти. Или жизни. Или процесса творчества. Исковерканные фрагменты сказок из очень давних времен; мешанина метафор и образов, происхождение которых неясно; осколки древних былин, собранные в кучу и вырезанные на камне, чтобы мучить умы ученых еще тысячу, а то и две, лет…»

Что же он сделал на Костяной равнине?

Убил старого арфиста. Во всяком случае, думал, что убил. А также, если верить сыну, разрушил верхушку школьной башни. Он полагал, что разрушил Вьющуюся Башню той последней нотой, в которую вложил все желания, все мечты, всю нераскрытую волшебную силу. Той, которую взял, чтобы порвать струны арфы Уэлькина. Подобно сосульке, сорванной им с карниза башни и погубившей Дрю, его скороспелая магия поразила Уэлькина, заставив замолчать его и его арфу. Иона помнил, как с неба, точно падающие звезды, с грохотом обрушились на землю горящие камни. Помнил, как закричали люди, доселе безмолвно, будто стоячие камни, скрытые в ночи. Помнил, как равнина вдруг снова ожила, озарилась сотнями костров, на которых готовили еду, наполнилась ароматами из кипящих котлов. Помнил, как пустился бежать. Помнил, как все обратились в бегство, спасаясь от падающих камней, сталкиваясь друг с другом, спотыкаясь о колышки палаток. Плакали дети, лаяли собаки, вспугнутые птицы, сорвавшись с веток, взмыли над равниной…

Вокруг не осталось ни музыки, ни песен. Под вопли и детский плач, отчаянный, горестный, будто вой мертвецов, Найрн выбрался из им же

учиненного хаоса и оставил его позади, еще не понимая всей тяжести и безнадежности своего поражения.

Он убил лучшего арфиста в королевстве и тем навеки запечатлел свое имя в неумолимых анналах поэзии.

По крайней мере, так он считал, пока не увидел в глазах Кельды этой древней понимающей улыбки.

Глава двадцать первая

Наконец-то освободив камень из-под слоя пыли и слежавшегося за сотни лет грунта, принцесса Беатрис окинула находку недоуменным взглядом. Ровная линия, которую она расчищала с таким мучительным тщанием, запечатлелась в памяти с той же четкостью, с какой выступала из земли — старая кирпичная каминная полка, вероятно, находившаяся в квартире первого этажа, занесенной илом, когда Стирл сменил русло. Выщербленная, в выбоинах, в царапинах, но вполне прозаическая и узнаваемая. Внизу, под выступом, отыщется и остальное — стенки и каменная плита пола, возможно, сохранившиеся следы копоти и смешанные с речным илом уголья.

Так она думала вначале.

Ее остановка притормозила работу остальных: все подняли головы, привлеченные изменением обычного трудового ритма, паузой в привычных движениях. Кэмпион, расчищавший выступ с другой стороны, бросил махать кисточкой, чтобы взглянуть, что так зачаровало ее.

— Это не кирпич, — сказала она. — Это камень.

Он пожал плечами.

— Обычное дело. Дымоходы и каминные полки часто клали из плитняка.

— Это не плитняк. Он желтый. Как стоячие камни.

Кэмпион выронил кисточку. За спиной Беатрис поднялась с колен Ида, оставив то, над чем возилась на дне раскопа. За Идой и Каррен выпрямился, опершись на выступ в стене. Все подошли посмотреть на камень. То, что Беатрис считала кирпичной кладкой, оказалось сплошной каменной плитой, испещренной вырезанными в камне черточками.

Кэмпион присвистнул. Каррен откинул волосы со лба, оставив на нем грязный след.

— Напоминает тот диск, что я выкопал, — проворчал он, разглядывая камень. — Снова руны. Принцесса, что же вы такое нашли?

— Я думаю, это «Круг Дней», — выдохнула она.

Кэмпион поднял бровь.

— Что?

— Древнее руническое письмо, — она возобновила расчистку с таким усердием, что все отступили ей за спину. — Те же руны, что и на диске. Кэмпион…

Но тот уже работал кисточкой, поднимая во-

круг тучи пыли.

— Я помогу, — кивнул Каррен.

Ида тоже кивнула, да так решительно, что ее шляпа соскользнула на глаза. Адриан собрал инструменты и тоже придвинулся к камню.

— Мастер Кле наверняка будет в восторге.

— Я уже сейчас в восторге, — пробормотал Кэмпион. — Похоже, ничего древнее мы еще не находили.

— Похоже, ничего древнее во всем мире нет, — восторженно вздохнула Ида, чихнув от поднятой пыли.

Вдохновленные тайной, понемногу проявляющейся перед ними под шорох кисточек и шпателей, они работали осторожно, но энергично. Прошли часы. Один за другим они поднимались по трапу наверх, чтобы съесть свои бутерброды и поскорее, не успев дожевать, вернуться. Жертвуя методичностью в угоду быстроте, они успели расчистить широкую грань плиты, от края до края покрытую вязью черточек, и взялись за слежавшийся грунт под ней. Но вот знакомый луч солнца сдвинулся настолько, что все оказались в тени, а граница света и тени — над плитой, и работа застопорилась.

Начинался прилив. На дне раскопа появилась

вода. Беатрис вздохнула и с неохотой шагнула назад.

— Это вовсе не похоже ни на камин, ни на очаг, — приглядевшись, заметила она.

Каррен встал рядом с ней.

— По-моему, больше похоже на дверь. Мы расчищаем притолоку.

— Такое возможно? — спросил Адриан, расправив узкие плечи.

— Я видел подобное в деревне. Плоский камень, положенный на два других…

— Не может это быть дверью, — сказал Кэмпион. — Досок нет.

— И что с того? За такой срок вполне могли сгнить.

— Куда может вести эта дверь? — задумалась Ида.

— Там, где должна быть дверь, чувствуется камень, — возразил Кэмпион.

— Из камня дверей не делают, — усмехнулась Ида. — Что это выйдет за дверь?

Все замолчали, переглянулись, и разом наклонились, чтобы собрать инструменты, шляпы и прочее снаряжение, пока вода не залила дно раскопа.

— Во сколько сможем начать завтра с утра? —

спросила Ида.

Адриан сверился с таблицей приливов и отливов, и они назначили время встречи у моста, где их подберет принцесса. Там, за мостом, она оставила остальных дожидаться трамваев и поехала по людной дороге вдоль реки к замку. Ломая голову над новой находкой, она почти не слышала музыки, возникавшей на одном перекрестке и летящей до следующего, исполняемой музыкантами во всевозможных старинных костюмах.

Оставив машину на попечение шофера, она направилась обычным путем, через сад на заднем дворе, к входной двери, что была ближе всего к ее покоям. В последние дни доносившиеся до ее ушей звуки арфы стали настолько привычной частью жизни города, что она услышала их, только увидев, что в саду полным-полно дам в развевающихся шелках и шляпках с цветами. Содрогнувшись от ужаса, Беатрис вспомнила, что обещала быть здесь, среди них, еще два часа назад.

Первым из лиц, обращенных к покрытому толстым слоем пыли привидению, возникшему на пикнике, устроенном королевой в честь леди Петрус, принцессе бросилось в глаза лицо матери — застывшее, точно лик ледяной статуи, и столь

же холодное. Тетя Петрус тоже оцепенела от изумления: на ее лице двигались только часто моргавшие веки да брови, казалось, готовые вот-вот взлететь. Из-за их спин, наигрывая любовную балладу, мрачно взирал на принцессу Кельда. Среди прочих воцарилось молчание, совершенно невероятное для толпы дам, вооруженных бокалами шампанского и тарелками изысканных закусок. Всеобщее замешательство не коснулось одной только Софи Кле, потянувшейся к столу за крокетами из лосося. Обернувшись, она узрела ходячую катастрофу по имени Беатрис и с радостной улыбкой двинулась к ней.

Но королева добралась до дочери первой.

— Мне так жаль, — тихо сказала Беатрис.

— Будь добра пойти переодеться.

— Я совсем забыла… Мы нашли нечто — думаю, очень древнее, и настолько чудесное, что…

— Беа, — вмешалась Шарлотта, — ты выглядишь так, будто тебя хоронили заживо! Марк, прекрати выбивать пыль из башмаков тети Беа, они просто неописуемы!

— Мы нашли… — в отчаянии повторила принцесса. — Ну, мы еще сами не знаем, что это, но отцу будет очень интересно, а мастер Кле…

Королева на миг прикрыла голубые, как лед,

глаза.

— Прошу тебя.

— Да, мама.

— Поговорим, когда ты приведешь себя в пристойный вид.

Казалось, мать сомневается в том, что это когда-либо произойдет. Поспешив сбежать, принцесса обнаружила терпеливо дожидавшуюся ее фрейлину, была немедля освобождена от одежды и помещена в ванну. Поверхность воды тут же помутнела от пыли веков, тихонько осыпавшейся с ее волос.

Аккуратно причесанная, в цветочках с ног до головы, она вернулась в сад в надежде, что мать, удовольствовавшись ее примерной и исполнительной ипостасью, забудет о другой. Внезапно почувствовав, что голодна, как волк, она задержалась у столов, чтобы наполнить тарелку остатками копченой форели, заливного из маринованных овощей и маленьких пирожных в форме символов карточных мастей, начиненных яркой смесью красного сладкого перца с сердцевиной пальмы. Жуя, она услышала голос матери — к счастью, в отдалении. Затем к ней подошла невеста брата, которой срочно требовалось обсудить цвета венчальных свечей, и Беатрис,

время от времени издавая подходящие к случаю восклицания, вновь дала волю мыслям, тут же унесшимся вдаль, к новой загадочной находке.

— Беатрис! — казалось, прервавшая ее размышления Шарлотта с перемазанным джемом отпрыском на руках возникла посреди усеянного инструментами дна раскопа прямо из воздуха. — Мы с мамой нашли просто идеальное решение. То есть, я имела в виду, у нас прекрасная идея. Ты должна провести лето за городом — со мной, с большим Марком, с маленьким Марком, и с крошкой Томазиной!

От ужаса Беатрис подавилась пирожным. Пока она откашливалась, Шарлотта продолжала, и глаза ее блестели в точности как глаза матери, что не могло не тревожить.

— Ты только представь себе на минутку! Маленький Марк тебя просто обожает, и ты сможешь выбраться из города, кишащего разным музыкальным сбродом со всех концов Бельдена…

— Но как же…

— Ты хочешь сказать, но как же свадьба Дэймона? Конечно, мы все приедем на свадьбу! А еще, мне так хотелось бы, чтобы ты встретилась с одним нашим соседом, он такой душка, ведет род от боковой ветви Певереллов, а в его конюшне

полно лошадей, и у него есть, как он выражается, «хобби-ферма».

— Но неудобно же так…

— Что значит «неудобно»? Мы все будем тебе рады, правда, Марк? Марк! Куда подевался этот ребенок? Ай! Марк, не трогай пчелку!

Марк, сунувший палец в цветок на розовом кусте неподалеку, вдруг открыл рот так широко, будто собрался проглотить цветок. Последовавший за этим вой заглушил бы гудок парового трамвая, тормозящего, чтобы не переехать подгулявшего моряка. Шарлотта кинулась на выручку сыну. Беатрис, от ужаса утратившая дар речи, рассеянно сунула в рот целое пирожное бубновой масти.

— Принцесса Беатрис!

Принцесса обернулась, стараясь поскорее прожевать и одновременно улыбаться, и с облегчением обнаружила за спиной Софи, тут же принявшуюся восхищаться цветущими в пруду лилиями.

— На самом деле я пришла спросить, — заговорила она, дождавшись, когда принцесса покончит с пирожным, — что вы такое раскопали. Кроме самой себя, конечно же. Вы выглядели совершенно экстраординарно, словно ходячий

музейный экспонат. Все та же каминная полка?

Беатрис кивнула, радуясь возможности поговорить об этом.

— Да, — сказала она, понизив голос, чтоб не услышала мать. — Только она вся покрыта рунами, и нам кажется, что это вовсе не часть камина.

— Ах, как чудесно! Иона уже знает?

— Мы еще не видели его. Пожалуйста, сообщите ему, когда встретите. Мы все просто вне себя. Скорее бы узнать, что это такое.

Тут Беатрис краем глаза заметила целеустремленно приближающуюся мать, болтающую на ходу с леди Петрус, в сопровождении свиты, казавшейся букетом шляпок на медленно колышущихся разноцветных стебельках. С другой стороны надвигалась Шарлотта, успевшая утихомирить Марка при помощи очередной корзиночки с джемом.

— Звучит загадочно и волнующе, — сказала Софи, словно и не замечая приближающихся сил. — Не менее, чем еще одна сегодняшняя новость. Я сомневалась, что он действительно сделает это — в последнее время он был так поглощен своей работой. Кстати, она, наконец-то, почти готова и, по-моему, вышло просто бле-

стяще… Одним словом, он решился, и я так за него рада!

— За кого, Софи? — с любопытством спросила королева.

В этот же миг Беатрис почувствовала, как ей на ноги плюхнулся доедающий пирожное Марк.

— За Фелана, — радостно ответила Софи.

— Как? — воскликнула Шарлотта. — Он тоже помолвлен?

— Нет, не думаю. Во всяком случае, я об этом ничего не слышала. Он собирается выступить на состязании бардов за должность Кеннела. Я невероятно им горжусь. Принцесса, вы просто обязаны на время прервать раскопки, чтобы послушать его. Я уверена, что Иона поймет, хотя он с нетерпением будет ожидать, когда вы продолжите работу над столь важной находкой, — она устремила невинный взгляд на королеву. — И король, конечно, тоже будет ждать с нетерпением, когда узнает о ней, не так ли, леди Гарриет? О, наши дети достигают таких поразительных успехов!

Королева слегка оторопела. Но Шарлотта решительно заявила:

— Нет, Беатрис, конечно же, будет не до всего этого. Лето она проведет у нас, за городом.

Софи не нашла, что на это ответить, и в наступившей тишине только улыбнулась — любезно, хоть и слегка ошеломленно. Беатрис, безнадежно глядя в стол, почувствовала, как во рту что-то растет, рвется наружу, как раздраженная оса.

Наконец она решилась выпустить эту осу на волю.

— Нет.

Под пристальным взглядом Шарлотты она сглотнула, но твердо повторила:

— Нет, спасибо, Шарлотта. Этим летом я буду страшно занята здесь, в городе. И я была бы крайне признательна, если бы ты запретила Марку запихивать пирожное мне в туфлю.

— Марк! — воскликнула Шарлотта, без всякого интереса взглянув под ноги. — Прекрати немедля! Но, Беатрис, мы тебя уже ждем.

Беатрис скинула туфельку, наклонилась и вытряхнула из нее крошки. Еще не успев выпрямиться, она поняла, откуда в ее голосе взялась такая твердость. Нет, почтенный древний камень, покрытый непостижимыми письменами, был здесь совсем ни при чем.

Ее матери хотелось, чтобы она уехала.

А матери Фелана хотелось, чтобы она осталась.

— Мы обсудим это позже, — сдержанно сказала

королева, и этим всем любопытствующим вокруг пришлось удовлетвориться.

Вскоре после этого королева подала знак к завершению музыки, Кельда спрятал арфу в чехол и исчез. Гости начали прощаться с королевой и леди Петрус. Смешавшись с толпой, Беатрис незаметно проскользнула в дом и свернула в тихий коридор, ведущий к отцовскому музею, где можно было обсудить с мэтром Берли новую находку и спрятаться от матери, пока та не отвлечется на что-нибудь поинтереснее запыленной дочери.

Вдруг впереди мелькнула черная спина, тут же исчезнувшая в стене одной из пустых гостевых комнат. Дверь, спрятанная среди стенных панелей, с негромким щелчком затворилась и снова слилась со стеной. Моргнув от неожиданности, принцесса остановилась. Эта потайная дверь была ей известна — Беатрис отыскала ее еще в детстве, исследуя древний замок. Проделанная сотни лет назад, дверь, согласно хроникам, которые показывал принцессе мэтр Берли, в последний раз использовалась королем Северином для ночных визитов к фаворитке, когда супруга упомянутого короля в ночном колпаке откладывала книгу, отставляла бокал с хересом и начинала похрапывать.

Но в стене скрылся вовсе не призрак Северина Певерелла. У него не было таких черных, блестящих, элегантно растрепанных волос, и он не смог бы сыграть ни единой ноты на арфе, висевшей на широком, обтянутом черным шелком плече.

По дому отца тайком шнырял Кельда. Кельда, знающий язык «Круга Дней» и обрушивший его силу на Фелана. Стряхнув с ног туфли, Беатрис подобрала их и, проходя мимо кровати, сунула под подушки. Под нажимом ладони панель поддалась, и в стене открылась узкая дверца. Впереди, в темноте, мелькнул огонек: Кельда зажег его и нес на ладони, легко, словно краденый самоцвет.

Беатрис последовала за ним.

Вскоре случайные приглушенные звуки по ту сторону стен стихли, половицы под ногами сменились булыжной мостовой, а потом и сырой землей, и Беатрис стало ясно, что, следуя за Кельдой, она спустилась в подвалы замка, затем оказалась под главным двором, и здесь потеряла след. Огонек в ладони Кельды погас. Разом остановившись, Беатрис замерла в темноте, затаила дыхание и напрягла слух, пытаясь расслышать шорох земли или тихие шаги где-нибудь совсем рядом. По коже пробежал холодок: казалось, рука арфиста тянется к ней из мрака и вот-вот

коснется ее.

Но нет, ничего подобного не последовало. Кельда просто ушел дальше без нее. Возможно, почувствовал, что за ним следят. А может, просто свернул в боковой ход — в туннель старой канализации, ведущий к другой части замка. Беатрис знала: все эти туннели сходятся в главный коридор, ведущий к реке, и, если не блуждать без конца по боковым ответвлениям, вполне можно найти путь назад… Но мысль о том, что скажет королева, если застанет дочь выходящей из потайной двери, босую, в грязных чулках, с паутиной в волосах, вызвала на лице принцессы кривую усмешку.

Да, тут одним летом в гостях у Шарлотты, не обойдется. Тут уж ее сошлют в деревню на всю оставшуюся жизнь.

Шагнув вперед, она услышала голоса и снова застыла на месте. Говорившие явно двигались к ней и даже не пытались скрываться. Ученики из «Круга Дней» Кельды, решившие собраться вдали от посторонних глаз в заброшенном туннеле? И Кельда намерен учить их своему опасному волшебству здесь, прямо под ногами короля?

Слова говоривших слегка искажались, отражаясь эхом от земли и камня, и вдруг голоса — оба

мужские — показались Беатрис мучительно знакомыми. Ее брови, и без того приподнявшиеся при мысли о своеволии гризхолдского барда, взлетели еще выше. Где-то впереди, в темноте подземелья, спорили Фелан и Иона Кле!

— Что ты, скажи на милость, здесь делаешь?

— А ты?

— Я шел за тобой. Теперь ты знаешь, кто я, так убери же, наконец, свет! Глаза слепит.

— Что именно ты исследуешь, мальчик мой? — с нешуточным раздражением в голосе спросил Иона. — Древнюю канализацию Кайрая? Или этого злокозненного барда?

— О чем ты?

Вокруг не было видно ни зги. Беспомощная, Беатрис ощупью двинулась вдоль каменных и земляных стен в направлении спорящих.

— Ты хоть понимаешь, за каким опасным типом взялся следить?

— Только не говори, что Кельда тоже здесь, — недоверчиво сказал Фелан.

— Здесь. Под замком королей Певереллов, — многозначительно уточнил Иона.

— К чему это ты? Думаешь, он собирается все здесь взорвать с помощью своего волшебства? Но если он так могуч, зачем ему для этого прятаться

под землю? И, в любом случае…

— Кельда…

— Я здесь совсем не из-за Кельды. Я видел, как ты проник сюда. И решил узнать зачем. Я хотел знать…

Вдруг его голос осекся, Фелан умолк, и Беатрис замерла, пораженная его непонятной неуверенностью. Она стояла, не шевелясь и почти не дыша, стараясь расслышать в тишине то, чего не могла разглядеть в темноте.

— Это мое дело, — в конце концов буркнул Иона. — И нечего было за мной идти. Точка.

— Откуда ж мне было знать, что в это время суток ты вдруг трезв? — неуверенно огрызнулся Фелан. — Что, если бы ты заблудился тут навсегда?

— А кто из нас взял с собой фонарь?

— А откуда мне было знать об этом, пока ты его не включил? Да и после — что ж, по-твоему, я должен был развернуться и уйти, не проявив ни малейшего любопытства, с чего моему родному отцу вздумалось блуждать под землей? И зачем тебе фонарь?

— Чтобы посмотреть, что за косолапое создание ковыляет следом, зачем же еще? Ладно. Теперь позволь-ка показать тебе дорогу наружу.

Услышав это, принцесса снова двинулась вперед. Света фонаря было не видно — вероятно, они стояли в боковом ответвлении, — но почему бы Ионе, несмотря на все его раздражение, не выручить и ее? Интересно, как он догадался, что и загадочный бард может оказаться в таком неожиданном месте? А еще… Вспышка раздражения Ионы легко объяснялась неожиданным появлением Фелана. Но Фелан был сильно потрясен еще чем-то, кроме резкости отца, и Беатрис, вопреки здравому смыслу, до смерти захотелось узнать, чем именно.

— Ты ищешь Кельду, — сказал Фелан, повторив ее мысль, точно эхо. В его голосе вновь зазвучала та же странная смесь изумления, страха и неуверенности, и вновь это заставило принцессу замереть на месте. — А я — во всей поэзии, созданной за тысячу лет — ищу тебя.

В туннеле воцарилось гробовое молчание. Внезапно Беатрис больше всего на свете захотелось сейчас же увидеть их лица. Она подняла ногу и осторожно шагнула вперед, не желая прерывать их разговор даже шорохом сдвинутого камешка.

И Фелан заговорил — с глухой стеной молчания Ионы. Голос его сильно дрожал.

— На равнине из костей, посреди кольца кам-

ней… Это о том, как ты в последний раз играл на арфе. Это ты разрушил школьную башню. А потом исчез. Это для твоего тела заказывали тот третий гроб, о котором упоминает в счетной книге Дауэр Рен. Но никто не нашел твоего тела. Потому что… потому что ты не погиб. Ты — Найрн. Тот самый бард, что потерпел поражение в Трех Испытаниях Костяной равнины, и теперь нет для тебя ни конца дней, ни забвенья.

Беатрис сделала еще шаг. Рука, касавшаяся стены, провалилась в пустоту. Она повернулась туда и наконец увидела их. Во всяком случае — лицо Фелана, ярко освещенное электрическим фонарем, направленным на него Ионой. Сам Иона был почти не виден — только часть рукава да заметно дрожащие, заставлявшие дрожать и луч света на лице Фелана, пальцы. Беатрис совершенно не понимала, о чем говорил Фелан, но при виде слез, бежавших по его щекам вниз, в темноту, на ее глаза тоже навернулись слезы.

Луч фонаря запрыгал так беспорядочно, что лицо Фелана казалось размытым пятном. Наконец Иона опустил фонарь и устало привалился к стене туннеля. Миг спустя его примеру последовал и Фелан, прислонившийся к стене рядом. Теперь фонарь освещал два башмака — черный, начи-

щенный до блеска, со сверкающими пряжками, и коричневый, потрескавшийся и поношенный.

— Ты даже не можешь себе представить, — тихо, устало сказал Иона, — сколько раз мне хотелось, чтоб ты узнал меня. Ты, как никто во всем мире, способен понять эти стихи. Но я боялся собственных надежд, потому и чинил тебе столько препятствий. Я боялся, что даже ты можешь оплошать и так и прожить всю жизнь, ни разу не назвав меня по имени.

Он помолчал и с трудом закончил:

— Или что, зная его, будешь по праву презирать меня всю оставшуюся жизнь.

Услышав невнятный звук, вырвавшийся из горла Фелана, Беатрис ахнула и поспешно зажала рот ладонью.

Резкое восклицание заплясало эхом под каменным сводом, луч фонаря заметался из стороны в сторону и остановился на лице Беатрис. Вглядываясь в темноту за ним, она заплакала, еще не понимая, отчего, но начиная различать во всем этом кусочки сказания, столь же древнего, как руны над каменной дверью.

— Принцесса Беатрис? — потрясенно выдохнул Иона Кле.

— Я… я следила за Кельдой, — прошептала

она. — И потеряла его. А потом услышала вас.

Фелан резко оттолкнулся от стены, прошел вдоль луча фонаря, опущенного ему под ноги Ионой, нащупал локоть Беатрис, потом — ее запястье, и мягко потянул ее к отцу. Прислонившись к стене рядом с ним, принцесса сунула руку в карман в поисках никчемного клочка кружев с монограммой.

— Даже не знаю, отчего плачу, — сказала она, уткнувшись в платок. — Наверное, потому что плачешь ты. Все кажется таким безнадежно запутанным. Прости. Мне и быть здесь не следует…

Фелан ничего не сказал, только крепко обнял ее за плечи. Она почувствовала, как его губы движутся по ее щеке, пробуя на вкус слезы, и находят ее губы сквозь кружева.

— Ты понимаешь древности, — хрипло заговорил он, уткнувшись лбом в ее лоб. — Ты любишь их. Где же тебе еще быть, как не под землей? — он поднял голову и повернулся к Ионе. — Кто такой Кельда? В твоей долгой жизни я не нашел его ни разу. А ведь он должен быть гораздо старше тебя, если знает, как звучат слова, которых никто не слышал уже по меньшей мере тысячу лет. И обладает всей их силой. Почему он все это время хранил молчание?

Иона пошарил вокруг лучом фонаря, будто загадочный гризхолдский бард мог тихо стоять где-нибудь тут же, во мраке.

— Не здесь, — коротко ответил он, откачнувшись от стены. При виде того, как бережно он положил руку на плечо Фелана, у Беатрис опять защипало в глазах. — Спасибо, — прошептал он. — Спасибо за заботу обо мне. Я надеялся на тебя, но ведь ждать такого от собственного ребенка жестоко.

— Ты свыкся с собой, — хрипло сказал Фелан. — Свыкнусь и я.

Фонарик снова осветил Беатрис — платье в цветочек и рваные, измазанные грязью чулки.

— Ах да, — сказал Иона, — Софи что-то говорила о пикнике в саду. Вот почему вы в платье. Но почему босиком?

— Каблуки, — пояснила Беатрис. — Слишком шумно.

— В город вам в таком виде нельзя. Лучше мы проводим вас в замок тем же путем, каким вы пришли.

— Нет, — твердо сказала Беатрис. Ее пальцы скользнули вниз по предплечью Фелана, нащупали его ладонь и крепко стиснули ее. — Нет. Я иду с вами. Вы знаете, кто вы такой, и Фелан знает,

кто вы такой, а я даже не могу сказать, как вам обоим удалось в одну минуту разбить мне сердце. Расскажите, мэтр Кле.

— Это очень долгая сказка, — предупредил Иона. — И, вероятно, самая древняя в мире. Я думал, что знаю ее, пока не встретил Кельду. Он показал мне ее истинный смысл, и с тех самых пор мне нет счастья.

Пальцы заледенели, несмотря на тепло руки Фелана, однако Беатрис отправилась с ними, сквозь темноту, на свет дня, вдруг показавшегося чем-то незнакомым. Должно быть, именно таким — бесконечным, неизбывно древним, терпеливо ждущим еще одной ночи, видел его Иона…

Глава двадцать вторая

Стоя у стойки бара в «Веселом Рампионе», Зоя пела и пела этому непрошибаемому деревянному столбу. Было далеко за полночь, медленно клонившаяся к горизонту луна за открытым окном осыпала блестками воды реки. Зал был до отказа набит музыкантами. Все были так взвинчены близким состязанием, что непременно вспыхнули и взорвались бы на месте, точно фейерверк, если бы не достаточное количество холодного пива. Голос Зои зачаровал всех, все пели вместе с ней, гремя оловянными кружками, если не было других инструментов. Но ее голос не тонул и в этом шуме. Она пела так, как требовал Кеннел, — чтоб раскололось даже ледяное сердце луны, очевидно, столь же неприступное, как и этот придворный бард, потягивавший вино в тени.

Это был бард герцога Уэверли, светловолосый, с холодным взглядом, ощетинившийся целым арсеналом инструментов — арфой, свирелью, флейтой и тамбуринами. Он единственный не был захвачен музыкой, хотя Зоя играла и пела именно для него, призвав на помощь все свое

мастерство, чтобы заставить его моргнуть, улыбнуться, или хоть пальцем по столу постучать. Но он лишь равнодушно взирал на нее, время от времени поднося к губам бокал и поглядывая на луну, словно мог бы услышать ее музыку, плывущую в ночном небе, если бы только Зоя прекратила шуметь над ухом.

Наконец она оставила эту затею и, уступив черед другим, жадно припала к бокалу охлажденного вина, поставленному перед ней Чейзом. В отличие от уэверлийского барда, Чейз выглядел немного оглушенным.

— От твоих песен дрожь по спине, — сказал он. — Как будто покойников слушаешь. — Зоя, прищурившись, посмотрела на него, и он негромко рассмеялся, запустив пятерню в золотистые, точно подсолнух, кудри. — Ну, наверное, так пели в давние времена, до уличных фонарей и паровых трамваев, — он умолк, отвечая на ее нежный поцелуй. — А что, если ты победишь? Я же тогда тебя больше и не увижу.

— Что за мысли? — удивилась Зоя.

— Разве тебе это не приходило в голову?

— Не в этой жизни.

— Ты же будешь так занята придворными делами, что для меня и минутки не останется.

Секунду Зоя в сомнении смотрела на него, затем решительно покачала головой.

— Если бы да кабы… Давай не будем об этом думать. Оставим тревоги на потом.

Позже она снова запела, аккомпанируя себе на чьей-то арфе. Ничего особенного — простенькую, древнюю, как сама ночь, колыбельную, чтобы утихомирить толпу и склонить нескольких засидевшихся в трактире учеников отправиться куда следует — то есть спать. На этот раз никто не подпевал. Слушали, молча, неподвижно, со слипающимися глазами, словно вот-вот заснут, убаюканные колыбельной Зои, прямо на ногах. Но вот песня подошла к концу, и тишина пробудила всех ото сна. Безучастно глядя вокруг, протирая глаза, слушатели принялись собирать инструменты. Некоторые вывалились наружу, так и не сказав ни слова. Другие потянулись к стойке, за кружкой пива на посошок. Тогда бард из Уэверли вдруг тихонько заиграл на флейте, подражая колыбельной Зои. Звуки поплыли над толпой, флейта засверкала серебром, как лунные блики на воде. Оборвав мелодию незадолго до конца, он встал и сказал Зое через весь безмолвный зал:

— Будьте осторожны. Вы своим голосом раз-

будите камни, и тогда окажетесь в таком месте, куда совсем не ожидали попасть.

С кривой изумленной усмешкой он спрятал флейту в чехол на поясе и вышел, прежде чем Зоя сумела ответить.

Она отправилась спать вместе с Чейзом, а встала с рассветом, усталая и, с того самого момента, как открыла глаза, озабоченная семью различными вещами.

Первым делом следовало добраться домой, чтобы умыться и переодеться перед занятиями. Эта простая задача осложнилась, стоило Зое открыть дверь в башню. За кухонным столом над грудой книг сидели отец с Феланом. Кроме книг, на столе не было ничего, а на плите стоял только чайник, и тот холодный. Прервав разговор, оба взглянули на нее — рассеянно, но выжидающе, как будто она явилась по их повелению единственно для того, чтобы приготовить им завтрак.

В ответ Зоя смерила обоих раздраженным взглядом. Они даже не подумали о том, как она может быть измотана, и не смогли сами пожарить себе яичницу! Фелан выглядел не менее усталым, чем она, волосы его стояли дыбом от непрестанного почесывания в затылке, а взгляд был настолько отсутствующим, что о его заботах

оставалось только гадать. Не менее странно выглядело и лицо отца. Уж не наградил ли один из них кого-нибудь ребенком?

Вооружившись остатками терпения, поскольку тоже была голодна, Зоя сняла с крюка сковороду.

— И вам доброго утра.

Фелан, наконец, встрепенулся.

— Прости.

— Доброе утро, девочка моя, — рассеянно сказал Бейли. — Фелан принес назад еще несколько счетных книг.

— И ты не предложил ему кофе? Ах, ты его даже не сварил. Нет, не волнуйся, я сделаю.

Услышав, как отец опустился обратно в кресло, Зоя беззвучно вздохнула, поставила на огонь чайник, чтобы сварить им кофе и приготовить себе чаю, и начала рыться на полках в поисках хлеба, яиц и фруктов. Разговор за ее спиной возобновился.

— Значит, ты закончил работу?

— Почти. Конец близок. Осталось только понять — вернее, отыскать одну вещь.

— Не могут ли тут помочь мои книги?

— Вряд ли. Я нашел это имя в других источниках — в частной переписке и придворных хрониках. Некий бард по имени Уэлкин. В при-

ходо-расходных записях он не упоминается.

— Уэлькин… — задумчиво пробормотал отец Зои.

— Вам знакомо это имя?

— Пытаюсь припомнить. Расскажи о нем что-нибудь.

Мысли Зои вновь устремились к предстоящему состязанию. Оно было так близко, что даже руки, взбивавшие яйца в раскаленной сковороде, холодели от предвкушения. Кеннел вызвал ее во дворец для последних напутствий — возможно, затем, чтоб вдохновить выведать у Кельды, что тот намерен играть. Обычное дело: состязающиеся барды нередко пытались оставить противников без шансов, исполняя их песни первыми. Но Кельда только посмеется над этим и сыграет все, что угодно, в десять раз лучше любого другого. Его не смутить ничем — уж это-то Зоя давно поняла. Этому барду было по силам и сманить самоцветы с арфы Деклана, и безошибочно отыскать ту единственную верную ноту, что разбивает сердца и рвет струны.

— Зоя?

Ну вот, стоило только подумать о нем — и яичница чуть не сгорела! Сдвинув сковороду к краю плиты, Зоя отвернулась, чтобы нарезать

хлеб, и обнаружила, что Фелан смотрит на нее, да так пристально, что под его взглядом сделалось не по себе. Она улыбнулась ему, но это его не обмануло.

— Ты не влюбилась? — без обиняков спросил он.

Отец резко встал, потянувшись за чашками, и ножки его кресла заскрежетали о каменный пол.

— Нет. Конечно, нет. У кого сейчас есть на это время? Нет, никаких влюбленностей — кроме Чейза. Просто занята по уши. Ты уже решил, что будешь играть в первый день? — Фелан посмотрел на нее так озадаченно, словно она спросила, что он собирается надеть на собственные похороны. — На состязании, — напомнила Зоя, изумленная тем, что он мог забыть о состязании хотя бы на миг.

— А-а, вот ты о чем…

— Но ты же не передумал?

— Да, я ведь обещал. Вот только…

— Ты тоже по уши занят — своей работой?

Намазывая хлеб маслом, Зоя еще раз взглянула на Фелана и удивилась внезапному румянцу на его щеках. Что бы ни заставило его покраснеть, это была не его нескончаемая статья. Она быстро отвернулась, потянулась к сковороде, но тут же

махнула рукой, безнадежно глядя на спекшееся черно-желтое месиво.

— Ничего страшного, — мягко сказал Бейли.

— У меня никогда ничего не пригорало!

— Ничего, съедим.

— Сядь, — резко сказал Фелан. — Где тарелки, я и сам знаю. А то будешь мучить себя до тех пор, пока от тебя ничего не останется, кроме костей да звучащей в них музыки.

Благодарно улыбнувшись, Зоя опустилась в кресло и прикрыла глаза ладонями. Учуяв аромат чая, она приоткрыла глаз, обнаружила прямо перед собой чашку и чайник, подняла крышку и уставилась на чайные листья, медленно оседающие на дно. Фелан с отцом двигались за спиной, гремя вилками и хлопая дверцами буфета.

— Значит, упоминаний об Уэлькине в какое-нибудь другое время, кроме дней первого состязания, ты не нашел?

— Нет. До сих пор ищу. Судя по тому, что известно на данный момент, он, как и Найрн, исчез и с равнины, и из истории, хотя большинство очевидцев прочили его в победители.

— О ком вы говорите? — спросила Зоя, не отрывая глаз от чаинок.

— О таинственном незнакомце, явившемся на

первое состязание бардов, — пояснил Фелан. — Происхождение неизвестно, при себе не имел ничего, кроме видавшей виды арфы, и к концу первого же дня вогнал в трепет всех придворных бардов. А к концу третьего дня сошелся с Найрном в финальном поединке за титул первого королевского барда только что созданного королевства Бельден. Один из них должен был победить.

Разом забыв о чайнике, Зоя вскинула голову.

— Первым королевским бардом стал Блассон Персер из Уэверли!

— Верно.

— Так что там произошло? Уэлькин… Имя — словно из сказки. Где ты его нашел? В фольклоре? В какой-нибудь «Балладе о Найрне и Уэлькине»?

— Нет.

— И они оба просто взяли да исчезли? Это подтверждено документами?

Фелан усмехнулся. Его лицо было бледно, как кость.

— Будет подтверждено.

Зоя сощурилась.

— Фелан, что ты скрываешь?

— А что скрываешь ты? — возразил он.

— Скажу, когда смогу, — поспешно, пока в ход не пошли слова вроде «волшебства», «тайны» и

«заброшенной канализации», наверняка встревожившие бы благонравного отца, пообещала Зоя.

— Вот и я скажу, когда смогу, — кивнул Фелан, на миг задержав на ней взгляд серых, словно сталь, глаз.

Когда все покончили со злополучной яичницей, Зоя накинула поверх вчерашней одежды мантию и провела урок с учениками. После этого у нее наконец появилось время помыться и переодеться во что-нибудь более подходящее для визита к придворному барду короля. Пока трамвай вез ее вниз по склону и по дороге вдоль реки, она размышляла над работой Фелана. Согласно его изначальным намерениям написать ее как можно быстрее, без лишних хлопот, статья должна была выйти сухой, как пыль. Вместо этого она выпила из него всю кровь и подкинула ему такие секреты, которыми он не захотел поделиться даже с Зоей. Что ж, они квиты — у нее тоже есть от него секреты. И, судя по всему, ни он, ни она никак не могли разобраться в том, о чем упорно молчали. Таскать на плечах такой груз, когда силы нужны для состязания, и так нелегко, а необходимость скрывать все это от Кеннела была и вовсе не ко времени.

К счастью, Кеннел был так поглощен соб-

ственной одержимостью и честолюбивыми замыслами касательно Зои, что не заметил смятения в ее голове. Он совершенно поправился и, воспламененный внезапным видением смерти вкупе с образом сказочного злодея, им же самим созданным из Кельды, играл более искусно и зажигательно, чем когда-либо. Ах, как Зое хотелось, чтобы он передумал, чтоб велел всем, включая Кельду, отправляться по домам, и провел последние годы жизни в игре на арфе! В конце концов, на этом настаивал даже сам король! Но нет, Кеннел был непреклонен: Зоя должна занять его место, иначе королевство падет.

— Я подумал над тем, что тебе стоило бы сыграть на первом этапе состязания, — сказал он, когда они уединились в галерее для музыкантов.

— Но вы велели играть…

— Да, помню, но я ошибался. У меня для тебя есть превосходная баллада.

— Но…

— Тихо! — цыкнул он, опуская пальцы на струны. — Слушай.

Выбор песни для Зои снова напомнил Кеннелу собственный опыт участия в последнем состязании бардов. Он предупредил Зою об одном, дал несколько практических советов насчет другого,

вспомнил украшенную за годы повторений множеством деталей не хуже настоящей баллады историю о двух не слишком искусных, зато очень напористых музыкантах и хитростях, учиненных ими друг против друга — о расщепленной свирели, о внезапно обвисшей коже барабана, о пропавшей с арфы струне…

Вспомнив все это, он вновь помрачнел и призвал ее остерегаться подобных трюков со стороны Кельды.

— Кельде нет нужды жульничать, — без обиняков ответила Зоя. — Все, что ему нужно — просто играть.

Ничуть не убежденный этим, Кеннел покачал головой: в его воображении Кельда был способен на все. И Зоя знала: так оно и есть, вот только истинных способностей Кельды Кеннел не мог бы представить себе и в самом мрачном расположении духа.

Наконец Кеннел отпустил ее. Спустившись с галереи вниз, она тут же наткнулась на поджидавшего ее Кельду.

Судя по искоркам веселья, плясавшим в его глазах, он слышал каждое слово.

— Последний урок? — беспечно, ничуть не заботясь о том, что его прекрасно слышно и за

перилами галереи, спросил он.

Ни слова не говоря, вынуждая его следовать за ней туда, где их не смогут услышать, Зоя вышла из парадного зала. Оказавшись в тихом коридоре, она повернулась к Кельде.

— Не знаю, кто ты и что ты такое… — несмотря на все упражнения, голос дрожал. — Твоя сила удивительна и ужасна. От твоей музыки тает сердце. Да, я это знаю. Знаю и другое: когда мы выйдем друг против друга, вся ложь, за которой ты прячешься, исчезнет, останется только музыка и сила. Я постараюсь ответить всем, чем смогу. Возможно, в сравнении с таящимися в тебе карами и сокровищами это будет просто безделица — букетик полевых цветов, пара блестящих медяков… Но — будь что будет. И потому… Не нужно прятаться от меня под этой личиной. Это лишь еще одна ложь. Сделай одолжение, избавь меня от нее, прежде чем превратишься в то, чего я даже не смогу узнать.

Не дожидаясь ответа, она отвернулась и направилась к главному входу. И всю дорогу прислушивалась ко всему тому, о чем он промолчал.

Новая заря возвестила о себе лучом света и трубным пением горнов, призывавших бардов из гостиниц и усадеб, из школы, из замка, из па-

латок, со дна яликов, из-под трактирных столов, собраться под золотым оком летнего солнца, чтобы играть и петь, пока не останется только один, лучший, а прочие не замолчат.

Глава двадцать третья

Фелан разбудил спящую принцессу поцелуем. Она шевельнулась, недоуменно заморгала, глядя в потолок его спальни, и стремительно перекатилась набок, нащупывая наручные часы.

— Сколько времени?

— Горны только что протрубили. Мне нужно идти.

Однако он даже не шевельнулся и остался сидеть в озерце скомканных простыней пурпурного шелка, глядя, как принцесса откидывает со лба спутанные кудрявые пряди и улыбается ему легкой таинственной улыбкой, полной воспоминаний. Но вскоре эти воспоминания сменились другими, Беатрис рывком поднялась и села.

— Должно быть, их я и слышала сквозь сон. Мне снилась мать. Она состязалась за должность королевского барда, играя на старинном слуховом рожке. И победила.

Он рассмеялся.

— Не может быть!

— Серьезно.

Беатрис замолчала, вглядываясь в его лицо, и

ее улыбка медленно увяла. Погладив Фелана по голому плечу, она нежно поцеловала его.

— Рада, что ты еще можешь смеяться. Я бы на твоем месте с ума сходила от ужаса.

Плечо под ее длинными пальцами дрогнуло, и Фелан накрыл ее руку ладонью.

— Я не настолько высокого мнения о своих талантах, чтобы бояться проиграть. Я нужен только затем, чтобы отвлечь Зою от Кельды.

— От Кельды… — принцесса поежилась. Фелан снял ее руку с плеча и поднес к губам. — Он победит?

— Отец говорит: только через его труп. Хотя, по-моему, это всего лишь беспочвенные мечты — ему не сыграть даже на слуховом рожке. И против Кельды у него нет ни единого шанса.

Не выбираясь из-под простыней, Беатрис подтянула колени к груди и уткнулась в них лицом.

— То, что он рассказал, до сих пор в голове не укладывается, — глухо сказала она сквозь шелк и завесу растрепанных волос. — Конечно, для него вполне естественно хотеть того, чего он хочет, но вот ни тебе, ни мне этого совсем не хотелось бы.

— Это верно, — тихо сказал Фелан, коснувшись ленточки из атласа и кружев, соскользнувшей с ее плеча. — Никогда не представлял себе тебя в

таком цвете.

— А в каком представлял?

Фелан открыл было рот, но только улыбнулся.

— Ну, не в апельсиновом.

— Он мандариновый, — поправила принцесса. — Моя фрейлина не позволяет мне носить этот цвет на публике, поэтому приходится прятать его под одеждой, — она подняла голову и вздохнула. — От труб до отлива — считаные часы. По крайней мере, на церемонии открытия появиться смогу. А потом мне, честное слово, нужно хоть на несколько часов на раскоп. А потом — домой, объясняться с матерью.

— Отец тебя совсем не торопит…

— Знаю, — кивнула принцесса. — Но хочу попасть туда сегодня. В том огромном мрачном подземелье, куда короли раньше заточали мятежных вельмож, я уже знаю каждый уголок. До того, как меня запрут там, хотелось бы разобраться, что мы нашли.

— Я приду и спасу тебя.

— Тебе будет некогда: ты должен помогать Зое. А я, работая на твоего отца, выучилась так хорошо копать, что любые неприятности разгребу.

Фелан поспешно оделся и вышел, оставив принцессу под дружеской опекой Софи, за об-

суждением, стоит ли взять машину Беатрис и рисковать застрять в пробках, или лучше нанять барку и подняться вверх по реке. Ионы, как всегда, нигде не было видно. Оставалось только надеяться, что он не отправился подкарауливать Кельду, вооружившись булыжником. Трамвай, битком набитый молочно-бледными музыкантами и инструментами всех форм и размеров, довез Фелана до громадного каменного амфитеатра в северной части Кайрая, построенного школой четыреста лет назад для состязаний бардов, а в промежутках использовавшегося для чего угодно — от первых паромобильных гонок до коронаций.

В центре амфитеатра возвышалась, словно свадебный торт, сложная система лесов, поддерживающая сцену, убранную знаменами и венками и уставленную разнообразным оборудованием, благодаря которому состязающихся могли слышать даже те, кто расположился на отдаленных холмах в тени одиноких деревьев. Несмотря на ранний час, толпы, заполонившие зеленую равнину, напоминали армию вторжения, осадившую старую крепость. Тысячи ожидавших, когда можно будет занять места внутри, толпились у всех ворот, кроме двух — Королевских, к которым тянулась от пристани барок пурпур-

ная ковровая дорожка, и Ворот Музыкантов. К этому-то скромному входу, укрытому утренней тенью, устремился в числе прочих участников и Фелан. Участники состязания держались по большей части молчаливо, сосредоточенно и угрюмо. Некоторые выглядели так, будто вот-вот расстанутся со съеденным завтраком. Входя, каждый называл свое имя и получал программу выступлений. Заглянув в брошюрку, Фелан едва не выронил ее. Похоже, жребий решил сыграть с ним жестокую шутку: ему выпало выступать первым.

В растерянности он вошел внутрь и начал пробираться сквозь лабиринт разбросанных инструментов и музыкантов, распевавшихся и разминавших пальцы. Шум вокруг напоминал крики стаи обезумевших сказочных птиц. Наконец он отыскал свободный уголок, опустил на пол инструменты и огляделся в поисках Зои.

Словно по волшебству, она тут же оказалась рядом, разодетая в яркие, разноцветные шелка. Когда-то, в древности, эти цвета дозволялось носить лишь королевским придворным бардам.

Фелан улыбнулся, ослепленный этим буйством малинового, пурпурного, золотого и оранжевого. «Вернее, мандаринового», — поправился он,

гадая, задержится ли Беатрис настолько, чтобы успеть послушать его.

— Надела на счастье, — сказала Зоя, безошибочно прочитав его мысли. — А твое выступление прибавит мне храбрости. Я-то выступаю только после полудня, — Фелан почувствовал, что краснеет под ее вопросительным взглядом. — А вот такого лица у тебя не бывало еще никогда, — медленно проговорила она. — Ни из-за кого. Даже из-за меня.

— Как ты можешь, — притворно возмутился он, — думать об этом в такое время?

Зоя пожала плечами. На ее собственном лице проступила смертельная бледность.

— Не могу же я не видеть — особенно того, что касается тех, кого я люблю. Как тут не заметишь… Что ты будешь играть?

— Одно из трех.

Среди звона настраиваемых арф, трелей флейт и обрывков песен ее смех казался совершенно не к месту.

— Полагаю, ты сделаешь выбор в последний момент, — ее губы, ледяные, точно губы покойника, легонько коснулись его щеки. — Побудь со мной, — попросила она. — Мне очень нужно отвлечься, забыть о Кельде и Кеннеле.

Фелан огляделся вокруг в поисках высокого темноволосого барда. Тот должен был играть ближе к полудню и, судя по всему, появляться не спешил.

— Хорошо, — пообещал он, хоть и понятия не имел, как сдержит слово: судя по музыке, исполняемой грозными придворными бардами бельденской знати, собравшимися вокруг, его первое выступление должно было стать и последним.

Час спустя он сидел среди сотен музыкантов, сгрудившихся под сценой, и глазевших вверх сквозь разукрашенные леса. Вначале один из школьных мэтров вкратце поведал собравшимся историю состязания, затем гостей Кайрая приветствовал король, а после Кеннел в последний раз повторил традиционный призыв к состязанию, поблагодарил всех и пожелал всем успехов. В это время Фелана отправили наверх, в бесконечный путь к небесам. На верхней ступеньке он остановился, не в силах понять, что делает здесь, между небом и землей — там, куда отроду не стремился.

Каким-то чудом он сумел разглядеть среди всех этих лиц, многочисленных, как звезды, и столь же далеких, лицо Беатрис.

Она сидела на самом верху, рядом с Софи, в ко-

ролевском павильоне, подавшись вперед, словно для того, чтобы получше разглядеть его. Утреннее солнце озаряло ее бледно-зеленые шелка, ветер играл волосами, точно морской пеной. С такого расстояния выражения ее лица было не различить, но Фелан видел его внутренним взором: спокойный взгляд темно-синих глаз, уголок рта приподнят в знакомой кривой улыбке…

В этот момент он понял, что споет и сыграет ей.

Он почти не слышал сам себя. Те несколько минут, пока он играл и пел старинную любовную балладу для той, что проснулась рядом с ним на заре, промелькнули, как сон. Судя по скудным аплодисментам в конце, все просто радовались тому, что он не забыл слова, не дал петуха и открыл состязание на вполне достойной ноте. На лестнице он разминулся со следующим участником, придворным бардом кого-то из эстмерской знати, не удостоившим его и взглядом, а на площадке миновал еще одного, из тех, что играли на свирелях на улице вдоль реки, — этот выглядел так, будто от ужаса вот-вот свалится с подмостков.

Спустившись вниз, он нос к носу столкнулся с отцом. Твердая рука Ионы легла на плечо и

увлекла его прочь от музыкантов, за те же ворота, сквозь которые он вошел.

— Что ты делаешь? — возмущенно спросил Иона, едва оказавшись вдали от чужих ушей.

Фелан молчал. Казалось, Иона странно двоится в глазах. Образ отца, рядом с которым он вырос, которого знал всю жизнь, сливался с ликом Найрна Бессмертного, Найрна Непрощенного, точно прямо перед Феланом чья-то невидимая рука собрала в бесконечные складки ткань самой истории.

— Ничего, — наконец ответил он. — Просто играю. Зоя меня попросила.

— Ты должен вылететь, — коротко бросил отец.

— И вылечу. Скорее всего, уже вылетел.

— Не вылетишь, если не прекратишь так играть!

Фелан снова умолк, пытаясь догадаться, что такого отец мог себе вообразить.

— Я играл для Беатрис, — наконец сказал он, не понимая, отчего еще его баллада могла бы обрести какую-либо силу сверх обычной. — Чего ты боишься? Тут собрались придворные барды с песнями, древними, как пять королевств. Они меня сдуют со сцены одной только трелью на флейте.

— Дело не в этом, — раздраженно сказал Иона.

— А в чем?

— Если Кельда — тот, о ком я думаю, тебе может грозить смертельная опасность, вот в чем! Он погубил мою музыку. Я не позволю ему отнять у меня еще и тебя. Это погубит меня снова. Жить с этим я не смогу, и умереть тоже не способен. Поэтому прекрати играть для принцессы! Прекрати вкладывать в музыку душу!

Фелан открыл было рот, но ничего не сказал. Освободившись от отцовской хватки, он повлек Иону внутрь — туда, где можно было расслышать песню эстмерского придворного барда.

— Послушай, — горячо сказал он, стараясь не повышать голос. — Послушай это, — бард словно играл разом на трех инструментах и в то же время пел. — Вот так он играет каждое утро для герцога Эстмерского, пока тот завтракать изволит. И ты думаешь, я хоть в чем-то мог бы с ним сравниться?

Но Иона стоял на своем:

— Во всем этом нет его души!

— Это просто неразумно! — осознав, что сказал, Фелан усмехнулся. — Что я говорю — ты ведь безумствовал всю жизнь. И теперь я понял почему, но только Кельде ни ты, ни я не интересны.

Ему нужна Зоя, и я обещал помочь ей продержаться. Чем только смогу. — Иона застонал. — Да, про сердце и душу я тогда и понятия не имел, — с сарказмом добавил Фелан. — Но даже если и так, я никогда не слышал, чтобы они хоть немного заменяли мастерство.

— И как тебя угораздило влюбиться в такой момент, — сердито буркнул отец. — Ладно, это тоже неважно. Дело в другом…

— Не вижу смысла продолжать этот спор, — сказал Фелан, тоже не на шутку рассерженный, — раз ты не можешь объяснить, в чем же все-таки дело. Посиди со мной, послушай музыку.

— Все это я уже слышал, — отмахнулся Иона.

С этим было не поспорить.

— Ну, а я нет, — со вздохом ответил Фелан. — Так что послушаю. А ты тем временем постарайся не попасть в беду.

Незадолго до полудня Беатрис ушла. Фелан то и дело поглядывал на ее опустевшее кресло, надеясь, что она передумает присоединяться к команде археологов и вернется, и ее лицо среди всего этого головокружительного множества лиц снова станет единственным, на котором глаз мог бы отдохнуть. В толпе музыкантов сновали служители, предлагавшие воду, фрукты, чай, соки, а

для обладателей самых крепких нервов имелась провизия и посущественнее. Потягивая холодный апельсиновый сок, Фелан слушал, как волшебство Кельды околдовывает толпу, заставив даже снующих по проходам меж ярусов разносчиков замереть на месте. Его глубокий проникновенный голос заполнил амфитеатр, поплыл над равниной. Казалось, далекие холмы ожили и подхватили его песнь. Против собственной воли растроганный судьбой несчастных влюбленных из его баллады, Фелан снова поискал взглядом Беатрис, но вместо этого увидел отца, сидящего рядом с Софи и пьющего нечто, безусловно, запрещенное для продажи публике. Впрочем, это мог быть и просто чай: вот он предложил фляжку Софи, и мать приняла ее. Тут загремели овации, что заглушили бы и грохот штормовых волн, но Фелан не сводил взгляда с отца. Все еще потрясенный историей Ионы, безнадежно пытаясь вообразить себе его мысли и чувства, он понял, что может безуспешно биться над этой тайной всю жизнь, до тех самых пор, как увидит Иону в последний раз — над своим смертным ложем.

От этих мрачных мыслей его внезапно спасла первая неудержимая, жизнерадостная нота следующей песни. По спине пробежал холодок.

Фелан едва узнал этот голос: казалось, это поет один из древних камней, согретых лучезарной улыбкой солнца. Эта песня вызывала отчаянную тоску по инструменту — любому, хотя бы стебельку травы или камышовой свирели, — чтобы подыграть ей. Зоя была невозмутима и уверена в себе, как полная луна, всплывавшая в заоблачную пустоту над горизонтом, сильной, как древний дуб, держащий на громадных ветвях многие поколения гнезд, или как бесшабашный ветер, уносящий прочь любые мысли о смерти так же легко, как сухой прошлогодний лист. Фелан засмеялся сквозь навернувшиеся на глаза слезы. Песня Зои заставила его забыть даже о Кельде. Забылось все, кроме буйства и щедрости ее голоса, пронесшегося через всю равнину, вспугнувшего орлов с утесов Гризхолда, заставившего древние камни на берегу северного моря пуститься в пляс.

Стоило Зое, спускаясь со сцены, показаться на лестнице, все музыканты — и даже Кельда — встали, приветствуя ее аплодисментами. Та, кому не посчастливилось выступать после нее, рассмеялась и поцеловала ее в щеку, поднимаясь наверх. Зоя подошла к Фелану, и музыкант, сидевший рядом с ним, подвинулся, уступая ей место.

Легкая вызывающая улыбка и абсолютное бесстрашие в ее глазах повергли Фелана в благоговейный трепет.

— Ты объявила войну, — выдохнул он.

Зоя покачала головой.

— Не войну, — строго прошептала она под первые ноты следующей песни со сцены над головой. — И пока не объявила.

К вечеру дело дошло до последнего участника — дилетанта столь неумелого, что он даже не потрудился закончить песню, а попросту оборвал ее, рассмеявшись и махнув рукой. Музыканты, поднявшиеся размять ноги и перекусить, возбужденно загудели в ожидании первой очереди выбывших. Амфитеатр начал пустеть. Через час один из мэтров прочел со сцены список тех, кому надлежало вернуться на следующий день.

Среди них, к собственному удивлению, оказался и Фелан.

— Хорошо, — просто сказала Зоя, услышав это. — Завтра мы можем играть вместе или друг против друга, по желанию. Я запишу нас вместе.

— Зачем? — удивился Фелан. — Тебе бы играть против того, у кого есть шанс победить. Против одного из придворных бардов. — На это Зоя лишь рассмеялась. — Тогда против Кельды.

— До него очередь еще дойдет, — тихо сказала она. При этой мысли улыбка исчезла с ее лица, но, стоило ей посмотреть на Фелана, и улыбка вернулась. — А кому бы ты предпочел проиграть, если не мне?

— Ладно, — улыбнулся Фелан. — Только скажи, что репетировать.

Ответив, Зоя оставила его и отправилась искать Чейза в толчее задержавшихся у амфитеатра зрителей. Фелан огляделся в поисках Беатрис, но увидел только Иону и поспешил улизнуть в другую сторону, уклонившись от спора, поджидавшего его за Воротами Музыкантов.

Глава двадцать четвертая

Под конец дня принцесса неохотно подняла голову и взглянула наверх, старательно избегая мыслей о том, что ждет впереди, и только гадая, как оценили Фелана. Он пел для нее весь день: она работала кистью и щупом, обливаясь потом в лучах летнего солнца, а его трогательная баллада эхом звучала в голове во всей своей чистой красоте, словно пение соловья, сидящего на плече. Когда лучи солнца померкли, покинули раскоп, работа вокруг пошла медленнее.

Наконец все остановились, молча раздумывая над тайной, погрузившейся глубоко в землю под своей чудовищной тяжестью.

— Должно быть, гробница, — устало сказал Кэмпион, утерев лоб и оставив на лице грязные полосы.

Все они с головы до ног были покрыты толстым слоем пыли, как будто медленно превращались в каких-то странных человекоподобных кротов, измеряющих свои дни в часах, что проводят под землей; и даже поднимаясь наверх, в большой мир, подземные существа мысленно остаются

там, внизу.

Массивная стена из желтого камня была покрыта рунами — вся сплошь, кроме участка, прозванного кем-то дверной плитой. На этом широком и низком прямоугольнике был вырезан только один символ — идеально правильный круг, заключавший в себе бесконечную спираль, начинавшуюся от точки в центре, раскручивавшуюся, чтобы слиться с внешним кольцом и устремиться назад. Его не так давно обнаружила Ида — непринужденно болтая, рассказывая историю о какой-то неудавшейся вечеринке, пока ее кисточка энергично очищала от почвы очертания совсем другой истории.

— Ну почему же, — жалобно сказала она, пристально глядя на дверь. — Может, это что-то вроде кладовой. Или своего рода парная — древняя водолечебница…

— Может, и так, — с сомнением сказал Адриан, наклоняя тощее тело вперед и назад, чтобы размять спину.

— Двери обычно предназначены для того, чтобы ходить сквозь них, — заметил Каррен. — Если только их не открывают ровно один раз, чтобы навсегда запереть что-нибудь внутри. Должно быть, действительно склеп. Но мы, скорее всего,

никогда этого точно не узнаем: вон, как этот камень заклинило. Точно от старости просел и врос в камень вокруг.

— А может, это гробница королей, — пробормотала Беатрис. — Все эти письмена, и особый символ на двери…

— Ладно, — Кэмпион подобрал пояс с инструментами и закинул его на плечо. — Иона наверняка знает. Странно, что он все еще не пришел взглянуть.

— Он на состязании, — объяснила Беатрис и, когда все вопросительно посмотрели на нее, добавила: — Фелан тоже играет.

Произнеся это имя, она почувствовала, что краснеет, но, к счастью, под слоем пыли на лице этого никто не заметил.

— А Иона вообще знает об этой находке? — спросил Каррен.

— Да, я ему говорила.

— Чтобы Иона да отвлекся от своих раскопок… — проворчал Кэмпион. — Это как же здорово Фелан должен играть?

— Иона же бродит по ночам, — с ноткой сухой иронии в голосе сказал Каррен. — Вместе со стоячими камнями. Скорее всего, он уже заходил посмотреть.

Все выбрались наверх, оставив загадку луне, ополоснули лица водой и остатками чая из термосов и отряхнули от пыли одежду. Беатрис перевезла товарищей через мост, где они разошлись ждать трамваи, и неохотно направилась навстречу неминуемой буре. В последний раз она видела королеву на пикнике в саду, а накануне вечером послала ей от Ионы Кле записку — пожалуй, довольно бессвязную, но кто смог бы сохранить трезвость мыслей после того, как в рваных чулках и вечернем платье выбрался из древней канализации в компании тысячелетней легенды?

Ответом из замка было лишь зловещее молчание.

По крайней мере, прежде, чем ее призвали к ответу, она успела умыться и переодеться. Как ни странно, вызов исходил от отца.

Король расхаживал среди своих древностей, время от времени что-то говоря мэтру Берли через плечо.

— Беатрис, твоя мать велела мне поговорить с тобой, — без церемоний начал он. — Не знаешь, о чем?

Беатрис улыбнулась с несказанным облегчением.

— Ни о чем таком, что стоило бы волнений, — ответила она.

— Это хорошо. Она сказала, что после пикника ты куда-то исчезла, а сегодня утром тебя видели с Софи Кле, — король взял со стола старинную костяную погремушку и рассеянно встряхнул ее. Костяные шарики внутри бешено загремели — к немалому ужасу мэтра Берли. — Ну, а тебе не нужно поговорить о чем-нибудь?

— Пожалуй, нет. Разве что… я неожиданно полюбила Фелана Кле.

Отец поднял бровь.

— Фелана… — еще раз встряхнув погремушку, он положил ее на место. — Гм…

— Да.

— Ну что ж… — рука короля зависла над изящным, очень древним образчиком керамики. Мэтр Берли зажмурился и втянул голову в плечи. Отец задумался. Беатрис замерла, глядя, как выражение его лица медленно меняется по мере размышлений. Наконец он резко опустил руку, оставив древний горшок нетронутым. — Ну что ж, — повторил он с явной надеждой в голосе. — Это вовсе не плохо, не так ли? Беседовать о предметах старины с твоими братьями и Марком как-то скучновато. Что еще может беспокоить

твою мать?

— Больше ничего в голову не приходит.

— Прекрасно. Тогда мы можем перейти к тому, что вы откопали для Ионы на сей раз. Твоя мать сказала, что на пикнике ты ни о чем другом говорить не могла. Что же вы, в самом деле, такое нашли?

— Отец, это просто поразительно! — оживленно заговорила Беатрис. — Нечто вроде гробницы из желтоватого камня, сплошь покрытого рунами. Кроме двери. То есть, мы думаем, что это дверь. На ней только один символ.

— Какой? — хором спросили король и хранитель королевского собрания древностей.

— Круг, спиралью сходящийся внутрь, в точку. А может, наоборот.

— Спираль, — пробормотал отец, оглянувшись на мэтра Берли. — Ничего не приходит в голову?

— Вот так, сразу — ничего, милорд. Может быть, принцесса изволит нарисовать его?

— Конечно.

— А я принесу кое-какие справочники.

Мэтр Берли исчез и вскоре вернулся с карандашом, бумагой и охапкой книг. Беатрис нарисовала спираль в круге, и все трое принялись рыться в книгах, облокотившись в разнообразных по-

зах на витрины. Беатрис, опершись локтями о ящик с древними топорами и навершиями копий, изучала словарь рунного письма, а король, прислонившись к шкафу, битком набитому керамикой, листал энциклопедию древней символики.

— Ну как? — пробормотал король.

Мэтр Берли, прислонившийся к шкафу с другой стороны, будто подставка для книг, захлопнул очередной том и с нетерпением взялся за следующий.

— Казалось бы, такой простой, запоминающийся символ несложно найти.

— Не так просто, как «хлеб», — рассеянно отозвалась Беатрис. — Может, это чье-то имя?

— Люциан! — отчаянно воскликнула вошедшая королева.

Все трое вздрогнули и выпрямились. Витрины отозвались тревожным звоном. Смерив дочь ледяным взглядом, королева всплеснула руками.

— Я сдаюсь. Сил моих больше нет. Люциан, ты хотя бы попытался? Ты говорил с дочерью?

— Конечно, говорил! Она сказала, что все хорошо. Ах да, и еще, что это, вероятно, гробница.

Королева потрясенно воззрилась на мужа. Тот улыбнулся в ответ.

— Не отвезти ли туда завтра твоего брата? Пусть посмотрит, что отыскала Беатрис! Сегодня на состязании бардов он заснул. Возможно, он предпочитает гробницы?

— Барды, — внезапно повторила Беатрис. — Кельда должен знать!

— Что?

Принцесса смотрела на отца, но не видела его. Перед глазами возникло мрачное, таинственное лицо гризхолдского барда с дразнящей двусмысленной улыбкой на губах.

— Что это за символ. Он знает их все — все эти древние руны.

— Хорошо. Сегодня же пригласим его к ужину и спросим. Если только к нам не присоединится Иона, — задумчиво сказал король. — Между ними какие-то загадочные трения. Беатрис, ты ничего об этом не знаешь?

— Э-э…

— Хотя, конечно, нет, откуда тебе знать? Скорее всего, какое-то недоразумение, — отец оглянулся на сдавленный стон королевы. — Что там, Гарриет? Мы куда-то опаздываем?

Но ни Иона, ни Кельда в тот вечер в парадном зале не появились. Кеннел играл медленные старинные баллады и придворные танцы один.

На его лице застыло странное отсутствующее выражение. Казалось, за своей музыкой он различает всю музыку, звучащую над равниной, все песни бардов, состязающихся между собой по трактирам, на пригорках под луной, среди стоячих камней. Он непрестанно хмурил брови, его лицо в этот вечер — один из последних его вечеров в должности королевского барда — выглядело скорее сурово, чем ностальгически. Нетрудно было догадаться, чью музыку он ищет в наступающих сумерках долгого летнего вечера, и то, что молодого барда со взглядом хищника и понимающей улыбкой нигде было не видно, внушало принцессе разом и облегчение, и тревогу.

Семейный ужин был куда скромнее и тише, чем обычно. Шарлотта со своим семейством уехала в деревню, как сообщила королева Беатрис, усаженной рядом с матерью, на место сестры. Дэймон и Дафна ушли на очередную вечеринку в честь их помолвки, и даже Гарольда почему-то не было дома. Королю оставалось только вести какой-то бессвязный разговор с лордом Гризхолдом. Мелодичный, звучный голос королевы утратил толику прежней непреклонной решимости. Беатрис даже задумалась, не жалеет ли мать о потере Кеннела, выступавшего по случаю

каждого важного события в замке еще со времен ее замужества. Казалось, перемену в королевском барде почувствовал даже лорд Гризхолд, самый немузыкальный человек на свете. Беатрис слышала, как он сказал отцу:

— Насколько я понимаю, мне тоже придется искать нового барда. Я слышал, все шансы за то, что Кельда победит. Люди говорят, у него волшебный голос. Сам-то я в этом ничего не понимаю, для меня вся музыка одинакова, как жужжание пчел — ноты от ноты не отличу. Но Петрус и дочерям будет его не хватать.

— Приглашение Шарлотты, конечно же, все еще в силе, — шепнула Беатрис королева. — На случай, если тебе вскоре понадобится место, чтобы все обдумать.

То есть обдумать отношения с Феланом… В случае, если он окажется таким же несносным, как его отец, и Беатрис останется не только с разбитым сердцем, но и без работы. Как мать могла вообразить себе Беатрис гуляющей в уединении росистым утром и в тяжких раздумьях гадающей на ромашках, если рядом с ней всегда будут маленький Марк и крошка Томазина? Это оставалось загадкой.

— Есть на свете и другие раскопки, — спокойно

ответила Беатрис. — Я вполне ясно мыслю, когда работаю.

Услышав вздох матери свозь радостный звон ножей и вилок, она добавила — с юмором, но не без раздражения:

— Это мое призвание. Если тебе так не нравится видеть меня в комбинезоне, я уеду на север. Там, в Приграничьях, раскапывают целую древнюю деревню.

Королева бросила на нее испуганный взгляд.

— Прости, мама, — мягко сказала Беатрис, — но, в самом деле, сколько времени можно выносить жизнь среди проселочных дорог, коров и «хобби-ферм»? Если ты настаиваешь на том, чтобы я поехала туда, я просто отыщу ближайший раскоп и скроюсь в нем. В той части страны есть чудесные древние курганы и гробницы.

Нож в руке матери резко заскрежетал по фарфору.

— Шарлотта хотя бы говорит за столом о туфлях, — мрачно заметила она, — а не о гробницах. Ты и вправду безнадежна. Вся в отца.

— Наверное, так и есть, — дружелюбно согласилась Беатрис.

Безошибочно уловив в разговоре подходящую зацепку, леди Петрус, сидевшая по другую сторо-

ну от матери, живо включилась в беседу.

— О туфлях? — воскликнула она, растягивая второй слог. — Я их обожаю, а вы? У меня их столько, что пришлось превратить старую детскую в кладовую. А скажи, Гарриет…

Наутро следующего дня Иона нашел принцессу на раскопках — одну, если не считать охранника в машине, едва оторвавшего взгляд от книги, чтоб опознать незваного гостя. Все остальные на несколько часов отправились на состязание бардов — взглянуть на этот пережиток прошлого, как выразился Кэмпион. Беатрис же влекли к себе древние руны. «Только на часок», — сказала она себе, сметая кисточкой пыль с глубоких бороздок на камне. Всю ночь они преследовали ее во сне, точно безмолвные лица, пытающиеся заговорить… Беатрис окинула взглядом молчаливую непрерывную вязь рун, покрывавших поверхность гробницы, в поисках круга с расходящейся спиралью. Внезапно упавшая на нее тень напугала ее так, словно одна из рун вдруг заговорила.

— Мэтр Кле?

— Фелан послал меня за тобой, — сказал Иона, спускаясь к ней по трапу. — Значит, вот что вы нашли… А где все?

— Ушли послушать музыку. Я только… Мне

нужно было еще раз увидеть это. — Она без слов показала на таинственный круг. — Ничего не могла с собой поделать. Мэтр Кле, вы когда-нибудь видели такое?

Он не ответил. Оторвав взгляд от камня, принцесса оглянулась на него.

— Мэтр Кле?

Он замер без движения — казалось, даже не дышал. Лицо его так побледнело, будто он был готов упасть в обморок прямо здесь, на дне раскопа. Беатрис тронула его за плечо. Он встрепенулся и стиснул ее пальцы.

— Да, — хрипло сказал он. — Когда-то я уже видел это. Или что-то очень похожее.

Он выпустил ее руку и резко повернулся к трапу.

— Идем!

— Но что это? Что он означает? Я совершенно не узнаю этот символ. Мы — отец, мэтр Берли и я — искали его во всех рунических словарях и справочниках, но так и не нашли.

— Естественно.

— Но…

Иона был уже на полпути наверх и с нетерпением манил ее за собой.

— Нет времени. Похоже, Фелан в смертельной

опасности.

— Почему? — озадаченно спросила принцесса. — Из-за этой двери в старый склеп?

— Не спрашивай.

Но принцесса продолжала строить догадки.

— Кельда, — коротко сказала она. — Вы думаете… Мэтр Кле, я не пойму, о чем вы думаете. Что может случиться с Феланом посреди состязания, у всех на глазах?

— То же, что случилось со мной, — мрачно ответил Иона.

Горло принцессы сжалось и пересохло от страха.

— Фелан так хорошо играет? — дрожащим голосом спросила она, ступив на трап.

— Только когда думает о тебе. Я должен быть там, где смогу видеть его. И Кельду.

Он подал ей руку, помогая выбраться на поверхность, и ненадолго задумался, глядя на ее невозможный наряд.

— У меня одежда в машине, — быстро сказала она. — Переоденусь у амфитеатра.

— Хорошо, — с облегчением сказал он, но тут же помрачнел. — Если амфитеатр все еще цел. Утром Кельда уже один раз выступал. Столько было воплей и топота… Возможно, сейчас там

только куча обломков.

— Волшебство?

Иона покачал головой.

— Пока нет. Пока что оно ему ни к чему.

Беатрис велела охраннику остановить машину у королевской барки и поднялась в каюты, отведенные для короля и придворных, чтобы сменить рабочую одежду на платье. Переодевшись, она прошла в амфитеатр, забралась на самый верхний ярус, оказавшись на том же уровне, что сцена на подмостках; и там, под колыхавшимся на ветру навесом павильона, принцесса нашла Софи. Очевидно, это место предпочитал и Кеннел: старый бард сидел с краю — ярко-голубая парадная мантия, обычный седой хохолок на макушке, лицо напряжено не меньше, чем у Ионы.

— Он пошел поговорить с Феланом, — сказала Софи прежде, чем принцесса успела хотя бы открыть рот. — А вон там, в такой чудесной шляпке, не твоя тетя Петрус? Этот пышный плюмаж словно вот-вот улетит вместе с ней.

— И как Фелан? — озабоченно спросила Беатрис.

— Теперь, конечно, будет лучше — ведь ты здесь. Он играет… — она сделала паузу, чтобы надеть очки и заглянуть в программку. — Наверное,

уже скоро. В паре с Зоей.

— А вон и моя мать, — выдохнула принцесса, узнав шляпку с цветами рядом с пышным плюмажем тети Петрус. — Никогда бы не подумала, что ей это интересно…

Вокруг раздались аплодисменты, и она машинально захлопала в ладоши вместе со всеми. Закончив песню, певица откланялась, и на сцену вышел придворный бард, увешанный инструментами, как латами, сверкавшими на каждой ноте, точно вместо него решило сыграть для публики само солнце.

Мысли Беатрис снова унеслись вдаль. Она искала взглядом среди сидящих в тени под сценой Фелана, но не видела его. Быть может, он где-то с Ионой? Но не успела музыка сверкающего исполнителя подойти к концу, как Иона вернулся и сел рядом с Софи. Принцесса вновь машинально захлопала и повернулась к угрюмому, замкнутому Ионе, готовясь задать вопрос, как только стихнет шум. Но, стоило ей набрать в грудь воздуха, Зоя запела.

Беатрис уставилась на сцену, совершенно забыв закрыть рот. Две фигуры — одна темноволосая, одетая в шелка цвета трепещущего пламени, а другая со светлыми волосами, в синем шелке

шанжан с серебряным шитьем, сверкающим, точно струйки воды… Казалось, они не играют, не поют, но извлекают мелодию из корней травы на равнине, из лишайников на древних камнях, из вырезанных на них слов, древних, как сам Бельден. Чувствуя, как защипало в глазах, Беатрис прижала ладонь к губам. Ну конечно! Вот как звучала спираль в кругу на двери в гробницу, вот он, ее голос! Музыка, лившаяся в сердце Беатрис, и была этим словом, произносила его! Весь мир подернулся дымкой, замерцал и растаял. Наконец слезы выкатились из глаз, в ушах прозвучало внезапное восклицание Ионы, и окружающий мир вновь обрел четкость.

Вот только что же это за мир?

Глава двадцать пятая

Вместе с ними играл кто-то третий. Зоя слышала буйный перелив сладкозвучных нот, ворвавшихся в ее музыку стремительным звонким ручьем и слившихся с ней, то уходя в темные таинственные глубины, то вырываясь наверх, на свет дня. Фелан, игравший в такт Зое, смотрел только на собственные руки и поначалу ничего не замечал. Но вдруг он резко вскинул голову и взглянул на нее. Глаза его округлились, а пальцы внезапно замешкались, отстали, чуть сбились с такта, прежде чем вновь нагнать ее.

Зоя и сама начала ошибаться — то и дело лишь вздох вместо голоса. Несмотря на летнее солнце, по коже побежали мурашки. Казалось, стены амфитеатра выросли, вознеслись в невероятную высь. За стенами, за бесконечной спиралью уходящих в небо камней, мерцала равнина; ее зелень, золото и синь тянулись вдаль, сливались с небом над расплывчатыми туманными горизонтами. «Сон камней, — подумала Зоя. — Память камней…» Равнина казалась странно пустой: деревья, стоящие, как стражи, на вершинах холмов,

там и сям возвышавшихся над травой, больше не укрывали тенью пестрые толпы слушателей. Да что там — сам Кайрай исчез, растворился в серебряной дымке, накрывшей оба берега Стирла!

Зоя пела, чувствуя, как из горла вместо песни все чаще и чаще вырывается безмолвный выдох. В холодной волне тумана, хлынувшей от реки, тело промерзло до самых костей.

— Не останавливайся, — весело сказал чей-то голос между куплетами.

Сначала она решила, что это Кельда. Фелан играл рядом с ней, да с таким трудом, словно его быстрые умелые пальцы вдруг стали тверды, как дерево. Теперь их обоих вел за собой неизвестный арфист — он задавал ритм, он выбирал песни, увлекавшие беспомощных Зою и Фелана за собой, точно стремительная река, удерживал их в блестящих тенетах своих струн.

Опустел и амфитеатр. Нет, не опустел — исчез! Их окружали прозрачные камни. Они стояли на пригорке где-то посреди равнины, где-то во времени или в воспоминаниях, и играли, повинуясь любому капризу странного арфиста. Нет, это был вовсе не Кельда — этого барда Зоя не видела никогда в жизни. Старый, угловатый, похожий на древний, видавший виды валун; один глаз

бледно-голубой, другой сумрачно-синий; голос, как рокот гальки в волнах, набегающих на каменистый берег… Зоя повернула голову, чтобы разглядеть его яснее, и он улыбнулся ей.

И Зоя узнала эту улыбку — бесстрашную, дразнящую, понимающую улыбку кэльпи.

От потрясения у Фелана сбилось дыхание. Он изо всех сил старался совладать с собой и закончить песню. Зоя ждала и, как только арфист начал еще одну развеселую балладу, выхватила мелодию из его пальцев, замедлила ее бег и превратила в придворный танец без слов, чтобы дать отдохнуть голосам.

Разноцветные глаза арфиста сузились, но его пальцы, плясавшие по струнам, не возражали.

— Фелан, — негромко сказала Зоя, предоставив пальцам вести медленную, певучую мелодию без нее.

Фелан озирался вокруг с таким недоумением, что Зоя невольно задумалась: что же он видит? То же, что и она, или нечто свое? Наконец он хриплым голосом заговорил:

— Это же…

— Да.

— Но как мы…

— Не знаю.

— Должно быть, это ты… Мне бы… Мне бы ни за что не удалось…

— Но ты здесь, — твердо сказала она.

Фелан умолк. Лицо его побледнело, пальцы бросали ввысь ноты, словно золотые монеты.

— Ладно, но как мы… Как нам выбраться отсюда? Мой отец не нашел выхода.

Если бы в эту минуту Зоя пела, ее голос сорвался бы от изумления и испуга. Горло перехватило так, что она не могла вздохнуть. Оставалось одно — играть, пока бессловесные, застывшие мысли не оттают, не вытекут парой слов из разворошенной памяти.

— Он — это… — прошептала она, голос все еще изменял ей. — Он…

— Да.

— Он и есть Найрн?

— Да.

— О-о, — беззвучно выдохнула Зоя. Звук скатился с языка, как гладкий, холодный речной камешек.

Внезапно арфист — из своенравия или шалости ради — свернул прочь с заданного ею пути. Призвав на помощь все силы, Зое удалось обуздать его и удержать в прежнем ритме. «Потерпит, — подумала она. — Ему нечего бояться.

Нечего терять».

А может, есть? Зоя снова оглянулась на него, сидящего на камне, выступающем из травы, как старый зуб.

— Кто ты? — спросила она — может, словами, а может, без слов. — Ты — Кельда?

— Или Уэлькин? — невнятно подхватил Фелан.

Арфист только улыбнулся и взял ноту, что растопила сердце Зои, зажгла в нем огонь, а после вознесла к вершинам поэзии.

— О-о, — вновь потрясенно ахнула она, и он кивнул ей.

— Играй со мной, — сказал он голосом, подобным скрежету обломков мироздания.

— Хорошо, — ответила Зоя — а может, ее сердце. В тот миг она хотела лишь одного: вплести в эту силу, в это сокровище всю известную ей музыку, чтобы тут же раздать ее всему миру.

Фелан почувствовал эту перемену: танцующий ручеек вдруг превратился в такой глубокий, мощный, неодолимый поток, что он едва мог удержаться на поверхности. Положившись на собственные пальцы, он отдался музыке. Разум подсказывал, что он никогда в жизни не смог бы сделать того, что делает сейчас. Казалось, он держится на плаву, цепляясь за плывущий в по-

токе листик, вручил свою жизнь пролетающему мимо перышку, несся сквозь быстрые, бурные, пенящиеся воды музыки, исходящей от Зои, на тоненьком прутике. Казалось, он играет наугад, слепо бьет по струнам, извлекая музыку из эмали зубов, из вставших дыбом волос, из тех закоулков разума, о существовании которых даже не подозревал. Нет, его гнал вперед вовсе не страх разделить судьбу отца — об этом и вспомнить было некогда. Он ухватился за кромку подола Зои, вцепился ногтями в краешек ее тени, и уже не мог разжать хватку — мог только следовать за ней туда, куда вела она.

Поэтому, когда тот, кого он счел стоячим камнем на гребне холма неподалеку, окликнул его по имени, он лишь озадаченно взглянул на него, но не остановился. «Вещий Камень», — решил он, хотя голос был странно похож на голос отца.

— Фелан!

Пальцы пропустили ноту. Да, то был отец — это он звал его из-за стены Вьющейся башни! Иона кричал что-то еще, но его слова тонули в голосе Зои. Фелан склонил голову и сосредоточился. «Будь у отца полезный совет, — мрачно подумал он, — он прибег бы к нему сам многие сотни лет назад».

Иона словно прочел его мысли и двинулся к сыну, но, чтобы преодолеть этот путь, его крохотной, невообразимо далекой фигурке пришлось бы идти многие дни, годы, а может, и целые эпохи.

Тем временем странный арфист нашел в заключительных аккордах Зои новую песню и ринулся с нею вперед. Фелан едва не вывихнул пальцы, изо всех сил стараясь поспеть следом. С Зоей же произошло нечто непонятное. Фелан увидел, как ее голос вьется вокруг нее длинными разноцветными флагами, трепетавшими и медленно рассеивавшимися в дуновении ветра. Звуки ее арфы, точно крошечные сверкающие насекомые, расправляли блестящие золотом крылья и стайками улетали прочь. Беззвучно рассмеявшись, Фелан попробовал сотворить такое же волшебство своими пальцами. Нет, его ноты не породили ничего живого, и все же Зоя улыбнулась ему. Вся — пламенеющий шелк и волосы, вьющиеся по ветру, она скинула туфли и босиком встала среди высокой травы. «Как она может улыбаться? — изумился Фелан. — Как она может не испытывать страха, попав в эту губительную сеть поэзии и силы, когда впереди темнеет, ждет нас обоих, как огромная дверь в безвременье и горе, та же судьба, что постигла отца?»

Арфист повел мелодию в новое русло, и Зоя запела вместе с ним. Два голоса взвились над равниной, словно пение ветра: его — низкий, грубо отесанный, буйный, и ее — золотом и багрянцем взмывающий ввысь, к черным тучам, собиравшимся разразиться бурей. Ноты Фелана разлетались прочь, будто птицы, пока ураган не схватил их за пышные хвосты.

— Фелан! — раздался из буйства стихий крик Ионы.

Отца было не различить в слепящих лучах солнца, прорывавшихся сквозь клубившийся над равниной туман. Казалось, он подошел ближе, или голос его зазвучал сильнее. Что отец в силах сделать такого, что еще глубже не увлекло бы их всех в неисчерпаемый котел времени? Этого Фелан не мог и вообразить. Хотелось лишь одного — чтоб Иона прекратил кричать. От этого неуместного звука, словно от голоса, внезапно ворвавшегося в сон, пальцы подвели, пропустили ноту, а за ней и другую, и третью, пока Зоя не подхватила беспомощно барахтавшегося Фелана и не поставила на ноги. Здесь, на краю пропасти, он и замер — едва дыша, силясь удержать на месте само время, неумолимо несущееся мимо.

А Иона закричал снова. Он был уже совсем

близко, и слово, выпущенное им на волю над равниной, было вовсе не именем Фелана.

Оно громко треснуло на фоне музыки, как сломанный дубовый сук, и этот треск заставил старого арфиста умолкнуть на полуслове.

Эта недолгая заминка так поразила Фелана, что и его пальцы замерли на струнах. Одной лишь Зое, оставшейся в одиночестве, помеха оказалась нипочем. Она лишь мельком взглянула на Иону, внезапно возникшего на вершине холма рядом с Феланом и вынувшего арфу из его рук.

— Что ты делаешь! — вскрикнул Фелан, выбитый из равновесия. Казалось, родной отец, обманувшись, толкнул его в пропасть вместо того, чтобы оттащить от обрыва. — Ты даже свистеть не умеешь! От одного твоего взгляда струны лопаются!

Но Иона даже не взглянул на него. Арфист улыбнулся обоим все той же загадочной улыбкой и снова запел, и пальцы Ионы ударили по струнам, подхватив мелодию. Фелан таращился на него, дрожа, обливаясь потом, вырванный из объятий арфы, из объятий бурлящего, губительного потока музыки, оставшийся стоять с пустыми руками на берегу. Музыка кипела в его голове, но больше не находила выхода.

Тем временем музыка Ионы сливалась с мелодией Зои, будто серебро с золотом, солнечный свет с небом. С его арфы летели крохотные пташки, а с ее — бабочки; их голоса вились рядом, нежные, сильные — твердые, точно кость, и древние, точно камень. Вместе они завораживали, околдовывали. Фелан замер с разинутым ртом, чувствуя, как все несыгранное и неспетое с каждым вздохом льется наружу из самого сердца, из глубины души.

Он даже не заметил, когда перестал играть старый арфист. Незадолго до этого призрачные камни вокруг поплыли прочь, подобно тучам, расходящимся после грозы. Сидя на земле, Фелан безмолвно смотрел, как он снимает арфу с плеча и тянется за чехлом. Тут он увидел на арфе множество рун, тайные письмена, сплошь покрывавшие резонатор и раму.

— Кто ты? — прошептал он, наконец-то обретя дар речи. — Ты — Кельда?

— Иногда. А иногда — Уэлькин. А иногда… — он пожал плечами. — Неважно. Я прихожу туда, где слышу музыку.

— Но как… Каково твое настоящее имя?

Арфист сощурился, сверкнув на Фелана светло-голубым глазом.

— Спроси отца. Он знает.

Фелан пристально взглянул на отца. Тот все еще играл, да так, словно из-под его пальцев рвались все ноты, не сыгранные за тысячу лет.

— Что ты с ним сделал? До этого дня он не мог сыграть даже на травяном стебельке или выстучать ритм парой ложек.

— Я? Я ничего не делал. Это все ты.

Он спрятал арфу в чехол, затянул старые кожаные ремешки, нежно потрепал потертую кожу, и чехол вместе с арфой исчез. Фелан изумленно уставился туда, где он только что был, но тут же поднял взгляд вслед взмаху руки арфиста.

— Он был заточен в этой башне с тех пор, как попытался убить меня своей музыкой. Тогда он обрушил только верхушку той старой сторожевой башни. А на этот раз он нашел лучший способ разделаться со мной. Он вывернул душу и сердце наизнанку, чтобы спасти тебя от той участи, что постигла его самого. Нет, — добавил он, стоило Фелану открыть рот, — тебе она ни в коей мере не угрожала. Но он-то об этом не знал! И ради тебя обрушил стены башни своей игрой.

Казалось, Фелану становится тесно в собственной коже.

— Кто ты? — снова спросил он голосом истон-

чившимся, неосязаемым, как дым.

Арфист улыбнулся.

— Всего лишь древний камень, — сказал он, и с этими словами стал им — видавшим виды валуном, вросшим в землю на макушке холма, дремлющим под полуденным солнцем, покрытым пятнами лишайника да едва различимыми узорами, что некогда могли быть словами.

Немного погодя Фелан придвинулся ближе и привалился к нему спиной, слушая Зою и отца. А еще немного погодя услышал пророчество камня:

— Ей быть следующим бардом этой земли. Ей своей песней склонять к закату луну и пробуждать солнце, и не останется среди бардов ни одного, кто в силах устоять перед ее волшебством.

А еще немного погодя его нашла Беатрис.

Принцесса взошла на пригорок с сандалиями в руках, растрепанная ветром. Поднявшись на ноги, Фелан с изумлением увидел ее неуверенность и даже некоторый испуг. Шагнув ей навстречу, он заметил слезы, высыхающие на ее лице, а, обняв ее, снова почувствовал крепкие, нежные объятия музыки в ее сердце.

— Я тебя не видел, — сказал он.

— А я не видела никого, кроме тебя. И так испугалась! Как никогда в жизни. Все остальные куда-то пропали, а из истории твоего отца я поняла, куда занесло вас с Зоей. Кельда надул вас, и…

Фелан покачал головой, но тут же остановился и криво улыбнулся.

— Да, пожалуй, так и есть.

— Я хотела войти в башню вслед за твоим отцом, но до сих пор никак не могла найти дорогу. Что с ними случилось?

— На этот раз отец обрушил ту башню, которую следовало.

Принцесса подняла голову и взглянула через его плечо. Над ухом прошелестел ее вздох.

— Так это Иона! А я все это время думала, что с Зоей играет Кельда. Ничего было не видно. Только сейчас в глазах прояснилось. Никогда раньше не слышала, чтобы твой отец играл.

— Я тоже. Он наконец вспомнил, как это делается.

Принцесса вновь шевельнулась, и Фелан почувствовал на губах ее волосы.

— А где Кельда?

Подумав, Фелан решил, что проще всего ответить прямо.

— Он превратился в Уэлькина и снова научил

отца играть. А потом превратился обратно вот в это.

Фелан кивнул на выступавший из земли валун и почувствовал, как Беатрис затрепетала от изумления. Она медленно выпустила его из объятий и уронила сандалии в траву. Фелан криво усмехнулся: казалось, принцесса забыла обо всем, кроме камня, покрытого хитрой вязью почти стершихся от времени строк.

Опустившись рядом с камнем на колени, она потрогала его, погладила, провела кончиками растопыренных пальцев по древним письменам и в конце концов улыбнулась дрожащими от восторга губами сквозь слезы, упавшие на залитый солнечным светом валун.

— Самые первые слова, — прошептала она. — Самое древнее волшебство… Ой, Фелан, посмотри сюда. — Он присел рядом с ней и поцеловал ее соленые губы, жалея, что это не он лежит под ее нежными, ищущими пальцами, и гадая, чувствует ли их старый бард в том сне, где сейчас обитает. — Это же круг со спиралью!

— Что?

— Вот это!

Беатрис взяла его руку и провела его пальцем по кругу, а затем — вдоль спирали, сходящейся

к его центру. Взглянув на него, она рассмеялась сквозь слезы.

— Тот самый символ с каменной двери в гробницу, которую мы откопали. Больше я не видела его нигде. Может, это и есть его имя?

— Он — призрак?

— Ну, может быть, эта гробница — вовсе не гробница. Или, может быть, гробница все еще ждет его — ведь он пока что далек от смерти.

Озадаченный, Фелан вспомнил выкрикнутое Ионой слово, заставившее старого барда в изумлении пропустить ноту. «Услышать свое имя впервые за невесть сколько тысяч лет… Как тут не удивиться», — подумал он. Тронутый тем, что Беатрис сумела так ясно различить вырезанные в камне слова, и все миры, заключенные в них, он потянулся к руке принцессы, нежно отвел ее пальцы от истертого камня и поднес к губам.

Музыка за спиной замедлилась, начала распадаться на неоконченные фразы, рассыпаться на отдельные ноты. И вдруг Иона рассмеялся — свободно и удивленно. Подобного смеха Фелан не слышал от него никогда.

Тут загрохотал, заревел амфитеатр; волны звука, одна за другой, катились со всех сторон, сталкивались над сценой и тяжким эхом кати-

лись назад, навстречу новому гулу. Все четверо вновь стояли на сцене, на подмостках — музыканты, окаменевшие при виде внезапно возникшего вокруг мира, и принцесса, недоуменно оглядывавшаяся в поисках пропавшего камня, пригорка, иного тайного мира и древнего слова под пальцами.

Очнувшись первой, Зоя издали улыбнулась Кеннелу. Тот, как и все остальные, вскочил на ноги и хлопал так неистово, что ладони могли бы отвалиться.

Затем она повернулась к Ионе и долго, с недоверием разглядывала его, прежде чем заговорить.

— Найрн?

Он молча поднял на нее взгляд, и на миг Фелану почудилось, что в глазах отца мелькнул, точно тень, след бесконечного пути длиною в тысячу лет.

— Тогда я был молод и глуп, — сказал он после долгого молчания.

Зоя вздрогнула.

— Значит, мы все…

— Возможно, — чуть мягче ответил он. — Но ты узнала Кельду раньше, чем я. Уэлькин… Все волшебство и поэзия, все древние голоса этой земли ожили, обзавелись парой ног, чтобы бро-

дить по свету, арфой, да парой рук, чтобы играть на ней. Ее, истинную музыку нашей земли, ты и слышала.

Зоя впилась в него взглядом.

— И ее вы сегодня играли, — прошептала она.

Иона улыбнулся.

— Я слышу ее каждый раз, слушая тебя. Ты рождена с ней. А в моей всегда кроются какие-то потаенные мотивы, — он притянул Фелана к себе. — Я думал, что спасаю сына, но этот плут снова надул меня: оказалось, я спас сам себя.

— Сюда направляется отец, — негромко пробормотала принцесса, взглянув вниз через край сцены. — И Кеннел. И мать. И дядюшка — наверное, желает знать, куда девался Кельда. И тетушка. У кого есть охота объясняться с ними?

— Только не у меня, — твердо ответила Зоя.

— И не у меня, — выдохнул Фелан.

— Остаюсь я, — с сухой иронией подытожил Иона. — Но лучше бы не прямо сейчас…

— Школьная кухня, — устало предложила Зоя. — Утром я поставила тушиться рагу, а сейчас мне кажется, что никогда в жизни я не была так голодна. К тому же, скоро она станет единственным тихим и безлюдным местом на весь город. Идемте со мной, и я всех накормлю. Фелан, что

тебя так рассмешило?

— Неисчерпаемый котел, — ответил он, обняв Зою и поцеловав ее в мокрый от пота висок. — Последняя недостающая деталь. Я все думал, когда же ты доберешься до нее.

— Я вас отвезу, — не замедлила предложить принцесса, вопросительно взглянув на Иону.

Секунду помедлив, Иона кивнул.

— Только ненадолго. Чуть позже надо будет пойти, отыскать луну и выпить с ней кружечку лунного света.

— Но ты вернешься домой? — резко спросил Фелан.

Иона улыбнулся — горько и счастливо.

— На этот раз — да, — пообещал он. — И буду возвращаться в каждый вечер из тех, что мне еще остались… — он крепче сжал рукой плечо сына. — Рано еще скорбеть по мне, мальчик мой! Я просто вернулся в царство живых. Может быть, я никогда к нему не привыкну, и каким же чудесным будет его разнообразие! Ах, да, — добавил он, снимая с плеча забытую арфу и вручая ее Фелану.

Но Фелан покачал головой и снова накинул ремень на плечо отца.

— Оставь ее себе, — хрипло сказал он и криво

улыбнулся своему невыносимому отцу. — И выпей с луной за мой успех. Ты наконец-то помог мне завершить итоговую работу!

Глава двадцать шестая

Великое состязание бардов, созванное на равнине Стирл в первый день лета по просьбе Кеннела, придворного барда короля Люциана, ставит перед нами множество вопросов, выходящих далеко за рамки данного исследования. Подобно точному местоположению Костяной равнины, подобно истокам порожденной ею поэзии, это событие будет служить темой научных статей и итоговых работ выпускников еще десятки, если не сотни лет. Отчего Кельда, который, согласно всеобщим ожиданиям, должен был выйти из состязания победителем, в конце второго дня исчез столь бесследно, что даже лорд Гризхолд не мог сказать, что с ним произошло? Каким образом Иона Кле, по всем сведениям, в молодости — самый неуспешный ученик за всю историю Школы-на-Холме, сумел аккомпанировать той, что заняла место придворного барда короля Бельдена, с таким потрясающим мастерством, с такой страстью и знанием дела, что только в силу собственного категорического отказа принять эту должность и связанную с нею ответственность,

не участвовал в состязании в третий и последний его день? А постоянные смутные и странные слухи о втором дне состязания? О том, что среди участников был еще некий бард, «чей голос был подобен горной лавине, а песни, струившиеся из-под его пальцев, известны были немногим из ученых», безымянный бард, к концу второго дня пропавший так же бесследно, как Кельда? Кто был этот незнакомец? А таинственная трещина в каменной кладке амфитеатра, якобы возникшая не под тяжестью собравшихся зрителей, а из-за крика столь громкого, что он немедля вошел в легенду?

Как же нам быть с жалобами (и не только из сомнительных источников, но и от таких лиц, как сама королева Гарриет, которая никоим образом не могла быть пьяна в это время дня) на странный туман, заполнивший амфитеатр и продержавшийся там, по-видимому, довольно долгое время, в течение коего со сцены играли и пели некие невидимые музыканты? (Те немногие, кто, подобно Кеннелу, мог видеть сквозь туман, описали этих музыкантов — из этих-то описаний нам и известно о таинственном безымянном госте.) А слухи о стоячих камнях, появляющихся в странных местах? А витавшие над амфите-

атром устойчивые ароматы восхитительного пиршества, настолько заманчивые, что многие люди в поисках их источника двинулись в туман, натыкаясь друг на друга, падая вниз по ступеням и сбивая с ног разносчиков с лотками? И наконец, каким образом и зачем, когда туман рассеялся, на подмостках оказалась принцесса Беатрис?

Нам остается одно: упорно пролагать себе путь сквозь завесу этих вопросов и строго держаться предмета настоящего исследования — Найрна, который, как нам еще предстоит доказать, вернулся на место своего сокрушительного поражения, чтобы многие сотни лет спустя вернуть себе доброе имя и найти то, что так долго искал (насчет этого последнего заметим лишь, что каждый на его месте ничего иного не мог бы себе и пожелать, хотя к настоящему времени это слово, по всей вероятности, сделалось для него синонимом слова «покой»).

До этого места мы убедили Найрна поведать нам свою историю, начавшуюся в Приграничьях так много лет назад. Пусть же она, неотъемлемая часть самой ранней нашей поэзии, послужит поучительной сказкой для всех талантливых и честолюбивых, а всем остальным явит еще один образ бесконечно многогранного лика прошлого.

Фелан Кле. «К вопросу о Непрощенном»

Он пел с нею, как серебро,

Она с ним пела, как злато,

Вдвоем повергли Башню они,

Обернули Древнего камнем.

Свободен Проклятый, найден Заблудший,

Вновь может играть Дурачок.

Из Вьющейся башни он вызволил сына…

О, горе! О чем теперь петь?

Неизвестный автор.
Уличная баллада, записанная наутро после того,
как Зоя Рен была объявлена придворным бардом короля Бельдена